

САРА ДАЛТОН
И
МОЙРА КАТСОН



КОРОЛИ
ДРАКОНОВ

Земля огня и пепла

книга четвертая

У Луки нет времени исправлять свои ошибки и восстанавливать отношения. Бог пересек море и овладел Зантосом. Он сможет найти силу в момент слабости?

Рева движется из Реялона и воплощает план, который может потенциально сделать мир лучше. Но ей нужно идти против ее короля. С Кариной и другими менти Рева может стать одной из самых важных фигур в грядущей войне. Или ее могут арестовать за измену.

В это время Сэм и Карлия отправляются в Зантос, ищут обостренными чувствами дракона последнего дракона из пророчества. Этот дракон захочет биться ради общего блага?

Последний бой начался, но герои еще никогда не были так разделены. Они смогут объединиться против общего врага? Или королевство погибнет? Узнайте в финальной книге серии.

Перевод: Kuromiya Ren

1

Тиниан

Лорд Тиниан прогуливался по садам Золотого дворца, Лорд был рядом с ним. Среди роскоши дворца сады были роскошью другого рода. Три длинных прямоугольных бассейна с инкрустированными краями отражали лазурное небо среди цветущих лотосов. Крупная белая рыба носилась в воде. Ряды пальм и платанов давали тень, а зелени было необычно много. Жасмин тянулся вдоль тенистых дорожек, а воздух всегда был наполнен ароматами роз и маков.

Такие сады, требующие столько воды, были роскошью, которую немногие могли себе позволить. Тиниан гордился ими — и своим положением человека, которому они, по сути, принадлежали.

Он чувствовал, что заслужил их. Как первый советник Зантоса, он привел свой народ не только к процветанию, но и к просвещенному веку науки и искусства. Давэд не всегда был дружелюбен с Зантосом, но, по крайней мере, параноидальный король не проявлял горячего интереса к войне между двумя странами, а у Тиниана не было желания вести войну ради войны.

Война могла быть благом для торговли, но из-за хаоса, который она вызвала, получить прибыль было непросто. Нет, Тиниан не был одним из глупцов, которые развязывали войну, чтобы потешить собственное эго и почувствовать себя воином. Он обладал более утонченной чувствительностью — в отличие от всех мужчин, восседавших на эсталанском троне в последнее время, сказал он себе немного ехидно.

К несчастью, один из этих людей сейчас шел рядом с ним, легко завоевав Золотой Порт и взяв в заложники весь совет, включая Тиниана. На протяжении всей своей карьеры Тиниан стремился сделать Зантос нацией, явно превосходящей Эсталу. Эстала была отсталой, суеверной, чрезмерно религиозной, далекой от искусства, науки или культуры.

И все же Зантос теперь оказался пешкой в битве между двумя наследниками Эсталы.

Тиниан попытался успокоиться. Он понял, что Бог, как любил называться Стефан, смотрит на него. Тиниан встретился с ним взглядом и пожалел об этом. Он твердо сказал себе, что не верит в рассказы о привидениях, но в этих глазах было что-то не совсем человеческое, что-то, чего, как клялись другие советники, не было, когда Стефан впервые прибыл в Зантос.

Детская чепуха, сказал себе Тиниан.

— Знаешь, как я так легко покорил Зантос? — спросил Бог.

Было бы ребячеством возражать сейчас. Тиниан не был ребенком; он был Первым Советником и происходил из купцов, которые годами проглатывали свою гордость и говорили слова, которые другие хотели слышать. Пусть другие люди спорят об определениях гордыни и истины. В конце всегда выигрывали торговцы.

Тиниан не позволил проявить ненависть. Он склонил голову, демонстрируя все признаки уважения.

— Не знаю, владыка.

— Оглянись, — Бог указал на сады и дворец, и даже — подумал Тиниан — на ясное голубое небо над головой. — Посмотри на эту роскошь. Ты знаешь, что такое роскошь?

— Нет, владыка, — Тиниан внезапно услышал крики, доносящиеся из города внизу. Его пробрал озноб, и ему захотелось скрыться в крытых переходах и смотреть в щели окон.

Он вернулся в Зантос прошлой ночью и нашел Стефана — или Бога, как он теперь называл себя — в зале совета города, уже завоеванного. Это был бескровный переворот, но это только насторожило Тиниана. У Стефана было много заложников, включая Альберто, младшего сына Давэда — мальчика, которого Тиниан намеревался держать как заложника.

Он подавил мысль, что был ничем не лучше Стефана. Тиниан никогда бы по-настоящему не причинил мальчику вреда, но истории о жестокости Стефана были хорошо известны. И все же...

А теперь на рыночной площади раздались крики, говорящие ему, что что-то происходит — именно то, чего он опасался с тех пор, как впервые увидел Стефана, сидящего в кресле Первого советника.

Бог, казалось, не обращал внимания на звуки внизу. Он шел по красивым дорожкам, сцепив руки за спиной, и то, что Тиниан мог видеть от его лица за маской, казалось одновременно безмятежным и слегка разочарованным всем, что он видел.

— Роскошь — это гниль, — сказал Бог, и в его голосе прозвучала далекая команда, которая звучала совсем не так, как у мальчика, которого когда-то встречал Тиниан. Тиниан был вынужден снова напомнить себе, что боги не перерождаются в человеческие тела. Это было смешно. — Роскошь — это рост, — продолжал Бог. — Она растет незаметно в груди, иссушая тело и сокрушая жизненно важные органы, — он вытянул руку в перчатке перед собой, глядя на нее почти с любопытством, и крепко сжал пальцы на последнем слове. Кожа его перчаток слегка поскрипывала, и Бог провел языком по его губам. Язык был все еще таким же красным, как и утверждали слухи.

Ветер сменился, и крик стал громче, прерываемый тем, что Тиниан посчитал боем барабанов. Страх скрутил его живот. Что происходило? Что это была за шарада?

Он знал, что лучше не спрашивать.

— Возможно, ты не согласен с моей оценкой, — сказал Бог, наклонив голову в сторону Тиниана.

— Нет, владыка. Нет.

— Действительно? — сказал Бог, чуть более высокий тон его голоса указывал на веселье. — Значит, ты сознательно ослабил свою страну? Я мог не заметить в тебе ценного союзника, Тиниан.

Тиниан призвал все свое мастерство торговца и проглотил горькие остатки своей гордыни, пытаясь игнорировать очевидную насмешку Бога.

— Я торговец, Бог. Я давал все, чего желали богатые. Я верил, что в простых сделках смогу найти определенную моральную справедливость. Это была только торговля, или кусок шелка, или золотая тарелка. Где был вред? И Зантос, и Эстала расцвели благодаря этому, — он вздернул подбородок, пытаясь вызвать чувство гордости, которое испытывал так давно, но не вышло. Он продолжал свою фальшивую лесть. — И все же, как вы говорите, вы легко завоевали Зантос. Наверное, дело в ваших речах.

Лорд долго смотрел на него, и Тиниан склонил голову. По правде говоря, он не был уверен, что его слова были игрой. В некотором смысле описание роскоши, данное Богом, имело смысл. Общество нуждалось во многом: в еде, жилье, дорогах. Если энергия шла на такие легкомысленные вещи, как шелка и картины, разве это не истощало все остальное?

Тиниан сказал бы «нет» — и все же он был здесь, пленник в собственном дворце.

— Ты ведь не собирался предать меня, да, Тиниан? — голос Бога был мягким, вызывающим доверие, но холодный намек на опасность в нем заставил Тиниана ощутить холод.

— Нет, владыка, — он говорил только от страха, уже не уверенный в себе Первый Советник.

— Хорошо, — сказал Бог все еще мягким голосом. — Это хорошо, Тиниан. Я надеюсь, что вместе мы сможем построить новый мир. Ты сможешь объяснить моим детям из Зантоса, почему в Зантосе произошли перемены. Ты сможешь объяснить, почему очищать их огнем — это доброта.

— Огнем... — Тиниан не мог дышать.

— Сам посмотри, — Бог поднялся по лестнице на верхнюю стену неторопливыми шагами, пока Тиниан боролся с желанием протиснуться мимо него и подбежать к зубчатой стене.

Дым поднимался в воздух с рынка. Тиниан прищурился, увидел, как солдаты Бога бросают в пламя рулоны шелка и свитки. Люди кричали, когда их отгоняли от огня, извиваясь в руках похитителей. На мгновение он не понял, что происходит. Да, товары были жизненной силой торговли, но их можно было заменить. Люди пока не должны были гневить Бога, не за это.

Потом дым немного рассеялся, всего на мгновение, и он увидел, почему они дерутся. Его руки впились в позолоченные камни. Бог сжигал ткачей и портных вместе с их товарами. Били в барабаны, и ветер нес напев: *Аниос, Аниос, Аниос...*

— Огнём они будут искуплены, — заверил его Бог. — В следующей жизни они будут каяться, а те, кто останется, увидят истину и смогут спастись. Радуйся, Тиниан. У твоего народа есть шанс избежать проклятия, — он улыбнулся. — Надеюсь, они это примут. Миру нужно — мне нужно — их поклонение.

Тиниан резко повернул голову к Богу и отошел. Он скрыл выражение лица, оставаясь таким бесстрастным, каким только мог, несмотря на кипящий внутри него гнев.

На мгновение лоск доброго бога соскользнул, и Тиниан услышал грубую жажду в голосе Бога. Это потрясло его до глубины души. Кем был этот человек сейчас? Был ли он сумасшедшим или чем-то более темным? Чем-то больше?

Тиниан повернулся к кострам, страх и отчаяние душили его. Он должен был помогать людям, он это знал, но не понимал, как. Он подозревал, что уже потерпел поражение, и очень боялся, что увидит, как сгорит весь город, а затем сам будет брошен в огонь, а Бог останется.

Карина

В первую ночь Карина и Рева почти не разговаривали. Им дали все, что им могло понадобиться, чтобы оставаться в безопасности: карету, которую мог использовать дворянин, и свиту верных охранников, предоставленных Сереной, выбранных на основе их готовности терпеть менти. Это все еще не был изощренный способ путешествовать, но Серена уверенно шептала, что в этой бесхитростности и заключалась гениальность.

— Я прослежу, чтобы Лука разыскивал двух молодых женщин, путешествующих в одиночку, — сказала она. — Оставьте это мне. Многие из здешних стражей до сих пор верны.

Рева сжала ее руку и так нахмурилась, что на ее обычно милом лице появились морщины.

— Будь осторожна, тебя могут услышать. Если Лука опасается, что ты пытаешься занять его место...

— Мы оба знаем, что он уже боится меня, — улыбка Серены была грустной. — Я не перестану делать все, что в моих силах, для Эстала только потому, что мой брат бросается в тень. Лука в замешательстве, но со временем он поймет, что я никогда не попытаюсь занять его трон. Я не могла бы с чистой совестью устроить такую войну.

— Когда это был Стефан... — начала Карина.

— Лука — не Стефан, — сразу сказала Серена.

Но Карина заметила, что она была не очень в этом уверена. Но она была принцессой, рожденной и воспитанной, и, прежде чем разговор успел свернуть в опасное русло, она повела их в конюшню, где готовили карету.

Серена повернулась к вызванным стражам и посмотрела на них, как королева.

— Вы знаете, кто это, — она указала на Реву. — Это леди Рева Авалон, когда-то обрученная с моим братом Лукой. Все вы здесь были выбраны за вашу осмотрительность и симпатии к менти. До вас доходили слухи, и теперь я говорю вам правду: оба моих брата — менти, а Стефан — дракон. Когда он придет за нами, у нас должна быть защита — и именно поэтому леди Авалон так важна. Она тоже оборотень-дракон.

Мужчины тихо перешептывались между собой. Карина бросила на Серену недоверчивый взгляд, но Рева, как придворная дама, которой ее учили быть, ждала, чтобы узнать, каков был план Серены.

Карине это не было важно. По ее мнению, аристократы и королевские особы не имели ни малейшего представления о том, как на самом деле устроен мир. Это был ужасный риск. Но она последовала примеру Ревы и промолчала.

— Поскольку Рева — одна из немногих в Эстале, кто может встретиться со Стефаном в бою, она должна быть в безопасности, — объяснила Серена. — Ходят слухи, что некоторые из агентов Стефана остаются во дворце. Сегодня вечером мы убираем леди Авалон в безопасное место, и вы — неотъемлемая часть этого плана. Наутро король Лука притворится, что обнаружил пропажу Ревы, и поднимет шум и крик. На дорогах могут быть гонцы и всевозможные люди в королевских ливреях, которые говорят, что ищут ее и ее подругу. В лучшем случае, когда вы увидите этих агентов, это будет уловкой. В худшем случае это будут агенты Стефана. Не отвечайте им. Ни в чем им не признавайтесь. Прячьтесь от них, если сможете, и выполняйте приказы леди Авалон. Она посвящена в подробности, которые вы, возможно, не знаете. Что бы она ни делала, она делает это по уважительной

причине. Понятно?

Солдаты кивнули, и Карина поняла, что недооценила принцессу. Серена хитро позаботилась о том, чтобы солдаты не встревожились, когда Лука начнет обыск, и что, что бы ни делала Рева, чтобы оставаться в безопасности, солдаты будут следовать ее приказам.

Хотя сейчас даже Рева выглядела нетерпеливой, Серена обратилась к каждому солдату по очереди, лично прося их о верности. Когда это было сделано, она отвела Реву и Карину в сторону.

— Я дала вам лучший шанс, какой только могла, — сказала она им тихим голосом. Она сжала руки Ревы. — Рева, однажды я подумала, что назову тебя своей сестрой, и обрадовалась этому. Твоя храбрость и твоя доброта вдохновили меня. Я знаю, что ты сделаешь все возможное для Эсталы, куда бы ты ни пошла, и я всегда останусь твоим другом. Карина, я едва успела тебя узнать, но я вижу, что под поверхностью скрывается многое. Ты — верная подруга Ревы, самостоятельная смелая и умная женщина. Я желаю тебе безопасности и эгоистично надеюсь, что ты поддержишь Реву, что бы ни случилось.

Прежде всего, Серена была принцессой, напомнила себе Карина. Что бы она ни говорила, между ней и женщиной, которая стояла перед ней, всегда была огромная разница. Карине пришлось вспомнить, что она, вероятно, совсем не заботилась о ее благополучии. Были ли ее слова чем-то большим, чем лесть? Серена хотела, чтобы Рева была в безопасности, и Карина была полезным инструментом для этой цели. Но в то же время Карина не могла отделаться от подозрения, что у Серены доброе сердце, и, возможно, ее добрые слова были не таким уж и преувеличением. В конце концов, Карина никогда бы не догадалась, что Серена даже признает ее.

Она застенчиво сделала небольшой реверанс, и когда Серена притянула ее, чтобы поцеловать в обе щеки, Карина удивилась ее мягкости.

— Идите, — сказала Серена. — Быстро. Убирайтесь как можно дальше, а я сделаю все, что в моих силах, чтобы отсрочить поиски.

Затем они уехали, уютно устроившись в карете, и Карина подумала, что многое изменилось, но многое осталось прежним. Они уже не голодали, не собирали ягоды и не воровали картошку, но по-прежнему убегали.

Они ехали до раннего утра, пока Рева не попросила кучеров съехать с главной дороги и остановиться в первом же попавшемся городке, где была гостиница. Это был первый раз, когда она заговорила, за всю ночь, и, хотя она была любезна и добра, усилие, казалось, истощило ее. Когда она закончила, она опустилась на свое место и снова замолчала, ее кожа была землистого цвета, а лицо осунулось.

Сама Карина была поглощена сомнениями. Что, если Лука намеревался включить в свой план что-то большее? Возможно, он заманивал улези в ловушку и рассказал бы все Реве. Что, если Карина ошиблась, рассказав Реве о предательстве Луки, и их бегство из Реялона было поспешным? Возможно, Карина зря разбила сердце Ревы.

Потом она вспомнила лицо Луки и поежилась. Она вспомнила отчаяние в глазах Луки. Он пытался скрыть его, но оно было там. Теперь он был так одержим Стефаном, что она верила, что он пожертвует Ревой, чтобы победить своего брата.

Она не могла избавиться от ощущения, что они могли совершить ошибку. Возможно, им стоило задержаться на день. Не лучше ли было проявить осторожность и подождать? Поскольку улези охотились на Реву, их путешествие могло закончиться катастрофой. Тем не менее, она знала, что с каретой и солдатами у них не было шансов.

Ее мысли все крутились, как человек, напуганный и все же беспомощный, и Карина почувствовала облегчение, когда карета остановилась. Она услышала грубые голоса стражей, договаривающихся о цене на содержание лошадей и комнаты. Она отодвинула шторы, чтобы лучше рассмотреть маленький трактир.

Наконец, Рева ожила. Она потянулась, чтобы взять Карину за руку, ее глаза сияли и были стеклянными.

— Спасибо, — тихо сказала она. — Твоя сообразительность спасла мне жизнь, Карина, как и твоя доброта. Не единожды. Без тебя я не знаю, что бы я делала. Но у меня есть идея. Я скажу тебе, когда мы будем одни.

Карина заинтригованно ждала, пока дверь кареты откроется и один из солдат поможет Реве спуститься. Ни на одном из них не было ливреи, а на карете не было опознавательных знаков.

— Миледи, — сказал один из них. — Как нам обращаться к вам в гостинице?

— Я буду Эвелин, — без тени сомнения сказала Рева. — Купеческая дочь. Мой отец надеялся выдать меня замуж за дворянина в Реялоне, но после хаоса в городе он считает, что будет безопаснее отправить меня в деревню. Вы везете меня в имение, которое он купил. Это моя кузина и спутница Ханна.

Это была ловкая ложь, подумала Карина, и ей стало интересно, думала ли Рева о том, какую историю рассказать, пока молчала в карете. Рева была умна и знала, что богатые купцы всегда пытаются выдать себя за дворян. Никто не задался бы вопросом, почему там было так много стражи или почему одежда Ревы была такой красивой.

Карина мысленно упрекнула себя за то, что подумала, что Рева хандрит из-за Луки. Вместо этого она обдумывала их псевдонимы для путешествия.

— И я зайду к вам, прежде чем мы уйдем, — сказал Рева. — План Луки требует, чтобы некоторые из вас очень скоро стали гонцами. Я все объясню.

— Конечно, миледи... то есть, мисс, — он уважительно поклонился и провел их внутрь, пока Карина пыталась угадать, что замышляет Рева. Ей пришлось признать, что она понятия не имела.

Она бросила на Реву озадаченный взгляд, когда их проводили в трактир. Однако вскоре ее отвлекла жена трактирщика, суетившаяся вокруг, пытаясь устроить их удобнее. Карине хотелось сказать Реве, чтобы она была надменной и неблагодарной, как купец, стремящийся к месту аристократа, но у нее не было шанса. Рева была, как всегда, добра и отзывчива, хвалила женщину за ее стряпню, уважительно разговаривала с горничными и солдатами. Карина утешала себя тем, что жена трактирщика никогда бы не догадалась, что Рева — дама.

— Полагаю, вам хочется отдохнуть, — любезно сказала женщина. — После пути всю ночь. Я содрогаюсь при мысли о том, какой город в наши дни.

— Не так уж и плох, — ответила Рева. — Надеюсь, из принца Луки получится прекрасный король.

В ее голосе было столько печали и боли, что это услышала даже жена трактирщика. Она прекратила уборку и с любопытством посмотрела на Реву.

— Все будет хорошо, — пообещала Карина своей подруге. — Почему бы тебе не пойти в нашу комнату, а я сейчас поднимусь?

Рева ушла с непроницаемым лицом, а Карина повернулась к жене трактирщика.

— Ее отец выдал бы ее замуж за старого лорда, — солгала Карина так искусно, как только могла. — Но Эвелин любит солдата в армии принца Луки. Она очень боится, что

будет война.

— Ах, бедная девочка, — жена трактирщика понимающе кивнула. — Это тяжелый мир для молодой женщины, это точно. Отец выдаст ее замуж, как захочет. Отцы всегда так делают. Надеюсь, ей повезет, как и мне. Мы не женились по любви, но он был добр ко мне.

Карина взглянула на лестницу, хотя Рева уже исчезла.

— Надеюсь, ей тоже повезет, — тихо сказала она.

Через несколько минут она вошла в отведенную для них комнату. Рева сидела на кровати и с кривой улыбкой подняла голову, когда вошла Карина.

— Прости меня за то, что я говорю так глупо. Мне нужно следить за своим языком.

— Ничего страшного, — заверила ее Карина. — Я сказала ей, что ты любишь солдата и беспокоишься из-за войны.

— Умница Карина. — Рева потянулась, чтобы сжать ее руку. — Чтобы я делала без тебя?

Карина начала смеяться. Она села на кровать рядом с Ревой и прикрыла рот рукой, чтобы сдержать смех.

— Что бы ты делала без меня? — она покачала головой. — Что бы мы без тебя делали? — она посерьезнела. — Рева... остальные. Я просто оставила их.

— Ты этого не сделала, — твердо сказала Рева. — Ты оставила их в хороших руках и пришла за помощью. Карина, без тебя я бы никогда не освободила нас из Садов Аниоса. Мы собираемся вернуться и освободить их.

— Я знаю, — ответила Карина.

— Нет, — Рева покачала головой. — Я хочу сказать, что сейчас мы их освободим.

У Карины раскрылся рот.

— Серена подала мне идею, — сказала Рева. — Всем нужны приказы Луки, и все знают, что он хочет армию менти. Будет армия менти, но не под его контролем. Мы соберем их в одном месте и подготовим к грядущей битве.

— Рева, — Карина поморщилась. — Ты уверена? Раньше они боялись стать солдатами.

— Никто не будет принужден, — сказал Рева. — Но я думаю, что большинство увидит, что они никогда не будут в безопасности, пока Стефан жив. Они захотят драться, я знаю. Лука не будет делить свои силы, чтобы нанести нам удар, и мы сможем выбирать, как вступить в бой. Понимаешь?

— Вроде, — Карина покачала головой. — Но как? Как мы можем подделать приказы? Нам понадобится... я не знаю, что нам понадобится.

— Пергамент, тушь, воск и печать, — Рева улыбнулась. — Первые три Серена предоставила мне. Последнее Лука дал мне по незнанию, — она вытатила тяжелое золотое кольцо из мешочка на талии и держала его в ладони. Оно подмигивало Карине. — Мы напишем приказы, а затем дадим их солдатам для доставки.

Карина поежилась. Она хотела этого с тех пор, как услышала, что Лука держит менти в заключении, но мысль о том, чтобы на самом деле реализовать план, заставила ее голову закружиться. Было предательством подделывать приказы короля. Она встретила взглядом с Ревой и увидела, что женщина грустно улыбается.

— Никогда бы не поверила, что сделаю такое, — сказала Рева. — Но это крупица, по сравнению с пленением и жестоким обращением с таким большим количеством людей. Лука, которого я когда-то знала, сделал бы то же самое.

Это подтолкнуло Карину к действию.

— Тогда мы должны это сделать. Что мы скажем?

— Мы скажем, что по приказу принца Луки все менти должны быть доставлены в тренировочный лагерь, который мы создадим в замке Далур, — это был один из замков Франциса, и он еще не был передан какой-либо другой знати. Когда солдаты приведут к нам менти, мы их отпустим.

— Лука узнает, где мы, — возразила Карина.

— Он узнает, где менти. Он, несомненно, задастся вопросом, не я ли среди них. Но я думаю, что ему будет стыдно противостоять мне, и если Тиниан не дёргает его за ниточки, я не думаю, что он придёт за мной. Он может даже сделать вид, что отдал приказ, чтобы сохранить лицо. В любом случае, менти должны объединить усилия и тренироваться. Стефан знает о Садах Аниоса. Там, где они находятся, им небезопасно, — она прикусила губу, думая. — Я просто не знаю, стоит ли нам идти в замок Далур самостоятельно или...

— У меня есть идея, — внезапно сказала Карина. — Мы должны отправиться в Сады, где меня поймали. Где Рохеса и Лотти. Я могу изменить свое лицо, чтобы походить на командующего офицера, чтобы мы могли посылать солдат в качестве посыльных в другие Сады.

— Хорошо, — согласился Рева. — Отлично. Давай напишем приказы и придумаем способ, чтобы наши стражи не догадались, что мы затеяли.

3

Карлия

Летнее солнце опаляло крылья Карлии, и ее тело раскраснелось от жары. Выросшая в горах Эсталы, она познала холод и туман, снег на вечнозеленых деревьях, ночи у костра. Она никогда не знала такой жары, как в Зантосе.

Она обожала солнце на своей чешуе. Несмотря на то, что она любила свой дом, где ее зелено-голубая драконья плоть прекрасно дополняла цвета ручьев и деревьев, что-то в ней жаждало испепеляющего тепла Зантоса. В конце концов, она была существом огня и пламени.

Она была драконом.

Карлия грелась на солнышке и боролась с желанием зарычать от удовольствия признать, кто она. В течение многих лет ее происхождение было самой большой опасностью. Ее отец больше всего на свете боялся, что кто-нибудь узнает, кто они. Он научил ее использовать силы, чтобы она могла их контролировать. Чтобы она могла спрятаться. Стоит ли удивляться тому, что после долгих лет в пещере она начала бояться собственных сил менти, даже ненавидеть их? И она знала, что она была не единственной, кто чувствовал это. Отрицать себя было все равно, что отрезать себе конечность, но в то же время признать это и праздновать означало навлечь на себя опасность.

Потому было странным, что именно сейчас она полностью приняла свои силы. Никогда еще в ее жизни не было времени, когда она была в большей опасности. Улези потеряли след ее семьи много лет назад, и хотя король Давэд ненавидел менти, он не расправился с ними так жестоко, как мог бы.

Теперь они оказались во власти фанатика, который утверждал, что он возрожденный бог, который был известен своей жестокостью и у которого были улези на побегушках. Улези знали, что род Карлии все еще жив. Эстала была во власти чумы, и люди прибегали к отчаянным проявлениям благочестия, обвиняя менти в своей болезни.

Карлия предположила, что теперь, когда случилось самое худшее, это освободило ее от

оков страха. Ей больше не нужно было беспокоиться о том, что произойдет, если улези узнают о ее существовании, потому что они знали.

Это было странное облегчение. Страшное ожидание закончилось, и теперь они столкнулись с новой реальностью. В этом знании была свобода.

Она взмахнула крыльями и поняла, что начинает уставать. Когда солнце светило на нее, она упивалась полетом, но они с Сэмом каждый день тратили силы, и хотя они становились сильнее, каждую ночь они все еще чувствовали себя уставшими, погружаясь в сон без сновидений.

— Сэм! — она говорила, как всегда говорили драконы, на своем родном языке. Она захлопала крыльями сильнее, и они полетели плечом к плечу, бок к боку. Теперь, когда она заметила это, усталость заполнила ее разум. — Я начинаю уставать.

Он взглянул на нее, его черты были так же знакомы ей в этой форме, как и в его человеческой форме. Она инстинктивно могла прочесть выражение его лица. Она видела, что он хотел лететь дальше, но он тоже устал.

Он кивнул и повернул голову, чтобы посмотреть на землю впереди.

— Предгорья впереди, — предположил он. — Есть груды камней, которые послужат нам хорошим убежищем. Но до них нелегко добраться пешком.

Она кивнула. Им постоянно приходилось бороться с человеческим желанием спать в пещерах или рощах деревьев — местах, где могли укрыться другие люди. Теперь другие люди были для них опасны. Никому нельзя было доверять.

Она заставила себя продолжать лететь, убеждая себя, что далекий грохот камней не так и далек, когда летишь так быстро. Еще один взмах ее крыльев, а затем еще один. Еще. И еще.

Она сосредоточилась на взмахе крыльев, когда Сэм внезапно прижал крылья к бокам и спикировал. Карлия почувствовал укол страха, что в него попала стрела или копье, или что он увидел врага.

Но через мгновение она увидела, что он выслеживает стадо аддаксов, козлоподобных зверей с рогами-штопорами. Рога были смертью для многих других существ, но не для дракона.

Сэм несся к стаду. Он старался охотиться так, как поступил бы другой хищник. Он позволил сильным убежать вперед с молодыми и полетел за более старой, слабой добычей, которая больше не могла бежать на полной скорости. Его когти потянулись, чтобы схватить зверя, затем он снова поднялся.

Карлия встретила его у скал. Он убил аддакса быстро и чисто и теперь занимался тушей. Она подождала, пока Сэм освеживал свою добычу, а когда он закончил потрошить ее, поджарила труп своим дыханием. Только после этого она изменила облик. Таким образом, огонь не выдаст их, когда наступит ночь.

Теперь в человеческом облике, она стряхнула с лодыжки дорожную сумку. Ремешок был сделан так, чтобы удобно облегать ее когти, поддерживая сумку, в которой находились предметы первой необходимости, такие как ее одежда. Она быстро оделась и взяла кусок мяса. Остальное завернули в клеенку, чтобы съесть на следующий вечер.

Многие люди голодают, подумала Карлия с чувством вины, но у нее и Сэма было так много еды, что они не могли съесть всю. Им не составляло труда выследить аддакса и газелей в песках. В небе они были высшими хищниками, способными легко одолеть даже таких страшных существ, как аддакс. Почему она раньше не считала себя могущественной?

Они ели, не разговаривая, привыкнув сидеть в дружеском молчании.

Но с тех пор, как они покинули Реялон, между ними осталось больше недосказанного, чем когда-либо. Они искали нового дракона — отпрыска последнего рода, того, кто вызвал извержение горы Зин. Они увидели силу своего врага, когда пролетали над Золотым Портом, который, как они узнали, был завоеван Богом и его разношерстной армией ревностных последователей.

И они оставили Реву позади.

Карлия не была душой. Она знала, как Сэм относился к Реве. Его чувства были ясны с того момента, как он привел ее в пещеру их семьи. Это было частью того, что беспокоило их отца в присутствии Ревы. Их отец не смог заставить себя убить ее сразу, но было очевидно, что он не питал любви к ее роду и что он не доверял привязанности Сэма к Реве.

Карлия подозревала, что Сэм был не совсем честен с собой в отношении Ревы. Их семья скрывалась так долго, что ни один из детей не позволял себе мечтать о собственной семье. Кого они выберут в пару? Спаривание с людьми могло быть риском. Хотя это не было чем-то неслыханным, их отец потчевал их достаточно жуткими историями, чтобы они никогда не влюблялись ни в кого, кроме другого дракона. А еще силы менти были запрещены королем. Не было никого, кому они могли бы доверить тайну того, кем были.

В некотором смысле Рева была ответом на молитву, но она была предана Луке. Она не могла оставить его, даже после того, как он начал впадать в то, что Карлии казалось безумием. Король Давэд питал необъяснимую ненависть к менти. Принц Стефан считал себя богом. Может, Лука тоже не сошёл с ума?

Рева, когда-то невеста Луки, чувствовала необходимость оставаться рядом с ним и призывать его отказаться от его плохих решений. Карлия не была уверена, что это разумно, но попыталась понять. Она просто не знала, как утешить брата. Она чувствовала, что он не хочет говорить об этом.

Она все еще думала, что сказать, когда Сэм нарушил молчание:

— У нас должен быть план насчет этого дракона, — сказал он.

— План? — Карлия была настороже. У их отца всегда были планы для всех, планы, которые на самом деле были способом контролировать мир вокруг него. Сэм поклялся не быть таким, как он, и все же у него был план.

Сэм посмотрел на нее.

— Если он похож на Стефана.

Холодок пробежал по ее телу. Она не рассматривала такую возможность. Пока они не встретили Реву, брат и сестра считали, что любой другой встреченный ими дракон станет их союзником. Как могло быть иначе? Драконов было так мало, и на всех охотились улези. Конечно, им нужно было объединиться, чтобы выжить. Но затем была раскрыта история семьи Ревы, и они узнали правду о Стефане — менти, обладающем способностью превращаться в дракона, который, тем не менее, безжалостно охотился на всех остальных менти.

— Что мы можем сделать, если этот новый дракон похож на Стефана? — безнадежно спросила Карлия.

— Ты знаешь ответ, — Сэм уставился на нее, его глаза стали темными как ночь.

Карлия поежилась и подтянула колени к груди. В чем-то Сэм и Арон были очень разными, но в остальном они были одинаковыми. Когда они сталкивались с неприятной необходимостью, они ожесточали свое сердце и отдавались ей всецело.

Арон убил семью — факт, с которым Карлия все еще пыталась смириться. Видя такую

же уверенность в Сэме, она испугалась.

Но она не могла думать о другом варианте. Стефан было опасен, за ним была целая армия. Если у него будет еще один дракон в качестве союзника, он будет еще опаснее. Карлия начала опасаться, что его не победить.

Сэм видел ее беспокойство.

— Мы также должны спланировать, как рассказать ему обо всем, что происходит, — сказал он.

Карлия расплылась в улыбке.

— Почему ты так уверен, что это мужчина?

— Это было бы справедливо. Есть ты и Рева, а есть... я.

— И Стефан! — она смеялась. — Два мальчика и две девочки.

— Стефан не в счет, — сказал Сэм.

Это отрезвило их обоих. Стефан считался, пожалуй, больше, чем кто-либо другой.

— Да, — сказала Карлия. — Мы должны подумать о том, что сказать этому другому дракону. Об улези — обо всем этом.

Шли минуты, в течение которых никто из них не говорил.

— Хотел бы я, чтобы мы могли сказать ему, что Лука защитит их, — наконец, сказал Сэм. — Что король Эсталы — менти, и он изменит мир к лучшему.

Последнее понимание встало на место в голове Карлии. Лука был не просто соперником Сэма из-за Ревы — он был королем, которого Сэм ждал и о котором мечтал. Лука был королем-менти. Прожив так долго изгоями, менти никогда бы не подумали, что кто-то из них будет носить корону. Мысль была нелепой.

Тот факт, что Лука был менти, и в то же время был таким слабым и неуверенным, должен был глубоко разочаровать Сэма. Он надеялся, что у него будет король, который защитит его род. Вместо союзника у него был кто-то, кто только и делал, что кланялся Золотому Совету и дулся в своих комнатах.

Карлия слышала, как Рева говорила о Луке, о том, каким он был в молодости. Она говорила о его доброте и честности. Но могли ли доброта и честность стать справедливостью?

Она не знала.

— Нам придется рассказать этому дракону об улези, — сказала она, чтобы не думать о Луке слишком много. Она обдумывала каждую из этих мыслей сотни или более раз во время их путешествия и так и не нашла решения. — *Ей* нужно будет знать, насколько срочно нужно спрятаться, — она слегка подчеркнула слово «ей» и была вознаграждена рассеянной улыбкой Сэма.

— Да, — согласился он. — Но на этот раз мы сделаем это лучше. Мы потерпели неудачу с Ревой. Мы должны сидеть с ним, говорить с ним. Спросить, что он хочет делать — как он хочет оставаться в безопасности. Мы не знаем, где здесь укрыться, и, может, он поможет нам в этом.

Карлия была удивлена.

— Ты не собираешься возвращаться.

— Карлия, — он мрачно посмотрел на нее. — Что нам там осталось?

Ей было нечего сказать на это. Она даже не хотела смотреть на его лицо. Ей было невыносимо, чтобы он перечислял вслух все, что они потеряли. Вместо этого она легла и притворилась, что спит, и, хотя он, должно быть, знал, что она притворяется, он не сказал ни

слова. Он тоже лег на твердую землю, и, в конце концов, они оба заснули. Несмотря на каменистую почву и прохладный ночной ветерок, они были так измучены, что заснуть было легко.

Их разбудил рев. Карлия резко села с бешено колотящимся сердцем.

— Это было... — начал Сэм.

— Да, — она дрожала. В звуке рёва дракона нельзя было ошибиться, но после стольких дней поисков, полётов, руководствуясь только интуицией, она начала сомневаться, что они когда-нибудь найдут последнего дракона.

Она и Сэм оба выскользнули из своей одежды и изменили облик. Они прыгнули в воздух, хлопая крыльями, и Карлия сделала вираж по небольшому кругу.

— Там!

Это был серебряный дракон, сияющий на солнце, как маяк. Карлия и Сэм бросились к нему, и Карлия почувствовала, как в груди расцветает яростная радость. Был и восторг — еще один дракон! Хотя она была драконом, она не могла перестать удивляться виду одного из драконов.

Должно быть, он почувствовал их позади себя, потому что повернулся к ним. Он повис в воздухе, расправляя крылья, и Карлия почувствовала, что он напуган.

— Мы здесь не для того, чтобы причинить вред, — крикнула она, — а для того, чтобы защитить. Многие ищут драконов, чтобы убить их. Мы пришли, чтобы найти тебя, как только произошло извержение горы Зин. Ты можешь нам доверять.

— Как я могу тебя понимать? — это был мужской голос, и Сэм одарил Карлию зубастой улыбкой.

— Многое нужно объяснить, — сказала Карлия. — Пойдем с нами. Мы все расскажем.

4

Лука

Лука проснулся с такой сильной головной болью, что шум крови в ушах был почти невыносимым. Он заснул у огня, откинувшись на стуле, его чувства были притуплены алкоголем. Теперь он едва мог открыть глаза, чтобы увидеть солнечный свет, струящийся сквозь щели в ставнях. Яркий свет пронзил его сонливостью раннего утра, заставив его застонать.

— Принц Лука! Ваше высочество!

Значит, стучали не в голову, а в дверь. Лука сел прямо, осторожно приоткрыв глаза, массируя пальцами виски. При первой попытке встать он тут же согнулся пополам, сожалея о движении, когда мир поплыл. Он застонал и усилием воли удержал живот на месте, затем поднялся и, спотыкаясь, направился к двери.

У двери он поискал корону и не смог ее найти. Она лежала на столе, тускло поблескивая. Он пригладил волосы и открыл дверь.

Стражи какое-то время смотрели на него в шоке. Именно тогда Лука понял, как он выглядел. Все еще во вчерашней одежде, помятый, с красными глазами, воняющий вчерашним вином. Даже без короны.

Он выпрямил спину, пытаясь походить на свой величавый титул.

— Да?

Они ринулись в действие, подавив потрясение.

— Этот посыльный прибыл прошлой ночью, — сказал один из них. Стражи расступились, чтобы показать человека с темной кожей Зантоса, которого держал в цепях

другой страж.

— Почему этот человек в цепях? — спросил их Лука.

— Он пришел искать лорда Тиниана, — ответил один из стражей. — Его поймали, когда он пробирался во дворец, и он сказал, что будет говорить только с Тинианом. Мы знали, что..., — его голос дрогнул. Очевидно, он думал, что, возможно, Лука не обрадуется новости об отъезде Тиниана.

Страж беспомощно смотрел на товарищей, пока один из них не пришел ему на помощь:

— Известно, что лорд Тиниан не был истинным другом Эсталы, — дипломатично сказал тот стражник. — Поскольку этот человек ведет себя как шпион, мы подумали, что лучше доставить его сюда в безопасности и позволить вам решить, что с ним делать, ваше высочество.

Луке потребовалось время, чтобы прийти в себя.

— Я благодарю вас. Ведите его внутрь, а вы трое оставайтесь здесь. Вы двое, поищите...

Он задумался. Кого нужно позвать?

— Позовите Серену, — сказал он, наконец. Он пока не мог встретиться с Ревой. — И брата Аксила. И лорд Роккан. — он нахмурился. — И кто-то должен найти моего... друга. Йозефа. Я еще не видел его сегодня.

Он не знал, как описать своего учителя-менти. Он не думал, что стоит напоминать людям о том, кем он был. Менти были врагами так долго, что он мог превратить собственных стражей в своих врагов.

Стражи поклонились. Трое из них втащили незадачливого гонца в комнату, где он стоял, дрожа, встревоженный и молчаливый. Его нервные глаза метались по комнате, прежде чем осторожно остановиться на Луке.

Лука надеялся, что мужчина заговорит. Он должен быть сильным, но он не мог угрожать пытками.

— Тебя покормили? — спросил он. — Воды? Еды? — он указал на стол, где до сих пор лежали нетронутые остатки его еды.

Гонец покачал головой, поэтому Лука пожал плечами и вернулся к своему стулу. Ему требовалось слишком много сил, чтобы стоять. Он смотрел на закрытые окна, ожидая остальных, задаваясь вопросом, который сейчас час. Затем его затуманенный разум обострился паранойей. Что, если Серена приведет с собой Реву? Его мутило при мысли о том, что он увидит ее, и стыд нахлынул на него, сделав его кожу холодной, заставив его почувствовать, как вся кровь отхлынула от кожи.

Его путь казался таким ясным прошлой ночью, когда он принимал решение. Улези уничтожат Стефана, а затем Лука уничтожит улези. Йозеф поможет ему понять, как это сделать. Об остальном он расскажет Реве, когда все будет готово. Не будет кровопролития или, по крайней мере, войны. Оставшиеся последователи Стефана со временем утратят религиозный пыл, и Эстала будет процветать.

Теперь, при свете дня, его план наполнил его болезненным ужасом. Когда он впервые подозревал к себе улези, он думал, что сумеет его урезонить. Он вспомнил, как его отец говорил ему, что у каждого есть цена. Лука думал, что если он узнает цену улези, то сможет убедить их отпустить Реву и других драконов. Но он не рассчитывал на чудовищную решимость улези. Их ненависть пропитывала воздух вокруг них.

Он не думал, что у них есть цена.

Хуже, он был уверен, что они убьют его, если он отпустит их. Он отправил существо в

путь, все еще надеясь использовать его вид, хотя и понимал, что они были оружием, которое он не мог контролировать.

Этим утром он был полон стыда. В глубине души он знал, что Рева не простила ему содержание менти в Садах Аниоса, и боялся, что она не простит ему этого.

И если она откажется простить его, сможет ли он справедливо винить ее? Они напали на нее. Они охотились на нее, как на собаку, но он решил сделать их своими союзниками. Его оружием, сказал он себе, но не был уверен, что она ему поверит. Он не был уверен, что верил себе.

Он взглянул на закованного в кандалы гонца и хотел, чтобы этот день закончился.

Серена прибыла первой, нахмурившись, будто приготовилась к плохим новостям. Когда она увидела человека в цепях, на ее лице отразилось замешательство.

— Что произошло? — спросила она почти нерешительно.

Лука жестом пригласил ее сесть.

— Я объясню, когда придут остальные, — он потер лицо, вместо того чтобы смотреть, как Серена воспринимает свидетельства его пропитанного вином вечера. Стыд горел где-то в глубине его желудка. Выяснилось, что он пьянствует в одиночестве, и он знал, что такое поведение не подходит королю.

Он был удивлен, когда почувствовал ее прикосновение к своей руке. Она вложила ему в пальцы кубок с водой, странный вкус которой ощущался на его языке. Он оттолкнул кубок после одного глотка, но она бросила на него сестринский взгляд, один из первых, которые он видел за последние месяцы. Казалось, последний раз это было много лет назад, до смерти их отца, когда она приходила в его комнату в башне и уговаривала его принять лекарства.

Он должен был признать, что, выпив еще немного воды, он действительно почувствовал себя лучше. Она предложила ему фрукт, а когда он покачал головой, чувствуя тошноту при виде фруктов, она тихонько засмеялась и сунула ему в руку небольшой кусок хлеба. Он осторожно откусил. К тому времени, когда прибыли лорд Роккан и брат Аксил, он почувствовал себя в десять раз сильнее.

— Принц Лука? — спросил брат Аксил.

— Кто это? — спросил лорд Роккан. Его рука была на рукояти меча.

— Гонец, — сказал Лука. Он смотрел на человека, пока тот говорил. — Его поймали, когда он пробирался во дворец, и он сказал, что будет говорить только с Тинианом, — его рот скривился от имени. — Я еще не допросил его.

— Мудро, — ответил лорд Роккан. Он посмотрел на гонца прищуренными глазами. — Думаешь, Тиниан уже отправляет шпионов?

— Вряд ли такое может быть, — разумно сказал брат Аксил. — Он попросил поговорить с Тинианом. Должно быть, он думал, что Тиниан все еще здесь.

Слова были произнесены неспешно, но они были продуманы. Лука видел это по тому, как Аксил выглядел слегка довольным, когда широко раскрытые глаза гонца встретились с глазами брата. Брат Аксил был более тихой противоположностью лорду Роккану. Лука слегка кивнул Аксилу, чтобы тот продолжал.

— А вы не задавались вопросом, почему кораблей нет в гавани? — весело спросил брат Аксил гонца.

— Но... если лорда Тиниана здесь нет... если флот уплыл...? — в голосе мужчины слышалась нотка паники. — Нет, — прошептал он. — Нет, они не могли вернуться. Они не будут знать. Город уже будет в огне. И как они могли вернуться, ничего не зная? — казалось,

он говорил почти сам с собой, но теперь он поднял взгляд на остальных в комнате. — Почему он ушел? — мужчина сузил глаза, будто пытался решить загадку.

Все повернулись к Луке, и он собрал всю свою храбрость. Он принял решение, так что он должен хотя бы признать это.

— У нас с лордом Тинианом разошлись мнения. Альянс разорван. Он ушел.

— Тогда лорд Тиниан уплыл в ловушку, — с горечью сказал гонец. — Вы все это спланировали, да? Вы и ваш брат Стефан. Вы хотели Зантос так же, как и Эсталу, поэтому заставили нас думать, что вы сражаетесь. Вы заставили нас выбирать между вами, а потом выставили нас дураками, — он сглотнул, и струйка пота потекла по его виску. — Ах, и я заглушал весла, чтобы они не узнали, что это я, — Лука был удивлен, услышав горе в его голосе сейчас. — Я не знал, что это за флот, и скрылся в тумане. Я мог бы их предупредить.

За мгновение до этого Лука и его товарищи были готовы разозлиться на этого человека. В чем бы он ни обвинял их, было ясно, что он посягал на их честь. Но они не могли понять ничего.

— Возможно, — наконец, предложила Серена, — мы могли бы начать снова. Честно говорю вам, сэр, что наша битва со Стефаном носит смертельно опасный характер. Думаю, он бы меня казнил, если бы не мог выгодно выдать замуж ради союза. Луку он ненавидит вдвое больше. Я считаю, что он поставил Эсталу на грань гибели. Наша ссора с лордом Тинианом, хоть и серьезная, но не война. Мы не стремимся завоевать Зантос. Мы просто разошлись во мнениях относительно лучшего способа искоренить Стефана и привлечь его к ответственности. И когда мы найдем Стефана, правосудие восторжествует.

— *Когда* вы его найдете? — прошептал мужчина. — Значит, вы не знаете?

— Ты о чем? — нетерпеливо спросил лорд Роккан. — Все, что мы знаем, это то, что ты пришел сюда и обвинил нас в...

Лука поднял руку. Это было сделано только для того, чтобы упредить более громкие голоса, потому что голова у него болела от шума, но когда все замолчали и почтительно посмотрели на него, он увидел, что тот, должно быть, казался вполне царственным.

Было бы смешно, если бы голова не болела так сильно.

— Какое сообщение вы пришли сюда передать? — спросил он. — Чего мы не знаем?

Посланник колебался, но, в конце концов, смиренно кивнул и опустил взгляд на пол.

— Я вижу, что должен вам сказать, — сказал он. — Понятно, что это не заговор. Меня не посылали создавать проблемы или заговор против вас, просто я был одним из глаз и ушей Тиниана, оставленных в Золотом Порту. Понимаете?

— Да, — сказал Лука, задаваясь вопросом, слышит ли кто-нибудь нотки нетерпения в его голосе. Судя по улыбке Серены, он подозревал, что да, но она кивнула ему, давая понять, что все хорошо.

Плечи гонца слегка расслабились.

— Они пришли так быстро, — сказал он. — Армия Стефана. Они взяли рыбацкие лодки или построили свои. Я не знаю. Я точно знаю, что мы были не готовы. К тому времени, когда кто-то понял, что произошло, семья каждого члена совета была в заложниках. Замок был захвачен. Я едва успел уйти, и когда я пересекал море, была ночь, когда я наткнулся на другие корабли. Было туманно, и я не мог разглядеть, кто они. Подумав, что это ваши корабли или корабли Стефана, я обмотал весла и однажды даже руками оттолкнулся от корпуса одного из тех кораблей.

Мужчина пожегся от воспоминаний. Лука мог представить себе бесшумное

скольжение лодки мужчины между кораблями флота. Должно быть, это был ужасный момент.

— И поэтому я не предупредил их, куда они возвращаются, пуская своих людей в ловушку.

На мгновение казалось, что это не осознать, а затем Серена поднесла руку ко рту.

— И Альберто, — прошептала она.

Луку чуть не стошнило на пол. Лорд Тиниан взял Альберто в заложники, а это означало, что он был у Стефана. Лука вполне мог себе представить, какие требования потребуются в обмен на безопасность Альберто. Он в ужасе закрыл лицо руками.

Тишину нарушил лорд Роккан:

— Ты знаешь входы и выходы из Золотого Порта, — резко сказал он гонцу и, дождавшись кивка, продолжил. — Ты нужен нам сейчас. Стефан — угроза. В общих интересах разобраться с ним. Мы воспользуемся твоими знаниями, чтобы найти лучший способ доставить наши войска в Золотой Порт или убийц, — он посмотрел на Луку и Серену. — Прошу прощения.

Лука, нанявший собственных убийц не более двенадцати часов назад, тонко улыбнулся.

— Нет нужды просить у меня прощения. Стефан...

— Кажется, Стефан полон решимости доказать, что единственный способ обезопасить Эсталу — это его смерть, — натянуто сказала Серена.

Лука вздохнул.

— Я благодарю вас за то, что вы сказали нам. Лорд Роккан, вы позаботитесь о том, чтобы гонец был размещен? Вам, несомненно, придется побеседовать, чтобы составить план, — он наблюдал за гонцом мгновение и ясно увидел широко раскрытые глаза мужчины. — У меня нет желания причинить вам вред.

Лука жестом приказал Роккану забрать гонца. После того, как они ушли, в комнате стало тихо. Наконец, Серена подошла к двери и тихо заговорила с одним из стражей:

— Что ты делаешь? — резко спросил Лука. Он боялся, что она вызывает Реву.

— Я послала их принести воду для купания и завтрак, — просто сказала она. — Кусок хлеба и глоток воды — это не завтрак. Особенно учитывая ту ночь, что у тебя была.

Лука расслабился и кивнул. Затем он посмотрел на нее и на брата Аксила.

— Что мы делаем? — проблема была настолько обширна, что идея сделать что-либо казалась глупой.

— Мы делаем именно то, что ты сказал, — сказал брат Аксил. — Мы составим план, как победить Стефана в Зантосе.

— Теперь у него замок, — возразил Лука. — И их флот.

— Думаешь, эти солдаты ему верны? Нет. Возможно, мы не сможем положиться на Тиниана, но люди будут сражаться за свою родину. С гонцом мы сможем сообщить им, что мы идем, и они возьмут оружие и присоединятся к нам.

Лука колебался. Неужели это было действительно так просто, после всех душевных страданий, которые они пережили?

— Я, например, очень рад, — сказал брат Аксил. — По состоянию на прошлую ночь мы считали, что Зантос больше не наш союзник, и понятия не имели, где Стефан. Теперь мы знаем, и зантийцам придется объединиться с нами, — он улыбнулся, довольный.

Откуда-то из-за стен донесся крик, и через мгновение Лука понял, что он исходил из коридоров для прислуги. Группа побежала к двери, а брат Аксил отвел Луку в сторону и

позвал стражу.

Стражники поспешили в темный коридор, и хотя Лука боялся лязга металла, раздавались только повышенные голоса. Он и Серена нахмурились, глядя друг на друга, и через несколько мгновений вышли стражи, поддерживая Йозефа.

— Йозеф, — Лука подошел к нему, не обращая внимания на поджатые губы брата Аксила. — Что с тобой случилось?

— Девушка, — сказал Йозеф сквозь зубы. — Та, что с золотыми волосами, которая помогает леди Авалон, связала меня и оставила в коридоре, — он сделал паузу. — Я считаю, что она взяла мое лицо, — добавил он. — Она оборотень.

Брат Аксил резко вдохнул, но это было ничто по сравнению с холодным чувством страха, растекающимся по коже Луки. С внезапной ясностью он вспомнил прошлую ночь, когда улези настороженно относился к Йозефу, а Йозеф казался сдержанным.

Его горло сжалось, и он изо всех сил пытался дышать. Он не хотел этого признавать, но от правды не убежать. Карина знала, что он обещал улези, и он поверил, что она все рассказала Реве.

— Мне нужно поговорить с Йозефом наедине, — сказал он Серене и брату Аксилу.

Йозеф поймет, что делать.

5

Рева

На следующее утро Рева поговорила с Барнабасом, которого Серена выбрала главой их команды.

Рева смутно помнила его по тому году, что провела в Крепости Несры, так как он когда-то командовал войсками, ответственными за охрану детей Давэда. Но Стефан оттолкнул верного командира, когда занял трон, отдав предпочтение своим людям. Барнабас всегда был к ней добр, вспоминала она, хотя, как часто бывает с детьми, она была поглощена своим маленьким миром и не обращала на него особого внимания. Она вспомнила, что он был снисходителен ко всем детям, всегда подносил палец к губам, чтобы показать, что хранит тайну, что ему часто приходилось делать, когда он заставлял Реву и Луку, исследующих старые части замка, где они не должны были находиться.

— Я рад, что чудовище исчезло, — мрачно сказал он Реве. — Мне никогда не нравился Стефан, даже когда он был мальчиком. Нехорошо говорить так о ребенке, знаю. Но он никогда не был прав.

Сама Рева была удивлена, узнав, насколько жестоким стал Стефан, но кивнула. Ей пришлось поверить в то, что она видела за последние несколько месяцев. Если у Стефана когда-то и была какая-то доброта, ее уже давно не было.

«И именно поэтому так важно остановить его», — сказала она себе. Она не могла не чувствовать себя виноватой из-за той лжи, которую собиралась сказать. В конце концов, Барнабас был здесь под ложным предлогом, как часть заговора Серены — заговора, который вполне можно считать изменой. Теперь Рева собиралась сделать его неосознанным соучастником другого заговора.

Но это было важно. Чем больше она думала о предательстве Луки, тем больше понимала, что понятия не имеет, как далеко он пойдет, чтобы выиграть войну. Комок подступил к горлу при мысли о том, сколько крови предстоит пролить, но тем не менее она заставила себя улыбнуться. Барнабас не мог знать, что ее беспокоит. Он не мог подозревать, что она действует без ведома Луки.

— Капитан, — начала она, — я знаю, что вам должно быть странно служить менти.

Сначала он слегка буйнил, краснел и заикался, но она сохраняла доброе выражение лица, и, в конце концов, он вздохнул.

— *Странно...* прошу прощения, конечно, миледи. Менти были нашими врагами. Я всегда искал признаки того, что они проникли во дворец. Мы думали, они могут навредить королевским детям, понимаете. Опять же, миледи...

— Я понимаю, — Рева на мгновение наклонилась, чтобы положить свою руку на его. Она заметила, что ее тепло, казалось, успокоило его. — Действительно, я не всегда знала, что я менти. Уверяю, это был настоящий шок, когда я узнала правду. Как и вы, я всегда считала менти своими врагами.

— Я никогда не думал о том, каково это узнать. Говорят, то же самое было и с принцем Лукой. Он понятия не имел, пока это не произошло, — мужчина пожал плечами, словно не в силах представить происходящее.

Как всегда, думать о Луке было больно, но Рева кивнула.

— Так и было. Так у многих из нас. Я понимаю, как это странно для вас, потому что это не менее странно для нас.

Лицо Барнабаса смягчилось.

— Вы всегда были добры, леди Авалон, даже когда только приехали и были сиротой. Я рад служить вам.

«Возможно, вы не так обрадуетесь, когда узнаете правду», — подумала Рева, но сжала его руку. Она будет такой же любезной и уверенной в себе, как Серена. Она должна. Остальные менти зависели от нее.

— Как вы, возможно, знаете, король Давэд организовал лагеря для военнопленных менти, — сказал Рева. Она долго думала, как объяснить это, и надеялась, что сделала правильный выбор. — Пока я бежала от солдат Стефана, меня схватили и привели в один. Когда принц Лука взял Реялон и узнал о лагерях, он, конечно же, приказал прекратить пытки, но было некуда безопасно привести заключенных менти.

В каком-то смысле это было легко сказать, потому что она хотела, чтобы это произошло, и Карина сказала ей прошлой ночью, что ложь с долей правды всегда более убедительна, чем ложь, сочиненная из воздуха.

Барнабас выглядел сердитым.

— Они сделали это с вами, миледи? Вас пытали?

Рева отвернулась от Барнабаса и сложила на коленях дрожащие руки.

— Да, — просто сказала она. — Вы должны помнить, что менти были врагами Эсталы по указу короля Давэда. Мы оба знаем, что Стефан и его последователи поступили бы еще хуже, если бы он удерживал трон дольше, чем он.

Лицо Барнабаса помрачнело, и он кивнул.

— Стефан постоянно набирает последователей, — продолжила она. — По этой причине менти нужно научить защищаться. Хотя все наши граждане сейчас страдают, и я не хочу ставить ни одного гражданина выше другого, у менти есть силы, которые помогут нам, когда мы победим Стефана.

При этих словах лицо капитана стражи прояснилось, и он понимающе кивнул.

— Я не подумал об этом, — снова сказал он. — А должен был. В конце концов, мы все боялись менти из-за их силы. Думать о них как о нашей армии... — он покачал головой. — Никогда бы не подумал, что доживу до такого.

— Я тоже, — сказала Рева с легким смешком. — И все же, мы здесь. Капитан, мы отправимся в Сады Аниоса — их много, — чтобы менти могли прийти в замок Далур и пройти обучение.

Она указала на приказы, которые они с Кариной написали прошлой ночью, все аккуратно перевязанные лентой и снабженные блестящими восковыми печатями с изображением королевского герба.

— После того, как мы прибудем в первый лагерь, Карина и я будем сопровождать первую группу в замок Далур и начнем тренировку, в то время как вы и ваши люди со всей секретностью поспешно разнесете сообщения в другие лагеря.

— Разве мы не должны сопровождать вас?

— Конечно. Пока мы не доберемся до первого лагеря, — Реве не хотелось быть одной и беззащитной на этих дорогах, и она говорила себе, что каждый мужчина здесь знал, что это может быть опасно.

Барнабас понимающе кивнул.

— Я скажу мужчинам.

Итак, план был приведен в действие, шестеренки закрутились, и путешествие началось.

Путешествие было и бесконечным, и ужасающим. Прикованные к карете изо дня в день, Рева и Карина сидели почти в полной тишине. Они не могли открыто говорить о своих махинациях, опасаясь, что их услышит стража, и через полтора дня они исчерпали все старые сказки, которые только могли придумать, делясь друг с другом.

Единственным облегчением было то, что не было нападения ни со стороны улези, ни со стороны последователей Стефана, но даже это не давало уверенности. Рева постоянно опасалась, что за следующим поворотом дороги или из-за соседней рощицы грядет нападение. Часто они с Кариной хватали друг друга за руки в безмолвном страхе.

К тому времени, когда они услышали крик о том, что были замечены Сады Аниоса, они были измотаны путешествием.

— Есть кое-что, что ты должна знать, — сказала Карина. Ее голос был таким тихим, что Рева едва могла его разобрать. — В этом лагере... мужчина.

— Мужчина? — Рева какое-то время непонимающе смотрела на нее, а потом заметила, как на щеках Карины выступил румянец. Она усмехнулась и прижала руку ко рту. Карину, казалось, это ничуть не забавляло, а вот Реву веселило.

— Не так, — поспешила объяснить Карина. — Его зовут лейтенант Геррас. Он доставлял приказы принца Луки и руководил. Он был... добрым. Он помог мне найти Рохесу. Я не могла уйти, пока не узнала, что она, по крайней мере, жива, понимаешь, и он позаботился о том, чтобы у всех нас была еда, — она прикусила губу. — Я украла его лицо, чтобы выбраться, — наконец, призналась она.

Рот Ревы открылся. Теперь она поняла, почему Карина так нервничала. Лейтенант Геррас, вероятно, уже догадался, как Карине удалось сбежать, и, возможно, ему не понравится, что она выбрала его лицо в качестве маскировки.

Она смотрела на румянец Карины и внимательное выражение лица и почувствовала укол веселья. Карина действительно напоминала женщину, переживающую муки первой любви, знала она об этом или нет, и Реве было бы интересно познакомиться с этим лейтенантом Геррасом.

— Понятно, — только и сказала она. Она сохраняла свой голос нейтральным. — Нам придется помешать ему узнать тебя, — она не удержалась от того, чтобы немного не

подразнить Карину, поэтому добавила. — Нам потребуется защита в дороге. Ему придется сопровождать нас, возможно, он проведет дни в непосредственной близости.

Когда щеки Карины вспыхнули, Рева поняла, что ее подозрения были правы. Она спрятала улыбку.

— Я найду предлог, чтобы ты осталась в карете, — пообещала она Карине. — Когда Барнабас и люди уйдут, ты можешь изменить свое лицо и выйти.

Карина с готовностью кивнула, и Реве стало любопытно, что это за мужчина. Она никогда не встречала в лагерях никого, кто испытывал бы доброту к менти. Если у Карины были нежные чувства к лейтенанту Геррасу, он должен быть необычным.

Ворота с готовностью открылись после того, как Барнабас крикнул, что они несут приказ от короля, но Карина внезапно ахнула и потянулась к руке Ревы.

— Рева, будь осторожна. Лейтенант Геррас действительно получил приказ от Луки. Не выдавай ничего, что покажет, что ты лжешь.

— Я буду осторожна, — пообещала Рева. Но она нервничала, несмотря ни на что. Когда дверь кареты открылась, она взяла Барнабаса за руку, чтобы он спустился по ступенькам, и отвела его в сторону. — Тщательно охраняйте карету, — сказала она ему. — Карина расстроена. Она сильно пострадала во время своего пребывания здесь, хуже, чем я. Хотя сейчас все по-другому, она все еще боится. Надеюсь, вы понимаете.

Барнабас кивнул. Затем его взгляд направился вверх головы Ревы.

— Это человек, который отвечает за лагерь?

Рева обернулась и увидела приближающегося мужчину. У него были вьющиеся черные волосы и быстрый, настороженный взгляд. В мгновение ока она придумала, как лучше всего закрепить за собой место законного эмиссара Луки.

— Лейтенант Геррас? — голос у нее был легкий и расслабленный, и она была рада видеть, что он ошеломлен.

— Прошу прощения, — сказал он, низко кланяясь в знак уважения к ее красивой одежде. — Вы ставите меня в невыгодное положение, миледи, — очевидно, он решил, что лучше ошибиться в сторону слишком большого почтения, чем слишком малого.

— Я прибыла с новыми приказами от принца Луки, — солгала Рева, — а также с его благодарностью за вашу неизменную службу. Я леди Рева Авалон, — она нахмурилась. — Где сестры?

Лейтенант Геррас поджал губы.

— Были... инциденты, — он явно не знал, как поступить. — Жестокость. Миледи, меня послали сюда специально для того, чтобы убедиться, что с заключенными — прошу прощения, с менти — обращаются по-доброму. У нас с сестрами были разные мнения на этот счет. Я сильно урезал их обязанности.

Рева поймала себя на том, что улыбается.

— Лейтенант, я верю, что мы с вами хорошо поладим. Я рада, что вы были непоколебимы в выполнении вашего приказа. Если вы дадите мне минутку, я пошлю свою свиту вперед, чтобы доставить приказы в другие лагеря, а потом объясню, почему я здесь.

Других солдат она смогла быстро отослать прочь, хотя Барнабаса все еще беспокоила перспектива оставить Реву беззащитной.

— Позвольте мне сопровождать вас, — сказал он Реве. — Пожалуйста, моя госпожа. Я и еще несколько человек. Нам достаточно, чтобы послать гонцов в другие лагеря.

Рева колебалась, но кивнула. Позже она все объяснит Карине — и найдет, что сказать

Барнабасу.

Она последовала за лейтенантом Геррасом в комнатку, которую он использовал как кабинет. Она догадалась, что когда-то это был чулан, и он поморщился, отдавая ей единственный стул.

— Боюсь, это вряд ли подходящее место для вас, миледи.

— Прошу вас, — Рева покачала головой. — Мы посреди войны и голода, лейтенант. Я не собираюсь жаловаться на состояние стула.

Он рассмеялся, и его поза немного расслабилась.

— Каков мой приказ от короля?

— Он велит нам сопровождать менти в замок Далур. Вы знаете о нем? Он несколько севернее отсюда, когда-то принадлежал Францису Унне. До его смерти по приказу Стефана, конечно.

Как она и предполагала, лейтенант Геррас хорошо знал Франциса. В конце концов, Францис был одним из самых успешных генералов в армии Давэда. Лейтенант кивнул.

— Там менти будут тренироваться для вооруженного боя, — объяснила Рева. — Конечно, не все из них захотят сражаться, но важно, чтобы как можно больше их было подготовлено к грядущей битве. Честно говоря, лейтенант, ясно, что войска Стефана мирно не разойдутся.

Лейтенант поджал губы и кивнул.

— Мы выступим через два дня, — прямо сказал ему Рева. — Я знаю, что так быстро упаковать припасы будет нелегко, но наш враг становится сильнее с каждым днем, и он знает расположение этих лагерей.

Лейтенант Геррас кивнул.

— А сестры? — спросил он.

Мстительная часть ее хотела приказать казнить сестер, но она знала, что ее совесть этого не допустит.

— Мы доставим их в замок Далур, — сказала она. Это было то, что она написала в приказах, прежде чем узнала о продолжающихся злоупотреблениях сестер. — Там есть подземелья. Их не будут содержать жестоко, но как только все группы прибудут, все они будут доставлены в Реялон, чтобы предстать перед правосудием принца Луки.

По выражению его лица она поняла, что лейтенант Геррас одобрял это.

— Есть много дел, — сказал он. — Я начну немедленно, — он сделал паузу, а затем продолжил. — Я забыл спросить. Могу я посмотреть приказы?

Нервы Ревы трепетали от опасности, но она держала подбородок высоко и улыбалась.

— Конечно. Я должна был показать их сразу, — она протянула свиток.

Он взял его с благодарной улыбкой, и Рева ушла, высоко держа голову и надеясь, что не совершила серьезной ошибки. Лейтенант Геррас явно был человеком чести. Что бы он сделал, если бы заподозрил, что приказы незаконны?

6

Бог

Бог смотрел на священников, согнувшихся перед ним, и его желудок сжался от презрения. Старики прижались лицами к полу тронного зала, настолько жалко, что Бог не мог припомнить ничего, что он видел. Они были ничем. Они потерпели поражение. Они были бессильны здесь, в Золотом дворце, и большинство советников-зантийцев наблюдали за ними из задней части комнаты, бессильные, как новорожденные младенцы.

Тем не менее, они не были его. Он чувствовал запах обожания в воздухе, и в равной степени чувствовал неповиновение — эти люди были дерзкими. Ясно, что они не выступали с речами и не призывали Золотой Порт к открытому восстанию. Возможно, они даже признали, что потерпели поражение, а он победил. Но они были не его. Они пали перед ним ниц, потому что он занимал трон, а не потому, что они любили его или считали его своим истинным Принцем Богов. Они пришли сюда не потому, что поклонялись ему. Он мог победить их, и он мог заставить их произносить молитвы обожания, но молитвы никогда не были бы истинными.

Его губы скривились от этой мысли. Они понятия не имели, во сколько они ему обходятся. Он жаждал их почитания, но его потребность выходила за рамки простого желания. Его сила зависела от веры последователей. Если бы за ним было десять тысяч, и ни один не поклонялся бы ему по-настоящему...

Он мог бы быть почти смертным.

Он хотел зарычать, но сдерживал ярость. Он должен привлечь их на свою сторону. Людей на рынке было бы легче убедить, если бы на его стороне были священники.

Он проглотил свою ненависть и встал, спустился по ступеням, чтобы пройти среди них. Его стражи вытянулись смиренно и осматривали ряды стариков, будто один из них мог подумать убить Бога.

Бог улыбнулся. Возможно, они могли бы попытаться, но они никогда не преуспеют. Он не боялся старика с ножом.

— Почему вы здесь? — наконец спросил он.

Наступила тишина. Никто не хотел ему отвечать. Их схватили и привели к нему, и никто из них не хотел сказать, почему это произошло.

— Просить о пощаде, Ваше Величество, — сказал, наконец, один из них.

Бог остановился и повернул голову в сторону голоса.

— Сядь прямо. Ты будешь звать меня «владыка», ибо это то, кем я являюсь. Я не смертный король. Вы это понимаете?

Священник сглотнул.

— Ты веришь, что ты Аниос, — тихо сказал он. Это был наполовину вопрос. Казалось, он не совсем осознавал, что говорил. Он хмуро посмотрел на Бога, как можно было бы смотреть на сумасшедшего.

Пальцы Бога едва успели шевельнуться, как священника пронзили копьем. Несомненно, этот мужчина молчал бы, если бы знал, что его ждет, но он был удивлен. Он издал сдавленный вопль, вздрогнул от боли и умер, в то время как его собратья-священники прижали лица к полу, дрожа от страха. Он умер один.

Бог наблюдал за лужами крови на мраморных плитах и чувствовал, как пробуждается его голод. Он проигнорировал это.

— Я — Принц Истины, — сказал он священникам. — Я — возрожденный Аниос украшающий этот жалкий мир присутствием бога и честью, которую вы вряд ли заслуживаете. Я дал вам надежду на спасение. Если будете презирать меня, пострадаете не только ты. Это будут души, которым вы могли бы открыть правду.

У него не было их обожания, но он почувствовал их внезапный интерес.

— Вы пришли просить о пощаде, как вы сказали, — он позволил словам повиснуть в воздухе.

Никто не хотел отвечать, но, в конце концов, один из них нашел смелость. Он сел.

— Да... владыка.

Он выдал титул так, будто это было притворством для сумасшедшего, но Бог решил пока оставить это в стороне. Он жестом приказал священнику продолжать.

— Ты многих убил на рынке, — сказал священник. Казалось, он не знал, как начать эти переговоры. — Мы просим тебя о милости, добрый владыка. Эти люди теперь ваши граждане. Несомненно, их работа принесет вам пользу. Если будет убито больше, то... тогда будет меньше рабочих и торговцев, которые помогут Зантосу процветать.

Бог смотрел, как лицо человека посерело от страха. Священник опустил взгляд на землю, когда губы Бога дернулись в удовольствии. Священник, конечно, не мог этого видеть, потому что Бог, как всегда, был в маске.

— Думаешь, меня волнует прибыль? — спросил он. — Что такое золото для бога?

Пауза затянулась. Дрожащий священник вертелся влево и вправо с вытянутыми руками, видимо, умоляя кого-нибудь помочь ему, и, к беспокойству Бога, некоторые из стражей даже выглядели обеспокоенными этим заявлением.

Теперь он вспомнил речь, которую произнес в Эстале. Он обещал им славу и богатство. Он попытался прийти в себя, внезапно почувствовав себя потерянным и без направления, и обнаружил, что тянется к тени Стефана внутри себя.

— Это мои последователи получают прибыль, — сказал Бог. — Не я. Почему бог возвращается? Чтобы привести человечество к истине, — он наклонился к стражам, сжав кулаки, чтобы показать свою мощь. — Те, кто последуют за мной, будут осыпаны богатствами, превосходящими их самые смелые мечты. Но я бог, и богатство меня не касается. Итак, скажите мне: почему я должен щадить тех, кто восстает против меня и ослабляет Зантос? Почему бы мне вместо этого не отдать их владения тем, кто увидел истину? — он указал на стражей и увидел, как несколько голов кивнули, другие возбужденно перешептывались.

Он почувствовал прилив их удовлетворения. Они снова были на его стороне, преданные ему, движимые жадностью. В некоторых священниках он чувствовал и жадность, и менее пикантные желания.

Но другие были упорно непреклонны.

— Почему вы казнили тех, кто был на рынке? — священник давил на него. — Как они восстали против тебя, владыка? Как они ослабили Зантос?

— Их шелка и золото пошли на то, чтобы привести к гнили Эсталу и обогатить врагов Ордена Понимания, — ответил Лорд. — Пока люди голодали и умирали от болезней, эти люди наслаждались роскошью, а в Эстале правоверные пытались принять наказание за все человечество, — он махнул рукой стражам. — Вы видели рубцы, которые они себе нанесли? Вы слышали их крики к небу? Я — да. Я пришел к ним. А потом я пришел сюда и увидел горожан с полными кошельками и рулонами шелка, которые толстели от своей роскоши, в то время как набожные страдали. Те, кто умер, были предупреждением для других — и вы можете сказать им об этом, — он обвел взглядом комнату. — Все вы можете сказать им это. Вот почему вас привели сюда.

— Должны ли мы сказать им, чтобы они бичевали себя? — спросил священник. Он насмехался над Богом. — Должны ли мы сказать им, что принц, побежденный своим младшим братом — мальчишкой, — хочет, чтобы они сбросили шелка и отказались от заработанных ими жизней?

Их ненависть росла, и Бог чувствовал, как от нее тошнит, как от чумы. Из его горла

вырвался рык, и именно в этот момент он решил покончить с этой ерундой.

— Убейте их, — приказал он. — Убейте священников.

— Владыка... — начал один из них, но когда Бог повернул голову к нему, человек упал на колени, дрожа от страха.

Это не заняло много времени. Священники не были вооружены и не были бойцами. В конце концов, мраморный пол залила кровь, а одного из советников тошнило в углу.

Губы Бога скривились. Какие слабые желудки были у зантйцев.

— Владыка, — это был голос Тиниана, удивительно ровный.

Лорд удивленно обернулся, приподняв брови.

— Да?

— Могу ли я получить минутку времени? — Тиниан почтительно склонил голову. — Наедине.

«Ты собираешься попытаться убить меня? — Бог какое-то время изучал Тиниана. — Нет», — решил он, наконец. Он чувствовал в этом человеке много скрытого гнева, но очень мало решимости, которую он ожидал, или каких-либо мыслей о кипящей жестокости.

— Конечно, лорд Тиниан, — он указал на сад и пошел туда, не обращая внимания на свои кровавые следы на земле. Оказавшись в саду, он повернулся к Тиниану. — Что ты хочешь сказать?

— Владыка, я не хочу задавать вопросы перед остальными, — Тиниан продолжал смотреть вперед. Теперь он был поглощен страхом, чувствовал Бог. — Но священники могли пригодиться.

Бог скривился под маской. Тиниан был прав, черт бы его побрал. Убийство священников было поступком гнева или, если он позволил себе это признать, проявлением слабости. Он привел их сюда, чтобы склонить на свою сторону, и потерпел неудачу.

Но он ничего не сказал, поэтому Тиниан продолжил:

— Как вы сказали, люди на рынке... — он сглотнул. — Безнравственные. Но я чувствую, что вы надеетесь на их спасение.

— Да, — Бог не дал голосу стать теплее.

— Вы добры, — сказал Тиниан. Слова дрогнули, и теперь Бог почувствовал от него чистую ненависть. Ему было тяжело произнести эти слова, но он произносил их несмотря ни на что. — Вы хотели бы, чтобы как можно больше людей узнали истину, чтобы они могли поклоняться должным образом.

Бог улыбнулся. Ненависть Тиниана была забавной. Казалось, он не мог поверить самим словам, исходящим из его уст.

— Я действительно хочу этого, — сказал он Тиниану. Тиниан должен научиться произносить эти слова, пока его ненависть не растает и останется только обожание. Здесь, в одиночестве, с одним только нежеланием Тиниана терпеть, Бог мог вынести это — он мог играть в долгую игру. — Ты думаешь, мне следовало оставить священников в живых?

— Чтобы они могли говорить людям правду, — осторожно сказал Тиниан. — Владыка, священники всегда надеются на спасение народа. Конечно, некоторых из них можно было убедить. Младшие священники...

— Должны быть призваны, — сказал Бог.

Тиниан облизнул губы. Казалось, он не знал, что на это сказать.

— Да, — сказал он, наконец, но осторожно. — Возможно, вы могли бы определить, каким должно быть их сообщение, и я мог бы сказать им. Чтобы вас это, не беспокоило.

— Чтобы я не убил их всех, — ответил Бог, забавляясь. — О, не будь таким серьезным, Тиниан. Ты высказал свою точку зрения, и я понял. Я не стану убивать еще десятки священников, когда они могут нам помочь.

— О, — Тиниан сглотнул. Он изобразил дрожащую улыбку в знак уважения к шутке. Затем, осмелев, он вздернул подбородок. — По моему опыту, обычные жители лучше всего справляются с четкими ожиданиями: как молиться, как одеваться. Если бы мы распространяли указы...

— Достаточно, Тиниан, — Бог не нужно было, чтобы этот человек считал себя необходимым. — Ты можешь идти.

Мгновение Тиниан колебался, будто был готов не согласиться, но вместо этого кивнул и ушел с поклоном. Бог чувствовал, как его облегчение и ненависть смешиваются в равной мере, пока он спешил по тропинке, чтобы вернуться во дворец.

Бог продолжал дальше. У него была еще одна причина прийти в сад.

Он нашел свою причину в конце прогулки: Альберто, играющий пальцами в одном из бассейнов и наблюдающий за рыбой с дочерью лорда Ризика Орианой. За этими двумя наблюдал Миккел, который провел последние несколько дней, пытаясь выяснить, не используется ли Альберто другими лордами для предоставления информации о Стефане.

Увидев Бога, Альберто вскочил на ноги и низко поклонился, подталкивая Ориану, чтобы она тоже была вежлива. Она сделала реверанс, хотя и осторожно.

— Продолжайте играть, — мягко сказал Бог. — Я не хотел прерывать, — он хотел только удостовериться, что его заложники все еще здесь, и напомнить им, что он мог прибыть в любое время. Он лениво подумал, слышали ли они крики из зала совета. Миккелу он сказал. — Пойдем со мной.

Они прохаживались неподалеку вокруг небольшого фонтана, когда дети снова начали играть. Альберто бросил на них осторожный взгляд через плечо, и Бог решил посещать их чаще, чтобы подпитывать страх. Он учуял от мальчика больше, чем просто страх. Он еще не умел читать выражения лиц людей, но был уверен, что на лице Альберто появилось странное виноватое выражение, будто он что-то замыслил. Такие идеи должны быть отброшены.

— Нам нужно найти способ привлечь людей, — резко сказал он.

В течение двух бесконечных недель он все с большим нетерпением ждал, когда же люди сами начнут верить. Но они этого не сделали. Несмотря на его первоначальные примеры, не было поклонения. Они приняли его присутствие без сопротивления, но ничего не дали ему и ничего не сделали для помощи его войскам.

У него должна быть их сила, если он намеревается напасть на Луку и победить. Он не будет в безопасности, пока мальчик не будет мертв.

«Грязный огненный маг», — губы Бога скривились при мысли о его брате. Пришло время Луке умереть. Глубокий резонанс подсказал ему, что он натолкнулся на мысль, которая была близка Стефану.

Он затолкал воющую мешанину человеческой души обратно в клетку и захлопнул дверцу. Он не нуждался в Стефане сейчас. Миккел понял, что такое Бог, и упивался этим.

— Они все еще сопротивляются, владыка? — спросил Миккел. Как всегда, глаза его горели пылом истинно верующего. Даже его кожа имела красноватый оттенок, будто у него была лихорадка. — Тогда, может, нужно больше казней. Если им дали шанс увидеть истину, а они отвергли ее...

— Нет, — голос Бога прозвучал резче, чем он хотел, почти отчаянно. — Нет, их нужно

заставить видеть.

Миккелу потребовалось время, чтобы переварить это.

— Вы милостивы, владыка. Возможно... — он позволил своему голосу умолкнуть.

— Возможно? — тон Бога был опасен.

— Возможно, вы слишком милосердны, — ответил Миккел. — Как отец с любимым ребенком.

— Уверяю, Зантос не любимый ребенок. Это яма. Он настолько прогнил, что искра могла бы сжечь все это в мгновение ока.

— Тогда зачем пытаться спасти его? — ответил Миккел.

«Ты совсем не понимаешь, да?» — Бог усмехнулся под маской. Миккел не осознавал слабости Бога; он не видел, что обожание укрепляло его. Мертвые просители ничем не помогали. Люди Зантоса — люди, которых он ненавидел, люди, которых он считал менее ценными, чем черви, — должны любить его. Это была ненавистная необходимость.

Это приводило его в ярость.

— Зачем вообще пытаться спасти человечество? — рявкнул Бог и повернул голову к Миккелу. — Все вы продажны, горды, ненавистны. Почему я должен был вернуться и почему я должен оставить хоть одного из вас в живых, когда уйду?

Миккел остановился, его лицо покраснело.

Бог сжал кулаки в кожаных перчатках. Теперь, когда Миккел растерялся, его все еще можно было вернуть. В городе, который его ненавидел, Бог отчаянно нуждался в поклонении Миккела.

Он тоже ненавидел это. Он чувствовал себя слишком похожим на Тиниана, когда потянулся, чтобы схватить Миккела за плечо.

— Любовь, Миккел, — сказал он. — Любовь родителей. У ребенка может быть много недостатков, да? Он может быть почти неисправимым, да? Но родитель любит своего ребенка. Он хочет, чтобы этот ребенок рос сильным и мудрым. Хоть Зантос и ненавистен сам по себе, его жители — мои дети. Подумай, каким великим был бы мир, если бы вместо пепла Зантос был наполнен людьми, которые жили бы праведно.

Миккел оправился от шока. Он поклонился, и лицо его снова стало ясным.

— Я сожалею, что заставил вас так резко говорить со мной, Бог.

— Все прощается, — заверил его Бог. — Теперь давай найдем крючок, который приведет людей к их спасению.

При нынешних обстоятельствах он вряд ли был человеком, но с силой нации за спиной...

Бог подавил смех. С таким обожанием, поддерживающим его, он мог сравниться с менти Луки в одиночку и все еще победить.

7

Ато

Он слушал, как драконы рассказывают свою историю, сидя в их каменном лагере. Из милосердия два других дракона принесли ему одежду, и он отвернулся, когда девушка изменилась — она сказала, что ее зовут Карлия, и она была такой бледной, как все, кого он когда-либо видел. Он, конечно, слышал рассказы о людях в Эстале, но никогда не верил им до конца. Как можно быть таким бледным и не сгореть на солнце?

Он очень мало знал о вещах, о которых они говорили так уверенно. Часто они разочаровывались, хотя и пытались это скрыть. Он что-то слышал об армии, идущей к горе

Зин, и знал, что король Давэд умер. Но это были вопросы Эсталы, и он мало обращал на них внимание.

Теперь эти драконы говорили ему, что это имеет большое значение — что другой дракон пытался править миром, и что они должны объединиться, чтобы убить его, потому что этот бродячий дракон объединился с монстрами, называемыми улези.

Закончив разговор, Карлия и Сэм некоторое время сидели молча. Ато чувствовал на себе их взгляды, пока они терпеливо ждали, пока он заговорит. Но он не был готов говорить. Вместо этого он встал и взобрался на одну из скал, чтобы лучше рассмотреть раскинувшийся перед ними пейзаж. Он не ушел далеко от своего дома. Часть его все еще хотела вернуться. Он знал со странной уверенностью, что находился в дне полета от своего близнеца Айны. Каждый из них всегда знал это о другом. Мысленным взором он видел ее раз или два дома, наблюдающей за дорогой.

Молчание нарушил Сэм:

— О чем ты думаешь? Ты выглядишь скучающим по дому, — он говорил на языке драконов, даже в своей человеческой форме.

Ато с удивлением посмотрел на него, услышав этот странный язык, на котором говорил человеческий рот.

— Я скучаю по дому. Откуда ты знаешь?

— Ты смотришь на пейзаж так же, как и я, — сказал мальчик. Его темные волосы упали ему на глаза, и он рассеянно откинул их назад. У Ато возникло ощущение, что он не научился заботиться о своей внешности. Возможно, было бы несправедливо называть его мальчиком. Он казался взрослым. Но он был моложе Ато, а Ато едва ли считал себя мужчиной. Он еще не был женат, и у него не было детей...

И, скорее всего, не будет. Лели найдет другого мужчину — во всяком случае, он надеялся, что она найдет. Он надеялся, что она не проведет годы, ожидая его, хотя мысль о том, что она будет жить с кем-то еще, наполняла его болью.

— Кого ты оставил? — спросил Ато у Сэма. Что угодно, лишь бы отвлечься от Лели.

— Дома? Никого, — в голосе мальчика было что-то завершающее. — Но во дворце была... девушка, — он помедлил, прежде чем произнести последнее слово.

Ато улыбнулся ему и подмигнул, а потом вспомнил, как он относился к Лели.

— Она — другой дракон, — сказал Сэм.

— Та, что осталась с королем? — Ато был удивлен, а затем заметил тень, скользнувшую по лицу мальчика, и понял, что это за история. — Мне жаль. Это не может быть легко. Король не похож на других людей.

— Когда-то она была с ним помолвлена, — сказал Сэм. — Видимо, будет снова.

— Это бесполезно, — сказал голос позади них.

И Сэм, и Ато повернулись и увидели, что Карлия хмурится. Она скрестила руки на груди.

— Дай ему хотя бы несколько минут, чтобы все осознать, — сказал Сэм сестре.

— Прекрасные слова мальчика, который похитил Реву, — парировала она.

Он отпрянул от боли, и Ато с опаской посмотрел на их суровые лица. Меньше всего ему хотелось ввязываться в семейную драму между людьми, которых он едва знал.

Карлия на мгновение казалась неуверенной в себе, но она продолжила:

— Все это хорошо, и хорошо тосковать по дому, но мы все тоскуем по дому, и если мы не будем бороться сейчас, у нас больше не будет дома. Стефан построит мир, в котором

каждый будет призывать жрецов Аниоса убивать своих соседей-менты, а нас убьют улези. У нас нет времени говорить о потерянных возлюбленных.

Ато инстинктивно хотел возразить, но Сэм молча кивнул.

— Ты согласен с ней? — спросил Ато.

— Она права, — сказал Сэм, беспомощно пожимая плечами. — Хотелось бы, чтобы это было не так, но это так. Ситуация тяжелая. Мы должны найти способ победить Стефана.

Карлия пошла к лагерю, и мужчины последовали за ней. Она подождала, пока они сядут, а затем сказала:

— Мы не можем драться со Стефаном в одиночку.

— Почему нет? — потребовал Сэм. — Он был бы одним драконом против трех.

— Ато никогда прежде не сражался в образе дракона, — заметила она. — Мы тоже.

— Держу пари, что и Стефан тоже, — Сэм прищурился.

— Но он — воин, — возразила она. — Обученный воин с армией, которая будет следовать его приказам. У него много последователей, которые знают, как поймать менти, и никто не может сказать, есть ли у него улези. Это слишком опасно.

— Тогда что мы можем сделать? — настаивал Сэм. — Мы не можем спрятаться и ждать, пока все это пройдет. Мы должны сражаться.

— Брат, — она покачала головой. — Ты знаешь ответ не хуже меня.

Сэм напрягся.

— Нет. Я не вернусь. Я не могу смотреть...

— Если бы это было что-то меньшее, чем судьба Эсталы, я бы не просила тебя об этом! — ее глаза вспыхнули гневом, и Ато был ошеломлен ее свирепостью. — Но это нанесет вред каждому жителю в Эстале и в Зантосе. Менти будут убиты. Простые люди будут страдать, поскольку Стефан лишает их еды и лекарств и строит храмы в его честь. Он сумасшедший, Сэм. Он не может сидеть на троне.

— Они могут победить его и без нас, — пробормотал Сэм, но сам казался побежденным.

— Мы должны вернуться, — сказала Карлия, — и сказать им, что нашли Ато. С четырьмя драконами против одного Стефана и полной армией за спиной — не говоря уже о менти Луки — у нас будет шанс победить Стефана и освободить Эсталу. Тогда мы можем идти.

Сэм позволил голове опуститься на руки.

Ато понял его отчаяние. Он мог видеть, что то, что они говорили ему, было правдой. Это тяготило их, и они говорили с ним с искренней болью. Но и у него были вещи, которые тяготили его, и, как бы нелепо ни было беспокоиться о своей семье в разгар войны, он не мог уйти, пока не попросится.

— Мне нужно увидеть сестру, — сказал он им.

Оба молча повернулись к нему.

— Завтра. Я не скажу ей, кто я на самом деле, просто скажу, что я менти. Я скажу, что у меня другие силы. Она может придумать ложь, чтобы рассказать моей семье... и моей паре.

— О, Ато, — сказала Карлия. — Ты все еще можешь вернуться к своей семье, когда все это закончится.

— Что, если я этого не сделаю? Возможно, им лучше думать, что я мертв. Айна... — он обдумал вопрос. Айна будет в ярости. Она бы не хотела, чтобы он ушел. — Айна солжет ради меня, — закончил он. — Она сохранит мой секрет, если я заставлю ее это пообещать, — она

попытается отговорить его, но он не позволит.

Двое других не поверили ему, но кивнули.

— Главное, чтобы это не дошло до Стефана, — сказал Сэм, и его сестра снова кивнула.

Ато был рад снова увидеть их согласие. Он никогда не ссорился с Айной так, как ссорились некоторые другие братья и сестры, которых он знал, и его всегда беспокоило, что семья распадается на части. Ему было интересно, что случилось с их родителями, но он вспомнил лицо Сэма, когда тот сказал, что дома ничего не осталось.

Они летели ночью и прибыли рано утром, чтобы Ато смог пробраться в кустарники, где любили пастись козы.

Его сестра всегда приходила поприветствовать коз по утрам и убедиться, что все на месте, и это утро не стало исключением. Он стоял и ждал, пока она шла по дорожке, замечая ее осунувшееся лицо и медленные шаги. Но она заметила, что козы были встревожены. Ато был наполовину уверен, что они почувствовали его силы.

Он хотел позволить ей увидеться с ним, но подождал, пока она подойдет очень близко, так как боялся, что она выкрикнет его имя и предупредит семью. Он вышел из кустов, чтобы приложить палец к ее губам, и ее глаза расширились от радости и замешательства.

Это быстро сменилось злостью.

— Где ты был? — спросила она. — Я видела тебя в самых странных местах. Что происходит, Ато? В день, когда ты ушел, я думала, что умру от лихорадки. Я думала, что видела, как ты шатаешься, как жертва чумы.

— Я думал, что у меня чума, — сказал он. — Я ушел, чтобы не заразить кого-либо из вас.

— Ато, ты дурак, — она ударила его в грудь. — Я бы нашла тебе доктора!

— И сама ухаживала за мной? И подхватила болезнь? — сказал он терпеливо. — Но я не был болен, Айна. Пожалуйста, послушай. У меня мало времени. Мне нужно, чтобы ты кое-что сказала маме и папе.

Она замерла. Затем к ней пришло осознание, и ее плечи поникли.

— Ты не вернешься, — сказала она. — Но почему?

«Скажи ей, что ты огненный маг, — сказал Сэм, пока они летели. — Огненные маги наиболее распространенные. Никто не будет подвергать сомнению это, если услышит историю».

— Айна, — Ато облизнул губы. Хотя он и не рассказывал ей правдивую историю, она все равно могла причинить ему боль. Он нервничал при мысли о том, что она может сделать. Будет ли она бросать в него камни и проклинать его имя? Позовет священников? Они оба выросли на рассказах бабушки, и в глубине души он знал, что Айна никогда не сделает таких вещей, но все же боялся.

Менти ненавидели.

Она топнула ногой.

— Ато, скажи мне.

— У меня силы менти, — сказала Ато, и ее рот раскрылся. — Я думал, что болен, а потом обрел свои силы. И болезнь ушла. Я владею огнем.

Ее глаза были круглыми, как блюдца.

— Ты менти? Покажи мне! — теперь она улыбалась, как ребенок, почти хлопая в ладоши. — Ато, покажи мне!

Он почувствовал укол паники. Он должен был знать, что она попросит об этом.

— Я не могу показать, — сказал он. Когда она нахмурилась, он искал причину. — Я еще не могу хорошо контролировать это, и я могу сжечь кусты. Или тебя. Или коз.

— Эту, — сказала Айна, указывая на серо-белую козу в углу стада. Ее глаза сияли. — Она злобная. Всегда кусает меня за лодыжку.

Ато рассмеялся и обнял ее. Он скучал по ней. Когда он ушел от нее, это было так, будто часть его сердца пропала.

На мгновение она так же яростно обняла его в ответ, а затем отстранилась от него.

— А что я? — спросила она. — Разве у меня нет сил?

Ато почувствовал боль. Годами они везде ходили вместе, делали все как могли. Он нервничал из-за брака с Лели и переезда в другой дом, а теперь собирался проделать путь до Эсталы, чтобы сразиться силами, которыми не обладала его сестра.

— Я думаю, магия связана с нашим родом, — честно сказал он ей. — Может, она у тебя есть. Всего лишь искра, Айна. Может, это будет у твоих детей, — потом он понял, что должен сказать. — И именно поэтому ты должна солгать ради меня. Это для всей семьи. Никто не может знать, кто я.

— Ато, — она покачала головой. — Ты действительно думаешь, что Лели это будет волновать? Она любит тебя. Что бы ты ни делал с огнем, ты был бы ей хорошим мужем, а? Здесь для менти не так и плохо.

— Я... — он хотел остаться. Он так сильно этого хотел. — Я хотел бы объяснить, но не могу. Есть причина, по которой я должен идти. Есть причина, по которой это должно быть секретом.

Она была удручена.

— И ты не можешь сказать даже мне. Даже своему близнецу.

Он опустил взгляд, не находя слов, чтобы объяснить, что он должен сделать.

Она даже не знала всего, что он скрывал, и была в ярости.

— Когда я тебя предавала?

— Никогда! Но это для того, чтобы защитить тебя.

— Единственный способ, которым правда может выйти наружу, — это если я расскажу кому-нибудь, — бросила она ему вызов. — А я не расскажу. Если хочешь оставить меня навсегда, если хочешь, чтобы я солгала Лели, тогда я хочу знать, почему.

Ато тяжело сглотнул. Он пообещал Сэму, что не сделает этого, но Айна была его семьей. Она должна была знать, как защититься. Она была права: она заслужила знать, зачем он уходит.

Он отступил от нее и сбросил с себя одежду, и она нахмурилась, скрестив руки на груди и нетерпеливо глядя поверх его головы.

Затем он изменил облик, и у нее раскрылся рот. Она смотрела, как он превратился в дракона с серебряной чешуей. Она подошла к нему, дрожа, и протянула руку к его морде.

Ты меня понимаешь? — спросил ее Ато. Он знал, что ответом будет молчание. Она была не такой, как он.

Да, — сказала она ему. — *О, Ато. Ты красивый.*

Ты можешь понять меня? — он сразу изменился.

— Д-думаешь, ты...

— Нет, — она грустно улыбнулась, когда слеза скатилась по ее щеке. — Нет, я видела, как ты изменил облик, и мне казалось, что я всегда это знала. Будто даже мама всегда это знала. Она назвала тебя Ато. Она знала. И ты прав, это течет в моих венах. Но я не дракон. Я

не такая, как ты.

— Я должен идти, — Ато снова оделся. — Есть еще один дракон, у которого трон в Эстале. Он — дракон, но он присоединился к тем, кто причинит вред всем менти. Только дракон может противостоять дракону.

— Откуда ты это знаешь?

— Потому что он встретил нас, — сказал новый голос. Сэм вышел из-за скал вместе с Карлией и поклонился Айне. — Простите. Мы не собирались подслушивать.

— Собирались, — сказала ему Карлия, затем повернулась к Айне. — Мы боялись за Ато. Мы были здесь, чтобы защитить его. Мы оборотни, как и твой брат. Стефан, темная сила, о которой говорил Ато, охотится на менти. Когда произошло извержение горы Зин, мы поняли, что был еще один дракон, и мы пришли, чтобы найти его раньше, чем Стефан. Мы защитим твоего брата.

Айна сердито вытерла слезы. Ато знал, что его сестра всегда ненавидела плакать на глазах у других, и он ненавидел себя за то, через что заставил ее пройти.

— Что я им скажу?

— Скажи им... скажи им, что я умер, — сказал Ато, исполненный горя. — Айна, я не знаю, вернусь ли когда-нибудь. Скажи им, что я умер. Скажи Лели...

— Я скажу ей, — конечно, Айна знала, что он хотел сказать. — Но не то, что ты умер. Я не скажу ей этого. Я скажу ей, что ты должен был уйти, что ты был очень болен и что есть шанс, что ты когда-нибудь вернешься. Я не позволю тебе уйти и думать, что тебе незачем оставаться в живых, — она в последний раз яростно обняла его и перевела взгляд на Сэма и Карлию. — Убедитесь, что он вернется, — сказала она.

Потом она побежала вниз по склону со слезами на щеках.

8

Рева

Через два дня после прибытия в Сады они были готовы отправиться в замок Далур. Люди лейтенанта Герраса, преданные своему командиру, позаботились о том, чтобы у всех менти, которые будут идти, были портянки и шали. Не было ни времени, ни ресурсов, чтобы купить ботинки для всех, но путь будет проходить в разумном темпе по легкой местности. Рева знала, что доставка менти в замок Далур и обеспечение их скорейшего обучения важнее, чем ожидание ботинок. И, конечно же, возник вопрос, откуда взяться ботинкам. Чем дольше они будут ждать в Садах, тем рискованнее станет их положение. Их запрошенные припасы могут вернуться к Луке, и тогда ее план будет раскрыт.

Больных, раненых и слабых укладывали в ватные вагоны. Среди них была Лотти, чья рана хорошо заживала после надлежащего ухода. Она улыбнулась Реве и подмигнула ей, когда один из самых красивых солдат усадил ее в фургон. Было облегчением видеть, как она шутит, и это подняло настроение Реве. Было так много поводов для беспокойства, что в последнее время у нее не было возможности посмеяться.

Карина, боясь быть узнанной, не только изменила лицо, но и стала молчаливой. Она старательно избегала лейтенанта Герраса, а поскольку Реве приходилось проводить много времени с солдатом, она редко видела подругу.

Рева накинула шаль на плечи и начала последнюю проверку вдоль линии. Часть телег с припасами уже уехала, и телеги с ранеными тоже начали отправляться. За ними шли многие менти, наконец, без оков. Вид их не в цепях заставил горло Ревы пересохнуть от волнения. Вскоре она будет жить в свободном мире. Вскоре Стефан будет уничтожен, а Эстала сможет

превратиться в прогрессивное место, которым она должна была быть.

Рева и лейтенант Геррас спорили о цепях. Хотя он не был склонен быть жестоким по отношению к менти, он боялся, что на него и его солдат нападут, если менти будут освобождены, или что сестры будут убиты толпой, превратив их конвой в хаос.

— Я поговорю с ними, — сказала Рева недвусмысленно.

Она задрала подбородок и вспомнила те дни, когда наручники впивались в ее кожу. Ее жизнь была полна боли. Она вспомнила, как научилась улыбаться, пока Францис наказывал ее за то, что она не родила ему сына. Она вспомнила свой побег и тренировки с Сэмом. Она выжила, а теперь будет защищать всех, кто находится под ее опекой.

Она покачала головой лейтенанту Геррасу.

— Я не оставлю менти беспомощными. Мы не будем обращаться с ними как с заключенными. Им нужно показать, что они равны нам, — она наклонилась к нему ближе и прошептала. — Им нужно показать, что мы будем относиться к ним с добротой и уважением. Они не сделали ничего, чтобы заслужить заключение, лейтенант.

Он сопротивлялся, но Рохеса и Карина помогли распространить послание Ревы среди менти, шепча им о том, как Рева освободила еще один из Садов и что она намеревается сделать то же самое здесь. Все, что менти нужно было сделать, это выждать и притвориться, что они действуют в соответствии с законами короля. Реакция на это была положительной, и менти согласились последовать примеру Ревы.

Она кивнула им, проходя мимо, протягивая шаль девушке, дрожащей в рваном платье. Ей могло быть лет пятнадцать, но ее тело было детским. Она с благодарностью сжала руку Ревы. У нее могла быть такая девочка, подумала Рева. Кареглазая и темноволосая. Возможно, если бы она все-таки вышла замуж за Луку, у них были бы дети с его светлой кожей, ее темными глазами и темными волосами. Красивые дети, своенравные, но добрые.

Она отвернулась от девушки со слезами на глазах. Почему Лука все испортил? Почему он предал ее и отвернулся от людей, которые его любили?

Она смахнула слезы и оглянулась на конец очереди, где сестры были прикованы цепями и охранялись. Они были разъярены и возмущены оковами, и дрожь раскаяния пробежала по ней. Но их цепи были ничем по сравнению с теми трудностями, через которые из-за них пришлось пройти менти. Рева стояла неподвижно, а глаза сестер горели ненавистью. Пусть ненавидят ее. Ей было все равно. Она не будет бояться этих женщин. Мир менялся, и они были лишь дрессированными бойцовскими собаками. Она решила убедиться, что они не узнают об обороне и планировке замка Далур, прежде чем она отправится в переднюю часть очереди.

— Хорошие новости, — сказал ей лейтенант Геррас. Он улыбался, что было хорошей заменой его обычному суровому настроению. Рева решила идти пешком, и он сделал то же самое; молодой помощник ехал на лошади лейтенанта возле телег с ранеными.

— О? — Рева улыбнулась в ответ. За последние несколько дней она поняла, что Карине нравится в лейтенанте. Он был добрым, но справедливым, решительным и в то же время открытым для предложений, и он был красив, о чем, казалось, совершенно не подозревал.

Она просто не могла заставить Карину поговорить с мужчиной, но решила, что придумает, как это сделать.

— Да, — сказал ей Геррас. — Я отправил сообщение в другие гарнизоны почтовым голубем. Мало того, что несколько человек отправили провизию в замок Далур, они сообщают, что дороги чисты. Никакой активности со стороны предполагаемой армии

Стефана замечено не было.

Рева нахмурилась.

— Мне тоже не нравится тишина, — сказал Геррас. — Но дело в том, что мы — рота солдат, путешествующих с людьми, которые не в цепях. У армии Стефана не было бы веской причины терять элемент неожиданности, атакая нас, когда они могли бы вместо этого тайно сосредоточить свои силы, чтобы атаковать Реялон.

— Так ваши хорошие новости в том, что армия Стефана собирается атаковать Крепость Несры? Не все сочтут это хорошей новостью.

Лейтенант Геррас рассмеялся, и Рева увидела, как глаза Карины метнулись в их направлении. Ее внимание привлек смех Герраса, и Рева инстинктивно поняла, что Карине очень хотелось оказаться на ее месте. Когда Карина заметила, что Рева наблюдает за ней, она поспешно отвернулась, яркий румянец залил ее шею.

Рева слегка покачала головой. Когда Карина перестанет играть в эту игру? Она выдавала себя за простушку по имени Ханна, и каждый раз, когда Геррас приближался к ней, «Ханна» удирала, как испуганная мышь. Если бы они вдвоем просто поговорили...

— Вы совершенно правы, миледи. Пожалуйста, простите мою бесчувственность. У короля Луки — мои извинения, принца Луки — есть свои войска, — сказал Геррас. — Он хорошо укреплен в Крепости Несры, и у сброда Стефана нет шансов захватить Реялон. Я говорю: пусть тратят силы на то, чтобы биться о стены.

Рева попыталась улыбнуться. Правда заключалась в том, что со Стефаном, принявшим форму дракона, город вряд ли смог выстоять. Если Стефан мог ненавидеть менти, но все же выдвигать себя как возрожденного Аниоса, сколько времени пройдет, пока он не отбросит все претензии на принципы и не привлечет других менти на свою сторону?

Менти, которые ненавидели других менти и хотели уничтожить их всех.

Рева поежилась. Не было ничего более темного, чем ненависть к себе подобным. Ее родители были убиты менти. Любой, кто настолько заблуждался, что ненавидел свои силы и все же использовал их, был действительно опасен.

Геррас продвинулся дальше, чтобы поговорить со своими людьми, и колонна продолжила свой путь. Рева впала в медленный марш, который поддерживала до конца дня, а ночью спала на тонком матрасе под звуки солдатских песен.

Следующий день пришел и принес то же самое. А потом и следующий день. Бедра болели от ходьбы.

Путь в замок Далур был мучительно медленным. Рева не могла перестать беспокоиться о безопасности, несмотря на заверения лейтенанта, но их люди устали, и им требовалось терпение. Им нужно было время. Менти в Садах Аниоса несколько месяцев морили голодом и избивали, а у лейтенанта Герраса было всего несколько недель, чтобы попытаться восстановить ущерб. Хотя они шли так быстро, как только могли, путешествие заняло почти две недели.

Карина продолжала быть неприметной. Она передавала сообщения между Ревой и другими менти, на ходу проносясь мимо лейтенанта Герраса. Но однажды ночью у костра Рева наблюдала, как Карина и Геррас вступили в оживленный спор о правах менти и о том, как лучше начать обучение в замке Далур. Кончилось это только тогда, когда Карина вдруг будто вспомнила, с кем разговаривала, вскочила на ноги и убежала в темноту. Геррас мог только смотреть, раскрыв рот, хмурясь. Рева вздохнула и оставила Карину разбираться с мыслями. Геррас всегда был с ней так же вежлив, как и со всеми остальными, но Карина

была почти грубой в своих попытках избежать его.

Наконец, в полдень они прибыли в замок Далур и обнаружили, что он почти готов для жителей. Солдаты из других гарнизонов произвели беглую уборку жилых помещений и привели в порядок кухни, а также укомплектовали стены и начали чинить все, что пришло в негодность.

Увидев, что сестер с завязанными глазами ведут в подземелья, Рева приготовилась к неизбежному и пошла поговорить с лейтенантом Геррасом. Он находился во дворе помещения стражи, разговаривая с молодым капитаном, оба хмурились.

— А, леди Авалон, — лейтенант Геррас несколько успокоился. — Могу я представить капитана Уэстона? Капитан, это леди Рева Авалон.

— Капитан, — Рева улыбнулась и сделала реверанс, зная, что очарование здесь было ее лучшим оружием. — Я благодарю вас за помощь в подготовке замка Далур. Вы можете этого не знать, но я вдова генерала Унны. Когда принц Лука объявил, что ему понадобится тренировочная площадка, я вызвалась в замок Далур.

Капитан Уэстон был заинтригован, но, похоже, не был убежден.

— Госпожа Авалон, простите мой скептицизм, но вы хотите сказать, что король приказал нам предоставить убежище и припасы *менты*?

— Вам не за что извиняться, — с улыбкой сказала Рева. Она надеялась, что в ее голосе нет резкости. — После войн и многочисленных указов короля Давэда это большая перемена. Я сказала лейтенанту Геррасу, что это был настоящий шок, когда я узнала о своих способностях менти. Еще большим потрясением было узнать о моем муже. Как вы могли слышать или не слышать, он пожертвовал собой, чтобы уничтожить часть армии Стефана, вызвав оползень.

— Генерал Унна был менти? — капитан Уэстон был потрясен.

— Капитан, каким бы шоком для это ни было для вас, представьте, как неприятно это должно быть для тех из нас, кто узнал, что мы менти, — Рева твердо держала улыбку на месте. — Мы росли, веря, что менти — зло, что они наши враги, а потом обнаружили, что у нас есть те силы, которых нас учили бояться. Правда в том, что менти ничем не отличаются от нас с вами по темпераменту. Они просто наделены силами, которые сделают их союзниками короля. Таким образом, он постановил, что они должны быть обучены. Может ли он рассчитывать на вашу поддержку?

Капитан Уэстон сглотнул. Его горло какое-то время беззвучно двигалось, затем, наконец, он кивнул.

— Да, — его тон был сухим. — Я видел приказы. Все это кажется просто невероятным.

— В последние несколько месяцев мало что кажется правдоподобным, — ответила Рева. — Но, если это заставит вас немного меньше нервничать, мне приказано отпустить всех находящихся здесь солдат, чтобы они вернулись к другим обязанностям. Менти возьмут на себя ответственность за собственную защиту и управление замком.

Плечи Уэстона расслабились от облегчения, и он коротко выдохнул.

— Я немедленно скажу своим людям. Лейтенант. Миледи, — он поклонился и зашагал прочь.

— Рева! — Карина, все еще в облике Ханны, позвала откуда-то поблизости. Она прибежала во двор, раскрасневшаяся и смеющаяся. — Лотти говорит... — она замерла, увидев лейтенанта Герраса. — Я вернусь позже.

— Я бы предпочел, чтобы вы остались на минутку, — сказал лейтенант Геррас.

Впервые за время их краткого знакомства он использовал командный тон по отношению к кому-то, кто не был из его солдат. Его взгляд скользнул между Ревой и Кариной. — Я хочу поговорить с вами обоими.

Рева показала, что ей на спину вылили ледяную воду, но она напомнила себе о своих силах. Она могла бы защитить их двоих, если бы нужно было это сделать.

Она кивнула и жестом пригласила Карину встать рядом с ней.

— Я хотел поговорить с вами о молодой женщине, которую встретил, когда впервые попал в Сады, — сказал лейтенант Геррас. — Ее звали Карина. На самом деле, я встретил ее когда впервые проехал через ворота. Она защищала ребенка, которого пороли за какую-то пустяковую провинность, и у нее хватило смелости попросить меня — человека, которому у нее не было оснований доверять, — помочь ей найти раненую подругу.

Рева склонила голову с, как она надеялась, заинтригованным выражением лица. Рядом с ней Карина дрожала от напряжения.

— Несколько ночей спустя, — продолжал лейтенант Геррас, — она исчезла. Она использовала мое лицо, чтобы сделать это. Я расспрашивал женщин, которых, по-видимому, привезли с ней, но обе заявили, что ничего не знают о том, почему она ушла. Это было настолько странное действие, что я довольно долго думал об этом. Признаюсь, я был несколько раздражен тем, что мое лицо было использовано для ее побега, но, хотя я знал ее совсем немного, я не мог не думать, что у нее была какая-то цель в уходе — цель, выходящая за рамки ее собственной свободы, конечно. Когда вы прибыли сказать нам, что Менти свободны, леди Авалон, я хотел бы сказать ей, что ее подруги уже не пленники.

Его взгляд остановился на маскировке Карины.

— И тогда я начал задаваться вопросом, может, молодая женщина, которая так страстно спорила со мной несколько ночей назад, та самая женщина. Возможно, Карина ушла, чтобы сообщить в Крепость Несры и убедить короля, что менти следует не просто содержать в лучшем состоянии, но и по-настоящему освободить.

Повисла пауза, Рева повернулась к подруге. А потом, на глазах у Ревы, Карина убрала свою маскировку и превратилась в себя. Она яростно покраснела.

— Да, — тихо сказала она. — Это я. Я думала, вы рассердитесь, увидев меня.

— Чтобы злиться, я должен был бы думать, что вы сделали то, что сделали, без причины, — ответил лейтенант Геррас.

Выражение его лица было более живым, чем когда-либо видела Рева: широко раскрытые и блестящие глаза, улыбка. Он был счастлив ее видеть. Рева задавалась вопросом, когда они поймут, что влюблены друг в друга.

Не сегодня, конечно.

Она стояла очень тихо и пыталась не дать никому из них вспомнить, что она здесь, но лейтенант Геррас разрушил чары и повернулся к ней.

— Вы освободили нас от наших обязательств, — сказал он. — Но если вы будете не против, мы с моими людьми останемся. Мы можем управлять замком, что позволит вам сосредоточиться на обучении, и, может, вы предоставите указания о том, как лучше всего помочь другим войскам.

Его взгляд вернулся к Карине, и Рева поняла, что он думал о страстных дебатах и, возможно, о прогулках под луной по зубчатым стенам в свободное время.

— Я была бы очень рада, если бы солдаты остались, — сказала она.

— Хорошо, — он едва мог оторвать взгляд от Карины. — Я... э... я пошлю в ближайший

гарнизон сообщение о дополнительных припасах. Они нам понадобятся.

Он кашлянул, поклонился Реве, протяжно поклонился Карине и ушел, заливаясь румянцем.

9

Лука

— Не думаю, что это возможно, — прямо сказал лорд Роккан.

Окна зала совета были открыты, чтобы сбросить дневную жару, и комната наполнилась пьянящим ароматом цветов. С легким запахом моря, доносимым ветром, и звуками города и окружающего его замка, это должен был быть прекрасный день для встречи.

Вместо этого Лука недвусмысленно услышал, что мало надежды начать кампанию против Золотого Порта, чтобы победить его брата.

— Должен быть способ, — Лука раздраженно потер челюсть. Когда Роккан нахмурился, он умоляюще протянул руки. — Генерал, пожалуйста, выслушайте меня. Должен быть способ, потому что Стефан должен быть побежден. Я понимаю, что это будет трудно...

— Не трудно, ваше высочество, — лорд Роккан покачал головой. — Невозможно.

— Но это не может быть невозможным, — сказал Лука. Его голос начал повышаться, и он ненавидел это. Он не хотел звучать как ребенок. — Стефан разорил эту страну строительством храмов, когда люди умирали от чумы. Он сжег корабли в гавани, которые бесплатно перевозили лекарства. Он больше не может занять трон Эсталы. Он должен быть побежден.

Лорд Роккан погрузился в молчание. Генералы Луки за столом — лорд Белланон, лорд Ферин и лорд Эссад — избегали его взгляда, вместо этого вода взглядами то по потолку, то по окнам, то по полу. Брат Аксил, как он обычно делал, выглядел настороженным, но Серена была еще одним советником, избегающим зрительного контакта, и ее лицо покраснело, как всегда, когда они были детьми, и она чувствовала себя виноватой за что-то.

Он осмотрел ее более внимательно. Да, на ее лице действительно было виноватое выражение, как в тот раз, когда она сломала его лук и спрятала куски под кроватью Матиаса.

Он отвлекся от мыслей. Были более важные дела.

— Мой брат сумасшедший. Он основал культ, основанный на том, что он бог. Он также, если я могу вам напомнить, дракон-менти. С ним надо разобраться. Быстро.

— Ваше высочество, — лорд Ферин кашлянул. — Что вы имеете в виду, когда говорите «разобраться»?

Лука думал, что ответить, но, прежде чем он успел это сделать, Серена прервала его с усталой грацией:

— Он имеет в виду казнить, лорд Ферин.

За столом повисла потрясенная тишина.

Серена нетерпеливо закатила глаза.

— Мы находимся в эпицентре войны. Мы только что обсудили, как мы отправим наших солдат на смерть. Какая польза от того, чтобы делать вид, что ситуация может быть как-то урегулирована мирным путем? Многие солдаты Стефана умрут, когда он пошлет их против нас. Он — предатель, и я твердо верю, что он убил нашего отца, чтобы занять трон. Он убьет Луку в мгновение ока и никогда не смирится с поражением, — ее голос повысился. — А почему ему должно быть позволено? Он начал все эти страдания.

— Моя сестра имеет в виду, — поспешно сказал Лука, — что Стефан ясно дал понять, что не примет моего правления и что он намерен вести войну. Его преступлений много, и

они бесспорны.

— Это не плодотворная тема для обсуждения, — пробормотал брат Аксил. — Лорд Ферин, если совесть беспокоит вас из-за единственной смерти, я предлагаю вам не быть генералом.

Лорд Ферин замолчал, и Лука подавил желание снова почесать челюсть. Его советники начали перегрызать друг другу глотки, а он не мог этого допустить.

— Никто из нас не любит войны, — сказал он. — Никто из нас не пошел бы на это, если бы мы могли сделать другой выбор. Но мы не можем. Стефан вынудил нас.

Многие в комнате закивали. Брат Аксил казался довольным.

— Может, и нет, — предположил лорд Роккан. — Есть кое-что, что мы еще не рассмотрели. Хотя успешное нападение может быть практически невозможно осуществить, мы можем убить Стефана.

Это простое заявление было встречено очевидным шоком.

— Как указал Брат, — едко сказал Роккан, — мы обсуждаем гибель тысяч. Какая разница, умрет ли Стефан на поле битвы, при королевском дворе или в собственной спальне до того, как начнется война? Более того, почему бы нам не пощадить армии, если мы можем это сделать?

Лука задумался. Братоубийство оставило у него неприятный привкус во рту, но послать целую армию, зная, что многие погибнут, было, конечно, не лучше.

— Где бы вы нашли убийцу, лорд Роккан? — лицо Серены было невозможно прочитать.

— Не одного убийцу, — сказал Роккан. — Группа элитных солдат под покровом темноты. Наш шпион может подсказать им, как попасть в город и выйти из него, а также слова, которые нужно использовать, чтобы сообщить силам Тиниана, кто они. Я думаю, мы можем с уверенностью предположить, что Тиниан не поддерживает правление Стефана.

— Он мог все это спланировать, — сказал лорд Белланон.

Лука кивнул. Он ни в малейшей степени не доверял Тиниану.

— Не смешите, — резко сказал Роккан. — Этот человек — змея, и он продаст свою бабушку по хорошей цене за зерно, но это не значит, что он хочет, чтобы Стефан был на троне. Стефан сжег свое имущество и отказался от сделок. Он основал культ. Его возненавидят в Золотом Порту. Вы знаете, что делают торговцы? Они получают столько, сколько могут бесплатно. Если мы пойдем туда, чтобы убить Стефана, Тиниан поблагодарит всех, кому молится, что ему не пришлось самому нанимать убийц.

— Как бы красочно он ни говорил, — сказала Серена с легкой улыбкой, — я согласна с генералом, Лука. В этом нам поможет Тиниан, и у нас будет шанс избежать битвы. Конечно, это стоит попробовать.

Лука прикусил губу. Ему не нравилась эта идея. Сделав то, что было правильно для своего народа, Тиниан решил оставить его без защиты, а также взять Альберто в заложники. Это был, несомненно, враждебный поступок, и Лука все еще был обижен. Он даже был в некотором роде рад, что Тиниан ушел, думая, что у него есть преимущество... только чтобы узнать, что это не так.

Но такие мысли были недостойны короля, и Альберто тоже пострадает, если Лука не предпримет никаких действий, как и граждане Зантоса.

Он просто не мог доверять Тиниану. Еще нет.

— Помощь Тиниана также может сделать возможным вторжение, — сказал Роккан.

Если он надеялся убедить Луку, то ошибся. Лука опасался доверять целое вторжение

доброй воле Тиниана.

— Солдаты Тиниана, скорее всего, не верны Стефану, — заметил Роккан. — Если у нас будет какой-нибудь способ мобилизовать их по прибытии, мы сможем достаточно легко попасть в город. Даже если они не командуют воротами и дворцом, они знают те места. Они могут войти, убрать стражу...

— Я подумаю об этом, — Лука оборвал его усталым взмахом руки. В ответ на приподнятые брови Роккана он заставил себя улыбнуться. — Я благодарю вас, лорд Роккан, за ваш вклад. Это хорошо продуманные планы. Я должен просто выбрать, и я бы попросил время, чтобы сделать это.

Лорд Роккан неохотно кивнул.

— Выбирайте быстро, Ваше Высочество, — прямо предупредил он. — У Стефана было гораздо больше обращенных в его культ, чем я ожидал. Зачем кому-то хотеть хлестать себя до крови... Дело в том, что он опасен, и чем больше времени вы ему даете, тем опаснее он становится.

— Да, я знаю, — ответил Лука. — Можете идти.

Он не удивился, когда брат Аксил последовал за ним в его покои. Его гувернер уже несколько дней крутился вокруг него, не говоря ни о чем важном. Теперь, когда Лука налил себе бокал вина и сделал осторожный глоток, он взглянул на брата Аксила.

— Вы должны сказать то, что хотели сказать... даже если это долго.

Брат Аксил сжал губы в тонкую линию.

— Рева. Где она?

Лука одним глотком осушил бокал вина. Его горло обожгло, а глаза начали слезиться. Он кашлянул и вытер рот, уже сожалея о том, что выпил. Теперь в его голове будет туман.

— Она ушла, — коротко сказал он.

— Куда? — не отступил Брат Аксил.

— Я не знаю.

«И вряд ли она позволит мне найти ее», — он подумал о другом драконе, с его темными волосами и гордой осанкой, и подумал, что его сердце может разбиться. Реве было лучше с этим драконом, чем с ним.

Он с тоской уставился на вино, размышляя, будет ли по-королевски выпить еще кубок. Затем он глубоко вдохнул и передумал. Вино не мешало ему думать о ней. Рева никогда бы не простила ему того, что он сделал.

— Принц Лука... — Брат Аксил заламывал руки. — Она не ранена?

Лука сделал паузу на мгновение, задаваясь вопросом, почему Аксил спрашивает, а затем повернулся к своему старому гувернеру.

— Думаешь, я причинил ей боль?

— Я не знаю, что и думать, — осторожно сказал брат Аксил. — Вы ушли в себя, у вас были мрачные настроения, и вдруг она бесследно исчезла. Ее никто не видел, и вы не пытаетесь ее найти.

— Она злится на меня, — сказал Лука. Он не оглянулся на своего гувернера. — Я не причинил ей вреда. Я бы не стал, — но его голос сломался на словах. Он заключил сделку с улези, которая вполне могла навредить ей.

— Рева — женщина с сильным нравом. У нее есть чувство долга. Она бы не ушла, если бы в этом не было необходимости.

— Это было необходимо! — отрезал Лука. — Я не могу... я не хочу говорить об этом. Я

не знаю, где она, — он покачал головой. Это не помогло. — Можете идти.

Аксил колебался.

— А предложения лорда Роккана...

— Я подумаю о них, — Луке удалось сохранить самообладание. — Я хочу побыть один.

Пожалуйста, оставьте меня.

Брат Аксил поклонился и вышел, а Лука подошел к окну и распахнул его. Он вдохнул летний воздух, тяжело опершись на подоконник. Он чувствовал запах нагретой солнцем древесины и пыли, а также запах еды, подаваемой солдатам на близлежащих тренировочных площадках. Хотя покои короля выходили окнами на сады, его отцу нравилось слышать, как тренируются солдаты.

Лука слушал крики, солдаты отдавали приказы и смеялись друг с другом. Мальчиком он слушал те же крики из своих покоев, когда болезнь не давала ему присоединиться к ним. Он никогда не чувствовал себя комфортно с солдатами, когда был младше, зная, что они никогда не будут уважать его, как Матиаса, но теперь он хотел спуститься во двор, взять тренировочный меч и сразиться с ними.

Он познал свободу в тренировках с другими. Он попробовал это в лагере менти в Зантосе, и ему понравилось. Они давили на него сильнее, чем он когда-либо мог давить на себя. Они научили его творчески подходить к своим стратегиям.

Скорее всего, они сейчас тренировались.

Он задумчиво пожевал губу. Что, если он присоединится к ним? Это может очистить его разум, выгнать алкоголь из его вен. Он снова услышит смех Тани. Он сможет быть Людо, а не принцем Лукой.

Он был на полпути к двери, когда его улыбка померкла. Если бы они знали, что он сделал, почему ушла Рева, они бы тоже ушли.

Они были бы правы.

Лука вернулся в комнату, прижимая руки к вискам. По правде говоря, он устал от постоянной лести Йозефа и его намеков на то, как люди должны обращаться с королем. Лука не мог сказать почему, просто это действовало ему на нервы.

Он заметил, что члены совета обычно относились к нему как к королю, когда он обращал на них внимание и обсуждал достоинства их аргументов. Когда он просто пытался посвятить себя своим обязанностям, а не пытался вести себя так, как, по его мнению, должен вести себя король.

Действительно ли Йозеф учил его чему-то, чему он не мог научиться у Джеральдо и других? Должен ли он, наконец, вырваться из лап мужчины и стать самим собой?

Он вспомнил улыбку Тани и то, как легко она стряхнула воду с кончиков пальцев. Он вспомнил, как Джосс бил его ветром. Нико, Вин и даже Шайя, которую Лука никогда особо не любил. Все они были такими яркими, такими живыми.

Если Лука пойдет тренироваться с ними, они уговорят его позволить им драться. Они покажут ему, насколько они сильны вместе, и соблазнят его совершить нападение, как, по мнению лорда Роккана, и хотел сделать Лука.

Все думали, что он хочет славы в бою, и все же слова Серены преследовали его: «Мы говорим о гибели тысяч».

Он уверенно говорил о том, что им пришлось начать войну, потому что Стефан вынудил их, но он сам был тем, кого пытался убедить. На самом деле, несмотря на то, что он знал, что Стефан убил бы еще больше голодом и казнью, чем Лука в битве, Лука не мог заставить себя

отдать приказ начать штурм.

Почему-то все было по-другому, когда Тиниан дергал за ниточки. Тогда все это казалось неизбежным. Лука только вернулся с боя. Он знал, что Тиниан встанет на сторону Серены, если Лука не вступит с ним в союз. Тиниан был тем, кто отдал приказ отплыть.

Лука не мог этого сделать. Но если бы он сам сражался со Стефаном — это он мог бы принять.

«Где найти убийцу?» — спросила Серена.

Убийцей будет Лука. Так должно быть.

Серена была бы прекрасной королевой, сказал он себе. Вероятно, лучшей королевой, чем он — королем. Он сопротивлялся желанию тренироваться с остальными менти из лагеря Джеральдо. Судьба мира зависела от поражения Стефана, и Лука не смог бы жить с самим собой, если бы отправил других на смерть.

Это прояснило его курс.

Лука вздохнул и позвал Йозефа.

10

Рева

— Рохеса! — крикнула Рева. — Вперед!

Рохеса бросилась вперед вместе с остальными оборотнями, а Рева хмуро наблюдала за происходящим. Она планировала научить оборотней атаковать и обходить с фланга, но на то, чтобы заставить всех оборотней двигаться вперед одновременно, ушла большая часть дня. Им удалось лишь однажды провести хорошую атаку, и они даже близко не подошли к попытке маневра.

Не говоря уже о том, что пыльные тренировочные дворы замка Далур вряд ли можно было сравнить с настоящим сражением. Как поведут себя менти при приближении войск — возможно, конных?

Она покачала головой и стиснула зубы. Беспокойство не решит проблему; обучение могло помочь.

— Маги огня, метайте залпы в заднюю стену! — крикнула Рева.

Маги огня заняли свои позиции и бросали огонь, как могли, но многие никогда не обучались и не могли практиковать магию самостоятельно. Все огненные шары были разного размера, а некоторые вообще не были шарами. Пока Рева смотрела, один из них вспыхнул, неуправляемый, и приземлился, искрясь, на мех волка-оборотня, Джеммы.

Раздался вопль боли, слышный даже сквозь топот лап и рев огненных шаров, и двор погрузился в хаос. Другие оборотни инстинктивно разбежались, а Рева побежала к Джемме, не обращая внимания на другие огненные шары, шипящие над головой залпами.

Шерсть Джеммы дымилась, и волк казался слишком напуганным, чтобы сосредоточиться на превращении в человека. Она металась и каталась, скулила и паниковала, пытаясь вытащить угли из шерсти. Когда Рева потянулась, чтобы помочь, Джемма зарычала и огрызнулась. Рева споткнулась и упала, окруженная когтями и огнем, залпы ослабли, маги уставали.

— Рева! Рева! — голос Лотти прорвался сквозь шум.

Вода. Эта мысль пронзила туман паники в голове Ревы, и она поднялась на ноги.

— Лотти! Вода!

Невзрачное лицо Лотти исказилось от облегчения, когда она увидела появившуюся Реву. Вода полетела по воздуху, заливая Реву и Джемму. Лотти сосредоточенно щурилась и

держала воду над шерстью Джеммы, пока огонь, наконец, не погас.

Джемма снова приняла человеческий облик и рухнула на дрожащие ноги, тихо постанывая. Часть ее спины покраснела от ожога, и она плакала от боли и страха.

— Принесите одежду! — крикнула Рева, когда другие оборотни изменили облик. Те, кто не тренировался, прибежали с одежаниями, оставленными оборотнями, и Рева встала на колени, чтобы помочь Джемме одеться.

В четырнадцать лет Джемма была одной из самых молодых менти из Садов. Она настаивала на том, что хочет помочь, и вопреки здравому смыслу Рева позволила. Теперь она была уверена, что совершила ошибку. Джемма была ранена, и во всем была виновата она.

На них упала тень. Лейтенант Геррас подошел ближе, предлагая Джемме руку, чтобы поднять ее.

— Ну, вот, — сказал он бодро. — Это не последняя шишка и синяк, которые вы получите на тренировке. Со временем вы научитесь принимать боль и двигаться дальше.

— Она юна, — раздраженно сказала ему Рева. — Дайте ей немного времени, чтобы собраться. Она никогда раньше не делала ничего подобного.

Лейтенант Геррас выглядел удивленным.

— Солдаты тоже рано начинают обучение. Она прекрасно оправится от этого. Не так ли? — спросил он у Джеммы. Когда она прикусила губу и отрывисто кивнула, он усмехнулся Реве. — Понимаете? Это не повод для беспокойства. У каждого солдата здесь, на стенах, множество порезов, царапин и ушибов — даже сломанные кости. Мне было двенадцать, когда я не успел вовремя поднять щит, и мальчик постарше сломал мне ключицу тренировочным мечом. Я больше никогда не забывал щит.

— Эти женщины не солдаты, — прошипела ему Рева.

Лейтенант Геррас колебался.

— Пойдемте со мной, — сказал он. Джемме он добавил. — Вы чувствуете себя лучше, да? Вы должны снова использовать силы, хотя бы на мгновение. Чем раньше вы это сделаете, тем лучше будет.

Они оставили Джемму и направились к деревянной платформе на краю тренировочной площадки, где Рева сидела с Лотти и всем руководила.

— Вы хотите, чтобы эти женщины сражались с армией Стефана, — сказал лейтенант Геррас Реве, когда они вышли из толпы менти.

— Да, но...

— Они пострадают, — прямо сказал он ей. — Некоторые из них умрут. Если вы каким-то образом убедили себя, что этого не будет, не нужно их обучать.

Она была потрясена и молчала.

Он вздохнул.

— Как оказалось, у вас есть талант к тактике, хотя, безусловно, есть практики, которые нужно применить на тренировочном поле, чтобы избежать повторения того, что только что произошло.

— Например? — Рева попыталась сосредоточиться на обучении, а не на обещании, что некоторые из этих женщин умрут. Это было слишком для нее в этот момент. В конце концов, ей придется принять это, но не сейчас. Много происходило одновременно, и она с трудом выдерживала такое давление.

Но лейтенант Геррас не позволял ей уклоняться от своих обязанностей. Он пристально

смотрел на нее.

— Леди Авалон, вы готовы обучать этих женщин как солдат?

Рева так сильно впилась в юбку, что у нее заболели кончики пальцев.

— Вы могли бы быть добрее. К Джемме. Ко всем. Обучение их как солдат не означает, что вам нужно быть жестоким.

— Это то, что, по-вашему, я делал? — его губы дернулись в удовольствии, что ничуть не успокоило ее. — Леди Авалон, она примет сильные удары в бою. Ей предстоит столкнуться с кавалерией и вооруженными пехотинцами. Крайне важно, чтобы она научилась не паниковать, когда ей причиняют боль, а единственный способ сделать это — пострадать, а затем понять, что она все еще достаточно здорова, чтобы сражаться. Если бы она была ранена, я бы посоветовал ей обратиться к одному из врачей. Но она не была.

Рева кусала губу и размышляла. Они стояли у ступеней деревянного помоста, рядом с Лотти, которая делала вид, что не подслушивает. Использование способностей явно утомило ее, потому что она была бледна и тяжело дышала, но выглядела на удивление хорошо, с розовыми щеками и блестящими глазами. Рева задавалась вопросом, поможет ли тренировка выздоровлению Лотти.

— Леди Авалон, — сказал лейтенант Геррас. — Готовы ли вы сделать это?

— Это не имеет значения, — ответила Рева. Она потерла виски. Увидев его обеспокоенное лицо, она попыталась нерешительно улыбнуться. — Атака Стефана приближается, и мы должны быть готовы. Женщины на поле решили драться. Чего я хочу, не имеет значения. Я могу вооружить их для боя или нет, но ничего из того, что я делаю, не сделает их защищенными, — она вздернула подбородок, пытаясь говорить по существу, но страх грозил подняться и задушить ее. — Я не знаю, как это сделать, — призналась она.

— Вам нужна помощь? — он кивнул в сторону тренировочного двора, где все еще слонялись женщины. Джемма по его предложению снова превратилась в волчицу и ходила рядом с Рохесой.

Смелость девушки помогла решимости Ревы. Она кивнула лейтенанту Геррасу.

— Да. Пожалуйста. Любая помощь, которую вы можете дать.

— Признаю, что попытка объяснить различные силы будет проблемой, — он улыбнулся ей и жестом велел ей подниматься по лестнице впереди него. — Мы будем учиться вместе. Но сначала несколько правил. Помните, когда вы пошли на тренировочную площадку, чтобы помочь Джемме, вы не отозвали других менти. Это означало, что некоторые из них все еще бежали, а владеющие огнем все еще бросали залпы пламени.

Лицо Ревы покраснело. Ее действия вызвали больше паники, чем помощи.

— Вы должны не забывать отдавать приказы, — сказал ей лейтенант Геррас. — Вы ничего не делаете сами. Вы руководите людьми. Как с Лотти, — он повернул голову к Лотти, которая все еще наблюдала за ними. — Я думаю, было бы полезно тренироваться с..., — он сделал паузу, пытаясь подобрать слова. — Например, когда вы тренируете владеющих огнем, пусть рядом будут стоять владеющие водой. Понимаете?

— О, — Рева кивнула.

— Для оборотней... — он покачал головой. — Я не знаю.

— Посмотрите туда, — Рева указала туда, где Джемма все еще была рядом с Рохесой. — Более опытные оборотни могут нести ответственность за других. Если что-то случится, они смогут всех успокоить и лучше контролировать их превращения.

— Хороший план, — он решительно кивнул. — И помните, что нужно действовать

очень медленно. Я знаю, как это может быть неприятно, но каждый навык либо построен на хорошей основе, либо бесполезен. Я предлагаю начать с того, что оборотни просто встанут и привыкнут к огненным шарам, летящим над головой. Они могут подождать и привыкнуть, пока маги огня проверяют их выносливость. Это то, что менти должны делать, да?

— Да, — сказала Рева, улыбаясь. — И это хорошая идея. Должна ли я объяснить им это?

— Оставайтесь на платформе, — посоветовал ей лейтенант Геррас. — Говорите громко, заставьте их приблизиться и приучите их выполнять приказы от вас. Прямо сейчас, на старте, отдайте все приказы. Только когда они привыкнут к тренировкам, вы должны дать им указание сделать что-то вроде: «Стреляйте, пока я не скажу вам остановиться», — он жестом велел ей подойти к краю платформы.

Рева кивнула. Она подошла к краю платформы и позвала менти поближе, поманив даже тех, кто ждал на краю поля. Она объяснила новое упражнение, которое они будут выполнять, и приказала магам огня выстроиться в ряд в задней части тренировочного двора, а оборотней — перед ними. Маги огня бросали свои залпы сильно и далеко каждый раз, как она отдавала приказ, и таким образом укрепляли свою выносливость, в то время как маги воды стояли наготове на случай, если что-нибудь загорится.

Лейтенант Геррас был прав насчет управления каждым залпом по отдельности. Даже после нескольких повторений Рева заметила разницу в поведении менти. Они были готовы к ее зову и уделяли каждому залпу все внимание. У них не было возможности приобрести вредные привычки или замедлиться. А еще она могла видеть, какие из них были сильными, а какие уставали. И она видела, как оборотни приспосабливаются к реву огненных шаров над головой.

Поскольку она могла наблюдать за каждым залпом огненного оружия, она могла определить, когда дать им отдохнуть. Она видела, что, хотя они устали и могли сдать сами, у них все еще была энергия для новых залпов, и она подтолкнула их к последней попытке, прежде чем объявить перерыв. Когда она повернулась к лейтенанту Геррасу, он одобительно кивнул ей.

— Я не знаю, как лучше всего использовать их все, — призналась Рева, когда маги огня расселись по краям тренировочного двора. Оборотни снова бродили в своих животных формах, оправившись от прежних усилий. — Я полагаю, что в какой-то момент маги огня смогут сравниться с лучниками по дальности, но я беспокоюсь. Я не думаю, что мы сможем обеспечить броней их всех вовремя.

— Немного легких доспехов не помешает, — задумчиво сказал Геррас. — Но у брони есть свои недостатки. Она тяжелая и не непроницаемая. Цель состоит в том, чтобы уберечь их от людей, которые могут причинить им вред, а не в том, чтобы они были в безопасности, когда их враги находятся на расстоянии удара, — он скрестил руки на груди и задумчиво посмотрел на поле. — Я бы атаковал полной кавалерией, за которой шли бы пехотинцы, а затем, когда поле будет почти очищено, ввести менти, еще свежих, чтобы склонить чашу весов. Они стояли бы за линией боя и останавливали подкрепления.

— Это может сработать, — Рева обдумала эту идею. — Возможно, менти, использующие ветер, могли бы помочь магам огня с радиусом действия.

— Я не подумал об этом, — глаза лейтенанта Герраса встретились с ее глазами, и Реве показалось, что она увидела блеск одобрения. — Так маги огня могли бы сжечь луки и стрелы врага и лишить его далеких атак. Думаю, мы должны составить список известных сил и построить нашу стратегию на его основе.

Рева уже собиралась согласиться, когда в стенах раздался крик, а с тренировочной площадки донеслись высокие панические вопли. Она резко повернула голову, и ее сердце, казалось, перевернулось.

Улези вскарабкались по стенам, прыгнули в пыль тренировочного двора. Двое солдат лежали на зубчатых стенах, их шеи были перерезаны когтями улези. Пока солдаты бежали, а женщины бросились в стороны, улези качали нечеловеческими головами, высовывали языки и чуяли запах Ревы.

Не было времени думать. Рева изменила облик, ее платье сорвалось с ее тела, она запрокинула голову и взревела в летнем воздухе. Было важно придать себе смелости, поскольку она чувствовала тот же ужас, что и в Реялоне, когда улези нашли ее в переулке.

Лейтенант Геррас звал солдат и обнажил меч. Он не знал точно, с чем столкнулся, но Рева чувствовала, что ему это и не нужно. Он делал вывод из того, что видел, и из ее ответа, что это были опасные противники.

Рева прыгнула в воздух и направила струю огня на первого из улези. К ее тревоге, он легко уклонился от залпа, перекатившись со сверхъестественной грацией и скоростью, а затем возобновил бег к ней, будто не сбивался с шага. Она отпрянула, едва уклонившись от взмаха его хлыста с железным наконечником.

По краям тренировочного двора подходили солдаты с мечами и щитами. Они кричали менти, чтобы они отошли, и атаковали улези по указанию лейтенанта Герраса, пытаясь окружить улези.

«Они опасны!» — хотела сказать Рева лейтенанту Геррасу, но в такой форме слова не работали. Она беспомощно парила над сражением, не в силах дышать огнем, чтобы не повредить собственным войскам, скованная, пока улези изо всех сил сражались с солдатами. Казалось, что каждый раз, когда она смотрела, в пыли лежал еще один солдат, хотя были они мертвы или ранены, она не могла сказать.

Она не могла этого допустить. Она спикировала и пробежала по тренировочной площадке, схватив одного из улези и подняв его в воздух. Он боролся, пока она поднималась, потому что ей удалось заставить его бросить железные инструменты. Она взлетала вверх, все дальше и дальше, а потом понеслась от тренировочной площадки и позволила ему упасть. Он перекатился и остался лежать на земле.

У нее не было времени насладиться маленькой победой. Внизу она услышала волчий вой и нечеловеческий визг улези. Со страхом в сердце Рева снова бросилась к полю боя. Обратни бросились в бой, чтобы помочь солдатам, и сражались изо всех сил.

Но они не знали приказов, которые лейтенант Геррас привык отдавать своим солдатам, и они еще не умели сражаться вместе.

Рева сделала еще рывок, но железный кнут хлестнул ее по крыльям, и она взревела от боли. Она падала, обнаженная и в человеческом облике, и с хрипом рухнула на землю. Она видела, как улези пробираются к ней сквозь солдат и оборотней, и знала, что у нее нет времени думать о боли, как и предупреждал лейтенант Геррас.

Она в спешке изменила облик и снова прыгнула в воздух, разъяренная тем, что улези навредит другим, чтобы добраться до нее. В ней не было ничего, кроме ярости. Как она могла надеяться победить улези, которые тренировались вместе и были созданы с единственной целью уничтожить ее?

Она зарычала в ярости на улези...

И была потрясена, услышав ответный рев. Она повернулась в воздухе, надежда была

острая, как и страх в ее груди, как раз вовремя, чтобы увидеть, как серебряный дракон бросается на улези с сапфировым пламенем, вырывающимся из его пасти, и два зелено-голубых дракона летят следом.

11

Карлия

Когда они услышали рев Ревы, все трое инстинктивно поняли, что это было. Они летели уже несколько недель, сначала над пустынями и равнинами Зантоса. В лунном свете пейзаж был окутан синими и белыми тонами, неподвижными и совершенно чуждыми для глаз Карлии.

Они обогнули Золотой Порт, хотя Ато был разочарован тем, что не увидел его. Но при таком количестве торговцев они не осмеливались приближаться. В те ночи они летели еще осторожнее, приземляясь задолго до рассвета и находя места, где можно было спрятаться, в стороне от дороги. Когда бы они ни приземлялись, они изо всех сил старались не потревожить растения, чтобы не оставить следов, которые улези могли бы найти.

На обратном пути их полет над морем был легче, возможно, из-за ветра, потому что они возвращались домой, или — Карлии нравилось думать — потому что они становились сильнее. Им никогда не разрешалось отходить далеко от пещер их семей, и Карлия испытывала неистовую радость от возможности летать так далеко, как только могла.

Как и в Зантосе, они летели извилистым путем, который должен был вести их по почти необитаемым землям, к северу от главных дорог вдоль эсталанского побережья. Меньше всего они ожидали услышать рев дракона, а уж тем более Ревы.

Карлия и Сэм двигались в унисон, поворачивая, глядя на горизонт, и Ато пролетел над ними.

Кто этот дракон? Она друг?

Это Рева, — сказал ему Сэм.

Я думал, она в Реялоне.

Мы тоже, — ответила Карлия. Потребовалось усилие, чтобы подобрать слова, когда ее мысли были так заняты тем, где находилась Рева. — *Я не знаю, почему она здесь.*

Ветром донесся до них запах улези, едкий и горький. Улези пахли ненавистью, и Карлия зарычала. Даже Ато почувствовал это, потому что она видела, как он сжался над ней, когда до него дошел запах. Прежде чем они успели придумать какой-либо план, он сильно взмахнул крыльями, чтобы опередить их, и устремился к земле в поисках добычи.

Ато! — крикнула Карлия. Но он улетел. Она обменялась обеспокоенным взглядом с Сэмом, хлопая крыльями так сильно, как только могли.

Замок был низким и приземистым, так что они не видели его, пока не оказались почти на нем. Ато, его крылья почти скользили по верхушкам деревьев, внезапно снова спикировал, и Карлия с Сэмом помчались за ним. Они рассказали ему все, что знали об улези, но он вел себя опрометчиво. Помнил ли он, что ему говорили о кнутах с железными шипами?

Они услышали его рев и увидели сапфировое пламя, когда ринулись, чтобы присоединиться к нему, а затем, ясно как день, появилась Рева. Она повалила одного из улези на землю челюстями и держала его, пламя Ато превратило его в угли. Его крик был вызывающим. Даже в момент смерти, в агонии, он не отпустил ненависть к драконам.

Но были и другие улези, наступавшие на Реву и Ато. Карлия пролетела вокруг их голов, описав тесный круг, и поняла, что ей некуда стрелять, не причинив вреда раненым солдатам

на земле.

Что-то изменилось. Солдаты Луки не просто защищали Реву, они помогали десяткам менти. Были волки, маги огня и воды. Карлия не могла дышать огнем сверху, не причиняя вреда другим. Она приземлилась, и ей тут же пришлось пригнуться, чтобы избежать столкновения с Сэмом, который пролетел над головой, схватил улези и швырнул его во внутреннюю стену двора.

Удар сломал бы человека, но улези были больше, чем люди. Противник Сэма подтянулся и посмотрел на Сэма с крайней ненавистью. Он зашипел и шагнул к Сэму, полный решимости убить дракона.

Карлия хотела помочь, но укус плети на ее коже отвлек ее. Ее облик замерцал, и она ненадолго упала на землю, прежде чем снова изменить облик. Когда она развернулась, она едва не ударила по нескольким раненым солдатам.

Она боялась, что у улези было явное преимущество. Они могли столкнуться со многими противниками, но они знали, как сражаться вместе, и они знали, как использовать имеющееся в их распоряжении оружие. Мало того, им было все равно, кто встанет у них на пути. Они убили бы любого, если бы это означало, что они смогут добраться до драконов. А драконам мешали их раненые союзники и тот факт, что они раньше не сражались вместе.

Когда один из улези двинулся на Карлию с кнутом наизготовку, во двор позади него выскочила фигура. На глазах у Карлии Карина превратилась в улези. Она закричала, и улези повернулся.

Это не было убедительной маскировкой для кого-то с обонянием улези, но Карлия сразу поняла, что все, что Карина хотела сделать, это на мгновение отвлечь улези. Шея Карлии устремилась вперед, и она щелкнула челюстями вокруг головы улези. Его кровь брызнула на лицо и тело Карины, и девушка снова изменила облик, потрясение прервало ее усилия. Она почти позеленела от ужаса и снова побежала к краю двора.

Карлия не могла найти время, чтобы утешить ее. Вместо этого она оценила ситуацию, чтобы понять, где она нужнее всего. Сэм боролся с одним из улези, и Рева и Ато, похоже, нашли способ работать вместе, удерживая нескольких улези в плену в углу двора, кусая и сжигая их одного за другим.

Но на противоположной стороне двора солдаты изо всех сил пытались удержать двух улези, разлученных со своими товарищами. Хотя их было всего двое, их быстрые рефлексы и острые когти означали, что солдаты не знали, как с ними сражаться, и улези в полной мере использовали свое замешательство, часто прорываясь к менти, которых солдаты пытались защитить.

Оборотни, ко мне! — Карлия не была уверена, что это сработает, но ей хотелось попробовать — и, к ее удовольствию, некоторые из них подняли головы, будто ища звук, которого не могли услышать.

Она попробовала что-то немного другое, дав им образ улези и вложив намерение убить их в разум других оборотней. Когда они начали бежать, она знала, что у нее есть союзники.

Она резко взлетела и рухнула на улези, пока они сражались. Она взмахнула крыльями, и солдаты разбежались, их быстро заменили оборотни, которые, вдохновленные Ревой и Ато, начали разрывать улези между собой. Когда последний вырвался из окровавленной пасти пантеры, Карлия направила на него струю пламени и была рада видеть, как он бесшумно падает в пыль.

Остальная часть двора тоже внезапно замолчала. Карлия быстро изменила облик и

оделась, а затем побежала на помощь Реве, которая все еще была голой. Принесли халат, и Рева натянула его. Пантера превратилась в коренастую, сильную женщину, которая подошла к Карлии.

— Я благодарю вас за вашу помощь, — ее глаза сузились, остановились сначала на Карлии, а затем на Сэме. — Я так понимаю, это вы похитили Реву?

С болью Карлия вспомнила, что Рева путешествовала с другими сбежавшими менти, когда Сэм привел ее в пещеры. Она неохотно кивнула.

— Я рада, что она нашла вас, — тихо сказала она. — Я рада объяснить, почему мы сделали то, что сделали, но, возможно, это для другого раза.

Женщина, казалось, удовлетворилась объяснением Карлии на данный момент.

— Да. Ваша помощь сегодня была очень нужна. Возможно, вы можете помочь еще немного. Есть раненые, которым нужна помощь.

Карлия не теряла времени даром и вскоре приступила к работе, помогая солдатам. Вместе она и женщина несли раненых солдат и менти в лазарет. Слишком много тел осталось в грязи тренировочного двора, и потребовалось много походов, прежде чем Карлия набралась смелости, чтобы изучить их лица: шестеро солдат и одна женщина, которой, по предположению Карлии, было не больше двадцати. Ее светлые волосы были заплетены в косу, а на лице было странно умиротворенное выражение.

Она была так поглощена ужасом, что не слышала шагов Ревы.

— Они умерли, потому что я была здесь, — тихо сказала Рева. — Я отвела их туда, где, по моему мнению, было безопаснее, но я подвергла их опасности.

Карлия печально покачала головой.

— В этом нет твоей вины. Но что случилось, Рева? Почему ты здесь?

— Я объясню, — сказала Рева. — Но в тихом месте. Идите со мной. Ты и Сэм, — она слегка повысила голос. — Карина. Нам нужно посоветоваться с Сэмом и Карлией.

Карина оторвалась от мужчины с черными волосами и лейтенантским знаком на камзоле. Он сразу ушел, направившись в лазарет, но перед уходом бросил на Карлию и Сэма долгий взгляд.

Рева провела их в комнату в главной части замка. Когда они вошли, Карлия почувствовала странную тяжесть внутри себя. Рева криво улыбнулась, заметив замешательство Карлии.

— Мой муж был менти и решил никому об этом не говорить. Везде, куда он ходил, даже здесь, где он провел так мало времени, он вешал железо. На нем была железная цепь, а на обеденном столе и стуле были железные гвозди. Всё. Работать в этой комнате ужасно. Впрочем, это все, что у нас есть.

Карлия села на один из стульев. Она чувствовала волшебную тяжесть железа на себе. Ей хотелось оказаться где-нибудь еще.

Рева воспользовалась моментом, чтобы прийти в себя, а затем прямо сказала:

— После того, как вы ушли, Лука вступил в союз с улези.

— Что? — Сэм поднялся со стула. Увидев бледное лицо Ревы, он опустил плечи, но дрожал от ярости. — Что на него нашло? Он точно знает, кто они и чего хотят. Он видел, что они сделали с этим Братом в Реялоне. Как он мог это сделать?

— Я знаю, — Рева вцепилась в подлокотники кресла.

На руках Ревы, откуда она несла раненых, засыхали пятна крови, а ее волосы и платье были запылены и помяты, но Карлия увидела в ее самообладании что-то твердое, как сталь.

— Поверьте, — продолжала Рева, — я много раз спрашивала себя, почему он пошел на такой риск. В конце концов, ответ всегда один. Он был в отчаянии, ему нужны были союзники, и хотя он принял формальные меры предосторожности, моя жизнь была ценой, которую он был готов заплатить, чтобы победить Стефана.

Карина встала и подошла к креслу Ревы. Она положила руку на плечо Ревы, и Рева сжала ее ладонь.

— Он послал тебя сюда? — спросила Карлия. — Со своими солдатами, чтобы защитить тебя?

— Нет, — Рева колебалась, поглядывая на дверь, ее глаза двигались быстро, будто она нервничала. Карина пробормотала ей что-то, чего Карлия не расслышала. Рева кивнула Карине и продолжила. — Мы с Кариной сбежали с помощью принцессы Серены, и я решила освободить менти из Садов Аниоса и привести их сюда для обучения, чтобы они могли сражаться против Стефана, если захотят. Конечно, никого не принуждают, но они здесь и в безопасности.

— Но тут солдаты, — возразила Карлия.

Рева нахмурилась.

— Мы подделали приказы, — призналась она. — Лука дал мне кольцо со своей печатью, а Серена сказала солдатам, которые первыми сопровождали нас, что они выполняли тайные приказы Луки.

Рот Карлии приоткрылся от шока. То, что говорила Рева, было изменой. Она использовала королевскую печать, чтобы приказывать его солдатам и его подданным, вопреки прямым приказам Луки.

Рева сложила руки на коленях с легкой улыбкой на губах.

— Мне нравится думать, что так поступил бы Лука, — сказала она. — Если бы ему не дали плохой совет те, кто не работает в его интересах. Я думаю, он не будет мешать. Я не приложила усилия, чтобы скрыть это. А поскольку лорд Тиниан вернулся в Зантос, он вряд ли потратит солдат на наше задержание.

— Тиниан уплыл? — Карлия нахмурилась.

— Да. Он поссорился с Лукой из-за... ну, это не имеет значения.

— А Лука вступил в союз с улези, — сказал Сэм. В его голосе звучал кипящий гнев.

— Да, — Рева посмотрела на свои сложенные руки.

— Солдаты... — Карлия покачала головой, поняв ответ на свой вопрос.

— Нет, — сказал Рева. — Они не знают.

Она медленно сглотнула, и Карина увидела тени под глазами Ревы. Ясно, что ни одно из этих решений не далось Реве легко.

Дверь распахнулась. Карлия вскочила на ноги вместе с Кариной и остальными. Лейтенант стоял там, сузив глаза и глядя на Реву и Карину.

— Ты обманула меня, — он поднял сжатый кулак, показывая сообщение в руке.

— Лейтенант Геррас, — Рева побледнела, но сохранила самообладание. — Насколько я понимаю, вы получили сообщение от принца Луки.

— Нет, — отрезал он и размахивал запиской. — Я получил срочное известие, что Стефан забрал Золотой Порт. Зная, что я запросил провизию для обучения дополнительных войск, начальники гарнизонов решили, что я должен знать, что обучение должно быть проведено со всей поспешностью.

— Золотой порт? — прошептала Рева. — Мы не... мы не видели его войск, потому что

их здесь нет.

Лейтенанта Герраса это, похоже, не заботило.

— А когда я пришел сказать вам, — резко сказал он, — что я должен был услышать, кроме того, что вы меня обманули? — его взгляд метнулся к Карине, и Карлии показалось, что она увидела боль в выражении его лица, в изгибе его бровей. — Вы обе.

— Вы не будете привлечены к ответственности, — Рева привлекла его внимание, ее голос был четким и ровным. — Я возьму на себя ответственность, когда Лука узнает, что я сделала, и его сестра тоже скажет ему, что ни один из вас не виноват. Вы и ваши солдаты будете свободны от вины.

— Я так рад, — сказал лейтенант с сарказмом в голосе. — Как приятно знать, что женщины, которые солгали нам и использовали нас в своих целях, готовы признать это, когда придет время казни.

Рева покраснела, будто он ударил ее.

— Вы думаете, что то, что я сделала, было бессовестным, — сухо сказала она. — Но спросите себя, что бы вы сделали, лейтенант. Чудовища, напавшие на нас, улези, охотятся на драконов. Однажды они уже напали на меня, и Лука решил заключить с ними союз, пока я была еще во дворце. Я сбежала ради собственной безопасности. Я вернулась, чтобы помочь менти обеспечить их безопасность.

Лейтенант открыл рот, чтобы что-то сказать, но Рева подняла руку, останавливая его.

— Вас обманули, — сказала она. — И за это я прошу прощения. Вы предложили доброту под ложным предлогом, а теперь чувствуете себя глупо.

Он замолчал, его щеки вспыхнули противным красным румянцем. Карлия заметила, что он не смотрит на Карину, и что она тоже выглядит несчастной.

— Но вы предложили нам свою помощь, — тихо сказала Рева, — потому что знали, что такое обращение с менти несправедливо. Вы понимали, что для победы над Стефаном нам понадобятся менти в нашей армии. Вы сделали это свободно, в соответствии со своей моралью.

Он поднял голову.

— Приятно, по крайней мере, знать, что я не помогал и не подстрекал к перевороту.

Глаза Ревы расширились.

— Нет! Никогда.

— Никогда? — резко спросил Сэм. — Когда король вступает в союз с улези, ты говоришь «никогда»?

Рева бросила на него взгляд, говорящий, что его слова не приветствуются.

— Я сделала это, чтобы защитить Эсталу, — сказала она ему и лейтенанту Геррасу. — Не для того, чтобы свергнуть Луку. Менти помогут его солдатам в грядущей битве.

Геррас долго смотрел в пол.

— Ты говоришь прекрасные слова, — сказал он, наконец. — Красивые слова. Но пятеро моих людей мертвы из-за монстров, о существовании которых мы не знали и не следили — а вы знали, что они преследуют вас. Мои люди заплатили цену за вашу ложь, леди Авалон.

— Что вы бы сделали? — сказала Карина. Рева ничего не могла сказать.

— Я не знаю, — он покачал головой с грустью в голосе. — Не знаю, — повторил он и ушел, хлопнув за собой тяжелой дверью.

Солдаты пришли за Тинианом, когда он читал сельскохозяйственные отчеты в своей комнате. Бог заботился о храмах и проявлениях благочестия, ненавидел любые проявления роскоши, но он не обращал ни малейшего внимания на другую сторону правления, и Тиниан начал получать извращенное удовольствие от внимания к мирским деталям, которые поддерживали бы Зантос в рабочем состоянии.

Когда прибыли солдаты, он медленно поднял взгляд от бумаг, отгоняя страх. Он не позволит им увидеть свой страх. Он с самого начала знал, что был лишь удобным пережитком. У него была информация, полезная Богу, которую он предлагал по крупицам, как можно более вводящим в заблуждение. Он сделал для Зантоса все, что мог, противостоя Богу единственным известным ему способом.

Но теперь, возможно, Бог решил, что Тиниан ему больше не нужен.

— Да? — он приподнял бровь и молился, чтобы ему удалось удержать дрожь в голосе. В конце концов, он был мужчиной и цивилизованным. Он не пошел бы на смерть, крича или умоляя. Он не стал бы позорить себя.

— Бог хочет вас видеть, — сказал один из солдат, скривив губы. Вот вам и попытки скрыть страх. Этот человек, казалось, злорадствовал.

— Ясно, — Тиниан аккуратно положил бумаги на стол и кашлянул. Он воспользовался моментом, чтобы убедиться, что стопки лежат ровно, оттягивая неизбежное. Наконец, один из солдат тяжело вздохнул.

Больше нечего было делать. У него не было ни жены, ни детей. Другой советник мог так же легко взять на себя заботу о деталях, которыми он занимался — действительно, сельскохозяйственные отчеты были работой лорда Нирро — и он обнаружил, что его не особенно заботит, куда уходит часть его богатства.

Тем не менее, было странно идти между стражами, когда они вели его мимо зала совета. Это показалось Тиниану сном. Ему казалось, что он парит.

Они спустились к входу во дворец, а затем пошли еще дальше, вниз по винтовым лестницам в подземелья. Ладони Тиниана были влажными. Он понимал желание бежать сейчас. Какое это имело значение, если он шел на смерть тихо? Лучше он устроит сцену, заставит их силой тащить его на виселицу.

Затем он услышал крики и издал жалкий стон. Звук эхом разносился по лестнице, и это было ужасно. Это не был звук животного — нет, он был хуже. Ужас и боль: вот что он услышал там внизу. Тот, кто кричал, знал, что грядущее будет таким же плохим, как и то, что уже произошло. Они знали, что их мучения не прекратятся еще долго.

Тиниан волочил ноги, изо всех сил пытаясь заставить себя двигаться вперед. Стражи, теряя терпение, схватили его под руки и потащили. Его ноги спотыкались и шаркали по каменному полу. Он так боялся.

Он прошел мимо камер, заполненных мужчинами, которых он узнал. Большинство из них были солдатами, которых он видел на тренировочном дворе во время обхода. Теперь они смотрели на него через железную решетку со страхом в глазах, но также с вызовом и гордостью. Они гордились тем, что противостоят Богу, даже несмотря на то, что крики одного из них эхом отдавались в их ушах. Тиниан заставил себя стоять на холодном каменном полу, стать немного выше.

Ужасный крик доносился из самой дальней камеры. Он высвободил руки из хватки стражей и отряхнулся, прошел последние несколько футов к этой камере. Разум возвращался сквозь туман паники. Он увидит это и не вздрогнет, сказал он себе.

Он подошел к камере, и любопытство заставило его заглянуть за решетку. То, что он увидел, заставило его содрогнуться, а желудок перевернулся, грозя вытолкнуть завтрак. В том, что осталось внутри камеры, едва можно было узнать человека. Кожа была содрана с плоти, на него смотрели два белых глазных яблока, яркость жизни угасала в них. Человек был жив, но едва. Когда Тиниан подошел, мужчина вздернул подбородок и всхлипнул. Узнал ли его этот человек?

Бог наблюдал, сцепив руки за спиной, как человек, прогуливающийся по саду. Миккел, как всегда, стоял рядом с ним. Оба лениво глядели на Тиниана, когда он появился в дверях камеры.

— Вы хотели меня видеть, владыка? — Тиниан заставил себя говорить ровно.

Бог рассмеялся.

— Видишь? — сказал он Миккелу. — Все так, как я сказал. Они не кусаются, эти зантиицы. Он видит, как с его солдата сдирают кожу заживо, и остается вежливым.

Знакомая волна ненависти захлестнула Тиниана. Если бы только он ненавидел одного Бога, но нет. Точно так же он ненавидел себя. Это было почти больше, чем он мог вынести, улыбаясь, когда Лорд уничтожал Зантос по частям.

— Вы не видели, как они кусают, — с ненавистью пробормотал Миккел. — Но это есть. Разве план этого не показывает? Вы недостаточно серьезно относитесь к этому.

— Хватит, — сказал Бог тоном, не терпящим возражений. — Солдат здесь. Он расколется и заговорит, — Тиниану он сказал. — Этот солдат — предатель. Он замышляет против меня заговор с тех пор, как я ступил в Зантос. Я привел сюда всех его однополчан, и мы сказали ему, что, если он не заговорит, все они пострадают, — Бог подошел ближе к освежеванному человеку и наклонился к нему. — И он все еще непокорный.

Он звучал почти с уважением, но потом издал низкий саркастический смешок, от которого волосы на затылке Тиниана встали дыбом.

Тиниан сцепил руки за спиной, имитируя позу Бога. Он ждал, и когда Бог больше ничего не сказал, он просто сказал:

— Как Вы хотите, чтобы я помог, владыка? — ему ничего не хотелось, кроме как убежать, вдохнуть свежий воздух, в котором не было запаха горелой плоти. Но он знал, что не покинет это место, по крайней мере, пока. Может, никогда.

— Я хотел бы, чтобы ты убедил его заговорить, — Бог с отвращением отвернулся от солдата. — Просто нужно найти правильный рычаг, и любой человек сломается. Было бы целесообразнее — лучше, Тиниан, — если бы ты помог нам определить, что это может быть. Было бы потеряно гораздо меньше жизней.

Его тон был нежным, но Тиниан уловил в нем насмешку. Бог каким-то образом знал, что почтительность Тиниана не была вызвана истинной преданностью. Как бы хорошо Тиниан ни скрывал свою ненависть, Бог видел ее. Казалось, его одновременно забавляло то, что Тиниан был так сломлен, и в то же время это его злило.

Тиниан не мог понять, почему так должно быть. Когда он впервые встретил Стефана, он увидел человека, одержимого властью. Этому молодому человеку было мало дела до того, что о нем думают, — более того, он наслаждался бы послушной ненавистью как признаком своей силы.

Но Бог, казалось, смотрел на ненависть Тиниан с долей отцовской снисходительности... и видел в ней полнейшее предательство.

Тиниан на мгновение встретился взглядом с Богом, прежде чем пригнуться, чтобы

изучить лицо солдата. Мужчина умоляюще смотрел в ответ. Он еще не предал восстание, но знал, что Бог будет продолжать издевательства, пока он не будет сломлен.

— Это был... только я, — его глаза встретились с глазами Тиниана. — Скажи ему, чтобы он поверил мне. Я хотел убить его. Никто из остальных не знал, — его голос сорвался от криков. — Им не нужно страдать.

— Он лжет, — с ненавистью сказал Бог. — Я чувствую это. Это не было заговором с целью моего убийства, как он утверждает. Он пытался создать сеть шпионов и солдат, чтобы свергнуть меня, возможно, с помощью принца Луки.

— Лука не принц, — прохрипел Миккел. — Он — менти. Он был отвергнут вашим отцом.

Лорд открыл рот, словно возражая, затем небрежно приподнял плечо.

— То, что сделал Давэд, не имеет большого значения. Все знают, что я законный правитель, называет себя Лука принцем или нет. Он мог бы называть себя великим императором, и это не имело бы значения, — обращаясь к Тиниану, он резко добавил. — Заставь его говорить.

Тиниан вздрогнул.

— Владыка, может, он сказал правду.

— Он врет, — Бог наклонился, чтобы прошептать Тиниану в лицо. — Ты тоже в заговоре, Тиниан?

— Нет, владыка, — от ужаса у него кружилась голова. Насколько легко было бы Богу указать на какое-либо устройство советников и сказать, что они замыслили против него заговор? Никто бы не сомневался.

Тиниан почувствовал безнадежность происходящего и на мгновение опустил голову. Когда он поднял взгляд, в его глазах была мольба.

— Ты должен сказать правду, — сказал он солдату. — Ты замыслил против короны. Ты понимаешь серьезность этого?

От лица мужчины почти ничего не осталось, но Тиниан видел отвращение в его глазах.

— Мы — зантийцы, — выплюнул он. — Короны нет.

— Теперь есть, — Тиниан ненавидел каждое слово, сказанное им храбрецу. — Он правит здесь. Ты должен сказать ему правду. Только тогда ты можешь надеяться на прощение. Искупить вину.

— Мне не за что искупать! Я не сделал ничего плохого, — теперь мужчину трясло. — Он — мерзость. Почему ты помогаешь ему? Будь у тебя хоть капля приличия, ты бы помог мне! Вместо этого ты смотришь мне в глаза и говоришь мне предать их всех. Интересно, сможешь ли ты вынести свое эгоистичное лицо в зеркале. Ты можешь откусить без его разрешения? Можешь пописать, не посылая письма с любезной просьбой о разрешении? — слова были пропитаны ядом. — Ты — ничто. Ты никогда не служил нам. Если бы это было так, ты был бы здесь вместо меня. Ты здесь только для того, чтобы спасти свою шкуру и сохранить свои шелка, — он начал дико смеяться. — В конце концов, он придет за тобой. Ты увидишь.

Тиниан встал. Слова скользнули под его кожу, укололи каждую йоту гордости, которую он еще не приглушил. Он обнаружил, что хотел сжать руками шею мужчины и встряхнуть его. Но он не винил мужчину за его слова. Печаль распространилась по нему, холодная и одинокая, как страх.

— У него есть семья, — сказал он. Слова прозвучали некрасиво. — Дочь и жена. Они

живут на улице Листьев, недалеко от порта.

— Нет! — солдат нащупал штаны Тиниана, его окровавленные руки оставили следы на ткани. — Сжался! Они ничего об этом не знали! Ничего! Они невиновны, клянусь!

Тиниан отступил, на его лице появилось отвращение. Он вырвал ткань из рук мужчины и уставился на Бога. Что-то в нем сломалось, когда он увидел торжество, сверкающее за маской, но он не мог вернуться сейчас. Он лишь мрачно кивнул.

— Спасибо, — голос Бога был подобен шелку.

— Позвольте мне поговорить с солдатами, — предложил Тиниан. — Могут быть и другие.

Лорд обменялся взглядом с Миккелом, затем пожал плечами.

— Если хочешь.

Тиниан вышел в коридор между рядами камер.

— У Зантоса не было короля на протяжении многих поколений, — сказал он заключенным. — Возможно, вы думаете, что мир должен быть таким, что все зантійцы должны бороться против короны. Вы думаете, что любой зантїец должен хотеть шелка и золото, поэтому вам не нравятся изменения, которые вы видите. Да? Да, я вижу это в ваших глазах. Может, поэтому, когда вы слышите шепот о мятеже, вы закрываете рот и не рассказываете мне все, как следует. Вы говорите себе, что Бог, который пришел дать нам прощение в этой жизни, не должен лишать кого-либо роскоши, поэтому он должен вынести этот бунт, чтобы получить урок. Да, я вижу, что и в этом я был прав. Вы не вредите Богу. Вы причиняете боль народу Зантоса, который разрывается между прощением Бога и старыми обычаями. Вы не поддерживаете Бога, поэтому граждане в замешательстве. Они не знают, за кем следовать.

Солдаты молчали. Их угрюмые лица, полные ненависти, смотрели на него сквозь решетку. Многие смотрели на камни под ногами. Тиниан гадал, знали ли они, как горько звучали слова на его губах. Он бросил осторожный взгляд в сторону Бога и сразу понял по блеску в его глазах, что Бог знал, как Тиниан ненавидит говорить это.

— Откройте свои сердца, — сказал Тиниан, поворачиваясь к солдатам. Его голос сорвался, но он заставил себя говорить. — Позвольте себе быть прощенным. Изучайте новые способы. Владыка милостив. Он позволит вам учиться. Искупить, исцелиться.

Лишь молчание ответило ему.

— Начните с того, что скажете правду Владыке Света, — сказал Тиниан. Он хотел вонзить кинжал себе в сердце, чем говорить эти слова, но как-то продолжил. — Возможно, вы знаете и других, кто присоединился к этому мятежу. Назовите нам их имена. Начните еще раз завоевывать доверие Бога и свое место на Его небесах.

Он остановился и стал ждать. И снова его встретила тишина, на этот раз такая долгая, что он подумал, что потерпел неудачу. Что тогда с ним будет?

Затем один из мужчин шагнул вперед и прижал своего товарища к решетке.

— Он был частью этого, — грубо сказал он.

Другие начали спорить, лоя солдат, спрятавшихся в дальней части камеры, и толкая их вперед. Некоторые стояли в стороне, отвернув лица, но некоторые следовали указаниям Тиниана.

— Необычайно, — пробормотал Бог. — Тиниан, ты будешь моей правой рукой, если продолжишь этот путь, — у Тиниана возникло ощущение, что он подкалывал Миккела, не более того. Слова были пусты. — Ты можешь идти.

— Еще одно, владыка, если можно, — Тиниан расправил плечи. — Пожалуйста, умоляю вас, позвольте им начать искупление. Эти люди совершали ошибки, но у них есть семьи, которая переживают за них.

Бог улыбнулся.

— Они уже сделали свой первый шаг, да? Теперь я чувствую их любовь. Ты молодец, Тиниан. Теперь иди, — своим стражам он добавил. — И найдите семью на улице Листьев. Сейчас.

Освежеванный человек кричал от страха, когда Тиниан уходил.

Он прошел по лестнице наружу, минуя по две ступеньки за раз, и его стошнило на мозаичный пол. Люди Бога захихикали друг над другом и оставили его там, занятые своей миссией.

Тиниан долго стоял, глубоко дыша. Он сделал то, что должен был сделать, сказал он себе. Это было все.

Когда он, наконец, смог идти, он, шатаясь, пробрался в сады и пошел по тропинке, пока солдаты дремали на постах. В самом конце, у входа в город, он сел и смотрел, как патрулируют солдаты.

Затем он взял небольшой камень с одной из стен и достал клочок бумаги и палку древесного угля.

«Он считает, что искоренил восстание. Вскоре первые из его последователей среди солдат начнут завоевывать его доверие».

Он обернул бумагу вокруг камня и сбросил его с уступа, потом все поставил на место и проверил, чтобы никто не смотрел. Никто из солдат в саду ничего не заметил.

Освежеванный человек, его семья, несколько мятежников, принесенных в жертву в знак утоления гнева Бога, — они знали, какой может быть цена. Они согласились. С трудом завоеванные последователи, по несколько за раз, дадут ему то, что он хочет, а солдаты, теперь часть его личных стражей, станут новыми источниками информации для восстания.

Тиниан стиснул зубы. Все они должны играть свои роли, иначе все жертвы будут напрасными.

13

Лука

Пот струился по лбу Луки. В горле пересохло. Ему хотелось глотнуть воды, но в его покоех было только вино. Вино, корона, роскошная трапеза со специями и деликатесами. Он хотел хлеба и сыра или мяса, приготовленного на костре. Он бы даже съел простую пищу из риса и фиников. Мысль об обедах в лагере менти, по крайней мере, заставила его улыбнуться. Затем сила в его ладонях угасла. Прошло много времени, прежде чем он смог разглядеть дневной свет, выглядывающий из-за тяжелой занавеси.

— Еще раз, мой король, — голос Йозефа был, как всегда, медово-сладким.

Сегодня эта сладость не нравилась Луке. Он провел рукой по вспотевшему лбу.

— Я устал.

— Человек устал, — сказал Йозеф. — Король, спаситель Эсталы, упорствует.

— Просто отдых, — взмолился Лука. Пот капал ему в глаза, обжигая их, заставляя его моргать. — Где ткань? — он провел рукавом по лицу.

— Мой король, это прекрасный шелк.

— Я знаю, — отрезал Лука. — Если бы я носил хорошую, удобную одежду, это не было бы проблемой.

— Король не...

— Я не король! — взревел Лука.

Йозеф замолк, Лука прошел через комнату, чтобы раздвинуть шторы. Дневной свет, холодный и яркий, заставил его вздрогнуть после долгого пребывания во тьме с огнем, который был его единственным спутником. Кроме Йозефа. Лука никогда не был одинок, потому что Йозеф всегда был у его ног, как надоедливая твякающая собака.

Он потер виски, пытаясь унять пульсацию в голове. Прошлой ночью он снова выпил слишком много вина, а сегодня ковырялся в еде, жаждал чего-нибудь попроще. Йозеф наполнял его бокал с вином, когда говорил о великой судьбе Луки и о том, как другие не ценят его, как нельзя доверять Тане...

Лука медленно повернулся, чтобы посмотреть на человека, который никогда не отходил от него.

— Что ты сказал мне прошлой ночью? — спросил Лука.

Настороженность пробежала по лицу Йозефа, как тень, преследуемая солнечным светом. Его привычная улыбка вернулась спустя мгновение.

— Мы говорили о многом прошлой ночью, мой король — принц Лука, приношу свои извинения. Вы говорили мне о необходимости большей силы. После того, как вы заснули, я пошел в свои покои и провел ночь, придумывая новые руны, чтобы вы могли их попробовать сегодня, — его пальцы, сверкающие кольцами, указали на круг рун на полу.

Лука долго молчал. Он подошел к кругу на полу и уставился на него, затем присел на корточки, морщась. Его мышцы болели. Они были не такими сильными, как когда он тренировался в тени горы Зин.

Конечно, это не будет битва, которую можно выиграть с помощью меча, но теперь он понял, что чувствовал себя там более достойным, более способным, чем когда-либо здесь. Там он видел потребность в том, кем он должен быть, и он стал этим.

Сейчас....

Лука повернулся к Йозефу и разглядывал его: кольца на пальцах, маслянистую улыбку на лице. Что пришло на ум, так это визит отца к его постели.

День был прекрасным. Ветер дул в окна, которые Серена открыла, когда приходила сюда ранее днем. Лука вспомнил, что она говорила с ним ласково, взбивая подушки и приподнимая его так, чтобы он мог видеть, как солнечные лучи танцуют на поверхности моря. Она пыталась запихать в него немного овсянки. Затем, как всегда пораженная его тихой безнадежностью, она пригладила его волосы, поцеловала в лоб и ушла.

Давэд был не из тех, кто легко сидел на месте. Ему удавалось делать это на заседаниях совета и на аудиенциях, но за закрытыми дверями он бродил бесконечно. В то утро он ходил взад-вперед перед открытыми окнами, и Лука понял, что его отец наблюдал за кем-то в саду.

Что побудило его вытащить свое худое тело из постели, он не знал, но, несмотря на теплый воздух, он завернулся в одеяло и подошел к отцу. Несколько хорошо одетых мужчин, украшенных драгоценностями и шелками, которых Лука никогда не видел, прогуливались в садах внизу.

— Кто они? — спросил он отца.

Лицо Давэда было каменным.

— Лорды, которые пришли ко двору, чтобы найти свое состояние.

Лука заметил, как мужчины держались, жестко и неправильно, как марионетки.

— Они ищут у меня аудиенции, — сказал его отец.

— Значит, ты должен их увидеть? — Лука был в замешательстве. Его отец всегда осознавал свой долг и часто говорил Луке, что здоровье нации можно измерить удовлетворенностью ее земель. — Возможно, у них есть опасения.

— Их беспокоит только то, — резко сказал Давэд, — что у них нет доступа к моему уху. Лука хотел угодить королю, но не знал, что происходит и что хочет сказать его отец.

— Посмотри на них внимательно, — сказал Давэд. Он не успокоил Луку; это был не его путь. — Посмотри, как они смотрят, как ищут секреты, как всегда улыбаются. Ни один мужчина не улыбается всегда.

Лука изучал мужчин.

— Что ты в них замечаешь? — спросил Давэд.

— Они носят слишком много драгоценностей, — быстро сказал Лука.

Давэд резко рассмеялся, но похлопал Луку по худому плечу.

— Да. Эти люди, если их можно так назвать, погрязли в жадности. Они всегда хотят одного: большего. Они никогда не довольствуются тем, что имеют. Они хотят больше власти, больше богатства. Они пришли сюда, чтобы заслужить мою благосклонность.

— Как? — спросил Лука, широко раскрыв глаза.

— Рассказывая мне все, что заставит меня думать, что они мне нужны.

Лука оперся руками о подоконник и наклонился.

— Каждый год их новый урожай, — утомленно сказал Давэд. — И все больше и больше приходит ко двору все время. Иногда они простолюдины, иногда дворяне. Иногда таким человеком становится надежный друг, — там была старая печаль. — У короля всегда такие люди ломаются в дверь, как и у принца, Лука. Запомни это.

Лука кивнул, и отец еще раз сжал его плечо и ушел.

Лука любил моменты, когда отец приходил учить его. Эти моменты заставляли его думать, что Давэд, по крайней мере, верил, что он может выжить.

Теперь он вспомнил оценку своего отца.

— Ты не просто сказал мне то, что я хотел услышать, — сказал он Йозефу. Он посмотрел на кольца у своих ног. — Ты сказал мне, что ты единственный, кто может научить меня, так что ты мне понадобишься.

Когда Лука, наконец, оторвал взгляд от рун и встал перед своим наставником, он увидел, как страх пробежал по лицу Йозефа.

— Мой принц, только у вас есть сила победить Стефана. Я всего лишь проводник. Я знаю это.

— Нет, — Лука скривил губы. — Если бы ты хотел, чтобы я победил Стефана, если бы тебя это вообще заботило, ты бы настоял на том, чтобы я тренировался, как могу, с кем бы я ни был. Но тебе было все равно. Ты желал моей благосклонности больше, чем хотел служить. Эти руны, вкусная еда, вино. Ты пытался заставить меня думать, что я был благословлен выше всех друзей, которые у меня были, поэтому я прогнал их. Ты знал, что я боялся, что другие будут искать трон, и ты разжег эти страхи. Ты хотел, чтобы я положился на тебя и изолировал себя от других моих советников.

Йозеф начал пятиться.

— Мой король, если я оскорбил вас, пожалуйста, убейте меня. Я предпочел бы быть стертым с земли, чем...

— О, перестань, — это был голос отца, сорвавшийся с его губ, утомленный и резкий. — Я не собираюсь тебя убивать.

Йозеф осторожно остановился.

— Стража, — сказал Лука, повысив голос. Он не знал, откуда взялось это внезапное, странное спокойствие, но после недель страха и паранойи в этой комнате с рунами и уверенностью, что только Йозеф может ему помочь, Йозеф и его бесконечные тренировки...

Стражи вошли в комнату, и Йозеф попытался убежать. Он, должно быть, знал, что за этим последует, за хитрость, которая привела к поиску одобрения Луки любой ценой.

— Отведите его в подземелья, — сказал Лука.

— Что? — Йозеф боролся, в его глазах была паника. — Вы сказали, что не убьете меня!

— И я не буду, — ровно сказал Лука. — Но ты много знаешь об этом дворце и его работе, не говоря уже о наших планах против Стефана. Если я отпущу тебя, ты будешь искать его только для того, чтобы получить его благосклонность. Пока конфликт не закончится, ты будешь в тюрьме.

Он кивнул стражам, чтобы они утащили Йозефа. Он заметил по пыли, с которым они выполняли свои приказы, что они не были против этого. Все остальные заметили, что Йозеф был обманщиком? Неужели он узнал об этом последним?

Он грустно покачал головой и уже отворачивался от бывшего наставника, когда ему пришла в голову мысль.

— О, и еще кое-что, — сказал Лука.

— Да, ваше высочество? — спросил один из охранников.

— Принесите воды, — ответил Лука. — Кувшин воды, немного фруктов, немного хлеба.

Поскольку больше никаких уроков от Йозефа ему не предстояло, он чувствовал, что был полон возможностей. Он решил, что прервет свой пост хорошей, простой едой и искупается, а затем пойдет тренироваться с людьми, которые знали, как творить магию.

Ободренный, он пошел к своему платяному шкафу и выбрал простую тунику и брюки. С каждым действием он чувствовал, что выходит из тумана страха, окутывавшего его разум в течение нескольких недель. Он насвистывал себе под нос, подходя к окну и ожидая еды. Это была мелодия, которую Серена пела ему, и впервые за несколько недель он улыбался.

14

Серена

Серена прошла через ворота крепости Несры, ее плащ развевался на ветру. Сегодня было уже жарко, поэтому она развязала плащ и накинула его на руку со вздохом облегчения, как только захлопнулись тяжелые двери.

Всю жизнь ей твердили, что принцесса должна быть прилично одета на публике, то есть скромно. Когда она выходила из дома, ее волосы часто были покрыты сеткой, и всегда с плащом на плечах, несмотря на жару.

К ее удивлению, все солдаты, казалось, перешептывались между собой, и прежде чем она успела даже спросить Говарда, что происходит, к ней подбежал паж.

— Ваше высочество, — он поклонился. — Король — я имею в виду принца Луку — хочет вас видеть.

Серена, нахмурившись, пошла за пажом, почувствовав новую атмосферу в Замке. Паники не было, что было хорошим признаком, и никто, казалось, не косился на нее украдкой. Что бы ни случилось, это было важно, но не опасно. Она просто не могла подумать, что это может быть.

Она глубоко вдохнула и сказала себе, что вздрагивала от теней. Лука не был Стефаном. В начале своего правления он был завален своими обязанностями, но с каждым днем

становился все более устойчивым и уверенным в себе, уже не подозревая всех вокруг в заговоре с целью занять его трон.

В покоях Луки она нашла его смотрящим в окна на сады. Он оглянулся на нее, но ничего не сказал, поэтому она подошла к нему. К ее удивлению, на каменных дорожках были следы ожогов, и казалось, что кто-то вылил гигантские ведра воды не только на дорожки, но и на многие растения.

— Что случилось? — спросила она его в ужасе.

— Мы с Таней сражались. Бились, — поспешно пояснил он, когда она выглядела встревоженной. — Может, подрались. Я не знаю.

— Лука? — она в замешательстве покачала головой. — Я не понимаю. Скажи мне, что ты в порядке.

— Вполне. Но я был дураком, Серена, — печально сказал он ей. — С тех пор, как я прибыл сюда, я был в противоречии с самим собой. Ты знаешь, почему я так долго был заперт здесь с Йозефом?

— Н-нет, — Серена проверила комнату, внезапно ожидая увидеть этого мага, Йозефа, притаившегося в углу. Ей не нравился этот мужчина, но она никогда не говорила об этом Луке. Из опыта она знала, что, когда лидер считает, что он зависит от кого-то или чего-то, его нельзя отговорить от этого убеждения словами.

Ее брат наблюдал за ней, все еще слегка улыбаясь. В руке у него был кубок с вином, но он был полным. Он не сделал ни глотка.

— Его здесь нет, — сказал ей Лука. — Я уволил его. Его держат под домашним арестом, не в застенках, но и без выхода. Он слишком много знает. Не думаю, что он менти, но на всякий случай в комнате полно железа.

— Что он делал? — Серена пыталась говорить нейтрально. То, что Лука запер Йозефа, могло быть как хорошим знаком, так и плохим. Беспокойство затрепетало в ее груди, и она снова твердо сказала себе, что Лука — не Стефан.

— Ничего нового, если ты об этом думаешь. Он не мог меня научить, ничему, чему не мог бы научить другой менти. Он был совсем не тем, за кого себя выдавал, — руки Луки сжали кубок. — Я так хотел поверить, Серена. Он пообещал сделать меня равным Стефану, чтобы я мог сражаться с ним один. Я подумал: «Что может быть благороднее, чем самому сражаться на войне? Ни один солдат не погибнет. Мой народ не пострадает».

— Это было королевское стремление, — ответила Серена, и в глубине души она знала, что Лука действовал из лучших побуждений.

— Это было не так, — сказал Лука. — Я должен был знать лучше, и я мог лишиться нас всего. Сколько недель прошло, когда мы могли бы использовать наши силы?

Серена положила руку ему на плечо.

— Ты видел отчеты. Зантийцы не любят Стефана. Во всяком случае, несколько недель под его правлением заставили их жаждать спасителя.

Лука одарил ее горькой улыбкой.

— Отец был бы рад оказаться сейчас на моем месте, ворвавшись в Зантос в качестве спасителя и требуя вознаграждения. Ему нравилось побеждать. Ему нравилось пользоваться преимуществом и принимать трудные решения. Он говорил себе, что такова природа королевской власти. Но, по правде говоря, не было принципа, от которого он бы не отвернулся.

Серена была потрясена.

— Лука, ты же знаешь, что он был куда больше.

— Может быть, — он уставился на свое вино. — Он продал Реву, Серена. Он сделал бы то же самое с тобой или Каролиной в мгновение ока. Я думаю, ему нравились те моменты, когда он мог показать, насколько он прагматичен, насколько он был готов сделать выбор, который никто другой не хотел делать. Он оставил менти в живых, сказав, что они уничтожены. Их пытали, с ними обращались как с животными.

Серена сжала пальцы на подоконнике.

— Он так и не признал тебя, — сказал Лука. — Ты была бы лучшей наследницей, чем Стефан, не хуже Матиаса в управлении государством, и я думаю, Матиас даже предпочел бы, чтобы ты была его королевой, а он — твоим генералом. У него не было любви к войне, но и к интригам он был не склонен.

— Лука, ты...

— Я должен сказать это, — он перебил ее. — Серена, когда я занял трон, я думал, что должен быть либо таким же, как отец, либо его противоположностью. Потом был Тиниан, всегда на слуху, веривший, что кто-то из нас должен победить. Я не хотел, чтобы кто-то еще сражался за королевство. Я не хотел никого посылать на смерть. Я видел двор, как все борются за власть. Я боялся тебя и твоего влияния. Я думал, что брат Аксил хотел быть силой, стоящей за тронном. Я был настолько поглощен страхами, что стал как отец. Я заключил менти в тюрьму, потому что сказал себе, что другого выхода нет. Я сдерживался, боясь принимать решения, которые мне нужно было принять в отношении Стефана, — он колебался. — И я слушал каждую корыстную ложь, которую говорил мне Йозеф. Я позволил себе стать параноиком, вступил в союз с монстрами. Тебе Рева сказала?

Серена колебалась.

— Нет нужды предавать ее доверие, — сказал Лука. — Я вижу, что она это сделала. Как ты вообще могла смотреть мне в глаза после этого?

— Всю свою жизнь я хотела показать отцу, что могу быть не хуже Матиаса, — ответила Серена. — Он никогда не слушал меня — отец, я имею в виду. Возможно, если бы Матиас не родился... но думать об этом бесполезно. Возможно, он не признал бы меня даже тогда. Я старался знать все, и у меня хорошо получалось заключать союзы, учиться использовать информацию. Но когда лорды пришли ко мне во время правления Стефана, умоляя меня спасти их, я не могла этого сделать. Ты прошел с ними, с мечом в руке, по улицам, когда я застыла от страха.

— Ты каждый день выходишь на улицу.

— В больницы. На помощь больным. Я могу поговорить с советником Зантоса и устроить свадьбу. Я могу очаровать лорда. Я могу найти решение конкретной проблемы. Но я не хочу носить корону. Решения, которых ты пытался избежать? Я тоже их боюсь.

Это правда, поняла она. С чувством, которое было одновременно величайшим облегчением и величайшей грустью, она увидела, что ее мечта стать королевой, стать наследницей своего отца не принесла бы ей радости. Больше всего она была счастлива, когда работала с Рафаэлем над остановкой чумы и когда давала советы Матиасу, а он претворял их в жизнь. Ей нравилось исследовать для него проблемы. Она была бы сильным голосом в его совете.

Но она никогда по-настоящему не хотела править. Лишь слепая вера отца в то, что ей нечего предложить, кроме возможности выйти замуж, приводила ее в ярость.

— Тогда у меня для тебя плохие новости, — Лука казался почти веселым.

Она прищурилась от его внезапного веселья, как только сестра могла смотреть на брата.

— Тебе придется какое-то время быть регентом, — объяснил он.

— О, — она выдохнула и толкнула его локтем в бок. — Не пугайте меня так. Я думала, что с тобой что-то не так!

— Прости, — он уклонился от еще одного локтя. — Ты будешь хорошим регентом. Ты знаешь это.

Она вовсе не была в этом уверена. С другой стороны...

— Лучше быть регентом, чем солдатом, конечно.

— Хм. Не для Золотого Порта, — он вздохнул. — Серена, нам нужны менти. Джеральдс может командовать ими, и он готов это сделать. Таня знает Золотой Порт. Она может помочь им взять город с минимальным кровопролитием. Мы можем легко добраться до дворца. Проблема в Стефане. Я — маг огня, и я могу причинить ему боль, но я не могу сражаться с ним в одиночку. Нам нужны драконы, Серена. Нам нужна Рева.

Серена вздохнула и посмотрела в окно на сад внизу. Она знала, что он мог видеть правду на ее лице — по крайней мере, часть правды. Он, должно быть, догадался, что Серена помогла Реве сбежать.

Она разработала свой план, чтобы не разглашать местонахождение Ревы, но этот план был разрушен два дня назад, когда прилетела птица-посланник. Теперь она знала, и ей нужно было решить, что ему сказать.

Лука ничего не сказал, когда она отошла от окна. Он подождал, пока она обхватит себя руками и обдумает вопрос.

— Позволь мне показать тебе кое-что, — наконец, сказал он ей. Он оставил свое вино на подоконнике и поманил ее к столу, где была придавлена и покрыта маркерами карта Золотого Порта. — Я проработал это со шпионом Тиниана, Джеральдо, и лордом Рокканом прежде чем вызвал тебя.

— Что это за маркер? — Серена взяла осколок мутного стекла.

— Ах, — Лука улыбнулся. — Маг воды может вызвать туман, такой же, который позволил шпиону подплыть так близко к лодкам Тиниана, не видя их флагов. Это был просто шанс, но мы можем призвать его по желанию, и я намерен заставить нас это сделать. Мы договорились использовать несколько рыбацких лодок, которые доставят менти на позиции под покровом темноты и тумана. Солдаты последуют за ними, тоже скрытые. Менти воды у нас не так много, как хотелось бы, но мы справимся.

— А ты? — Серена искала золотую корону, но ее не было на карте.

Лука вздохнул.

— У нас было несколько забот: во-первых, убедиться, что солдаты Стефана учтены. Они фанатики, и они уже провели несколько казней. Мы должны иметь наших солдат на месте, чтобы предотвратить это в Золотом Порту. Во-вторых, мы знаем, что Стефан должен быть убит. Это означает, что менти должны достичь дворца в достаточном количестве, чтобы причинить ему вред, но его силы могут дать ему легко сбежать. В-третьих, и это связано — я хочу спасти Альберто, — он посмотрел на карту и сжал кулаки. — Лорд Роккан думает, что у него есть способ, и шпион думает, что это можно сделать, но с фанатиками и Стефаном это будет слишком. Если только у нас нет дракона.

Серена опустила лоб на руку. Что делать? Что признать?

— Я не прошу тебя говорить мне, где она, — сказал Лука и встретился с удивленным взглядом Серены. — Ей больше не придется меня видеть. Но она нужна нам, и, думаю, она

заслуживает это знать. Ты не хуже меня знаешь, что Рева упорно боролась за Эсталу. Она не хотела бы отсутствовать в этой битве. Я дам тебе планы, чтобы передать ей, — его голос сорвался, и ему пришлось кашлянуть. — Я надеюсь, что ты будешь регентом еще какое-то время после моего возвращения, Серена, потому что я должен сражаться с улези. Я убью каждого из них голыми руками, если придется, чтобы избавить ее от опасности, которой я подверг ее.

Серена хотела верить ему. Она дрожала от того, как сильно ей хотелось верить.

— Почему? — спросила она. — Что изменилось, Лука? Ты делал заявления раньше. Почему... — *Почему я должна доверять тебе сейчас?*

Он не обиделся. Это был первый признак того, что что-то действительно изменилось. Он медленно подошел к своему стулу и сел, не сводя с нее глаз, тонкий золотой обруч на его голове был теперь величавым, как трон.

— Я решил, каким королем хочу быть, — сказал он ей. — Как бы недолго я ни носил корону. Ты будешь регентом, если я паду, королевой, если хочешь, или управляющей Альберто или Каролины, если нет. Но пока я жив, я обещаю тебе следующее: я позволю тем, кто желает служить Эстале, делать это. Я использую их таланты, чтобы сражаться с нашими врагами и сделать нас сильнее. Я прислушаюсь к словам моих советников, но не позволю им принимать решения за меня. Я не буду думать, что трудное решение — лучшее. Пока я правлю, никто не будет рабом, Серена. Ни в кандалах, ни в браке, ни проданный на службу в монашеские ордена, ни призванный для службы в моих армиях.

Он вздохнул, затем продолжил.

— Отец уже приказал бы армиям двигаться. У него были бы вооруженные мальчишки из Реялона на кораблях. У менти не было бы выбора, сражаться или нет. Но я не отец. И не Матиас. Я не был рожден, чтобы возглавить атаку. Но я умею слушать, могу справедливо судить и могу привести их к победе. Если Стефан все еще будет жив в конце битвы, я сам убью его во имя справедливости. Все это я тебе обещаю.

В ее глазах стояли слезы, когда Серена сжала его руки. У нее не было слов, чтобы ответить, только облегчение, такое большое, что она думала, что может утонуть в нем. Она начала становиться на колени и рассмеялась, когда он покачал головой.

— Я могу привыкнуть к людям, стоящим передо мной на коленях, но не сегодня и не к моей родной сестре, — он с улыбкой покачал головой, потом посерьезнел и вытащил письмо. — Оправь это Реве, Серена. Пожалуйста.

Серена покачала головой. Она знала, что должна делать.

— Нет. Я напишу письмо. И ты его доставишь.

15

Рева

Тренировки Ато были зрелищем для жителей замка Далур. Каждый день в полдень, когда солнце могло выжечь даже самых сильных воинов, всем остальным полагалось находиться в помещении, пока Рева, Сэм и Карлия обучали Ато дыханию огня и бою.

Но люди столпились вокруг, чтобы посмотреть. Драконы были из легенд, и даже если менти и солдаты не были поражены видом драконов, они смотрели с надеждой. Теперь у Эсталы было четыре дракона, чтобы спасти их от армии Стефана. И у менти, и у солдат была причина этому радоваться.

Сегодня, как и каждый день, двор был расчищен, но из дверей раздавался шепот, и время от времени появлялась и торопливо пропадала голова. На расчищенном пространстве

Ато и Карлия осторожно кружили, а Рева и Сэм сидели на зубчатых стенах и наблюдали за происходящим.

Рева подвинулась. Ее форма дракона казалась ей настолько естественной, что было легко забыть о силе, которую она могла призвать. Буквально на прошлой неделе она разбила один из камней, и Ато своим хвостом снес башню. Учитывая, что Ато был новичком и нуждался в обучении, никто его не ругал.

Конечно, лейтенант Геррас ничего не сказал. Мало того, что замок принадлежал Реве по браку и, следовательно, она могла распоряжаться им как ей заблагорассудится, Геррас уже неделю ни с кем из них не разговаривал. Он заперся в своем кабинете, и что он делал, никто не знал. Солдат не появилось, и никто из его солдат не отступил. Они продолжали патрулирование и работу, как и прежде.

Рева поймала себя на том, что смотрит на башню, в которой находился кабинет Герраса. Потом слегка покачала головой и отвернулась. Она знала, что должна исправить ситуацию с Геррасом, но не знала, как это сделать. Поэтому она должна была сосредоточиться на обучении Ато.

Во дворе Карлия устала кружить и рванулась вперед, щелкнув зубами в сторону крыла Ато. Одним из сюрпризов, которые обнаружили и Рева, и Ато, был диапазон их шей. Сэм и Карлия, выросшие, используя свои силы, знали точное расстояние от хвоста до челюсти и могли хорошо определять расстояние, но для Ревы и Ато это потребовало большого количества проб и ошибок.

Ато уже не был таким беспомощным, как когда-то. Вместо того чтобы увернуться от атаки Карлии, он пошел перпендикулярно ее выпад, его хвост хлестнул, чтобы попасть ей по лицу и шее. Она сомкнула челюсти, и кончик его хвоста хлестнул одновременно, заставив их обоих взреветь от боли.

— *Осторожно,* — взревел Сэм. — *Жертвовать собой не нужно. Не принимайте удары, которые не нужно принимать.*

Оба дракона проворчали, что соглашаются, и Рева улыбнулась. У Сэма был природный талант к тактике, и он был бесценен, когда Рева и Ато научились чувствовать себя более комфортно в своих драконьих формах. Учитывая то, что Ато был новичком, а Рева впервые изменилась в плену, они вряд ли были уверенными воинами, которыми им нужно было быть. Но у Сэма был хороший настрой на бой, и он гнал их вперед.

Между тем Карлия была терпелива, никогда не жаловалась на синяки или царапины, полученные на тренировках, всегда была готова пройти еще раунд, чтобы показать тактику или помочь своему противнику отточить новую технику.

Обычно либо Рева, либо Ато сражались против брата или сестры, пока другой новый дракон наблюдал. Это позволило брату или сестре объяснять используемую тактику и помогало новому дракону увидеть инстинктивные ошибки, которые они могли совершать, например, пытаясь использовать когти на кончиках крыльев в качестве оружия.

В то время как когти были острыми и злобно выглядящими, и человек, естественно, хотел бы использовать крылья в качестве оружия, перепонка крыльев была тонкой, и лучшая тактика заключалась в том, чтобы держать их вне досягаемости противника, используя их только в воздухе, когда можно было упасть на противника сверху.

Пока Рева и Сэм смотрели, Ато подпрыгнул в воздух и быстро набрал высоту. Такое ускорение и контроль были для него новыми, как и тактика; он предпочитал отступать и защищаться, а не атаковать. Подобное движение, которое требовало полной самоотдачи и

последующей атаки, показывало, что он становился более опасным как дракон.

Карлия взмыла в воздух вслед за Ато. Он заставил ее сделать это. Дракон в воздухе был опаснее, чем на земле. Проблема заключалась в том, чтобы взлететь, обнажив относительно незащищенный живот и расправив тонкие крылья. Именно по этой причине Сэм заставил Ато и Реву тренироваться, чтобы они могли взлетать с силой, обучая их этой технике снова и снова, пока они почти не падали от усталости.

Теперь, когда два дракона были в воздухе, на улицу вышло больше людей. Они вытягивали шеи, чтобы посмотреть, менти и солдаты сбились в кучу. Рева улыбнулась этому зрелищу. Она никогда не думала, что увидит такое, когда ни одна группа не будет опасаться или недоверчиво относиться к другой. Однако Сэм осознавал опасность. Случайная искра драконьего огня или удар крыла могли сильно ранить человека. Он зарычал в дверях, и все скрылись из виду.

Он посмеялся над Ревой, и она тоже рассмеялась. Все знали, что Сэм на самом деле не злился, и он мог бы использовать человеческие слова в форме дракона, если бы захотел, но рев не оставлял места для сомнений, и было что-то бесспорно забавное в наблюдении за бегущими в укрытия людьми.

Над ними Карлия штопором направилась к Ато. Эта тактика удерживала ее спину и живот в непредсказуемом положении, из-за чего было рискованно падать на нее. Затем, как раз когда Ато все равно готовился упасть — рискованная тактика, которая, скорее всего, заставит ее отпрянуть, — она перевернулась на спину, обнажая живот, но и пуская в ход свои когти и хвост.

Застигнутый врасплох, Ато резко отклонился и ударил крыльями в воздухе. Он явно не придумал запасной план для своей атаки. Пока он завис в воздухе, Карлия выпрямилась и метнулась к нему, вращаясь при этом. Ее хвост хлестнул по лицу Ато прежде, чем он успел убраться с дороги.

Да ладно, — пробормотал Сэм только для ушей Ревы. — Бейся, Ато.

Ато не мог его слышать, но он многому научился с тех пор, как впервые встретил Сэма и Карлию. Даже рыча от боли из-за разбитого лица, он бросился вперед, чтобы поймать зубами Карлию. Карлии не удалось увернуться, и она закричала от боли, когда его зубы впились ей в бок. Она повернула голову, чтобы схватить его, заставив его неловко отпрянуть, и она воспользовалась полным преимуществом, чтобы броситься к нему.

Двое кувыркались в воздухе, стуча когтями, каждый пытался защитить свой живот, а также пробить защиту противника. Они взмахивали крыльями достаточно быстро, чтобы не падать камнями, но едва.

У самой земли они разошлись, и Ато тяжело приземлился, а Карлия улетела прочь. Ее выносливость по-прежнему превосходила его, и ему потребуется много времени, чтобы чувствовать себя в форме дракона так же комфортно, как она.

Сэм взревел, показывая, что бой окончен, и когда Карлия мягко приземлилась, Рева и Сэм присоединились к двум другим.

Хороший бой, — сказал им Сэм. — Ато, расскажи мне, что случилось.

Так он заставлял Реву и Ато узнать больше об их боях. Сэм всегда просил их рассказать о том, что произошло, и часто, произнося это вслух, они лучше понимали, где допустили ошибку.

Я уклонился от первой атаки Карлии, — сказал Ато. Он слегка задыхался. — Я атаковал ее своим хвостом, но ее зубы поймали его. В следующий раз я нападу на крыло или

ее грудь.

Это риск, — сказал Сэм. — Ее зубы всегда будут рядом.

Я хочу, чтобы это сработало, — возразил Ато.

Сэм немного взревел.

Попробуй в свободное время, после того как Стефан будет побежден. Это слишком рискованно для настоящей битвы. Даже небольшие травмы складываются. Если больно и ты теряешь силу, ты наносишь вред своим союзникам.

Ато оскалился, но уступил.

Сэм кивнул, чтобы он продолжал.

Я поднялся в воздух, — сказал Ато.

Ты сделал это так, как должен был. Твоя скорость была очень хорошей, — Сэм упрекал их за небрежную технику, но он был готов похвалить, когда они сделали что-то хорошо.

Я поднялся, и Карлия последовала за мной. Она использовала защитную технику, которая, как я думал, затруднит атаку, поэтому я решил броситься на нее, чтобы выбить ее из спирали. Но она перевернулась, и я не знал, что делать.

О чем тебе это говорит? — спросил его Сэм.

Ато заерзал, явно смущенный.

У нее был план, а у меня нет.

Точно. Карлия, что ты собиралась делать, если бы Ато не упал?

Я собиралась продолжать подниматься, — сказала Карлия. — Я бы использовала свою выносливость и технику, чтобы подняться и заставить его следовать за мной.

Остальные три дракона кивнули.

И в конце, — сказал Ато, продолжая с того места, где он остановился, — мы сцепились, и когда мы спустились на землю, я слишком устал, чтобы снова взлетать. Так она выиграла, — он звучал измученным и разочарованным в равной мере.

Сэм решительно кивнул.

Хорошо. Хороший отчет. Ты знаешь, где ошибся. Карлия....

Я знаю, — сказала Карлия. Рева не могла понять, что имел в виду Сэм, но Карлия сразу поняла. — Я буду осторожна, — добавила она.

Сэм кивнул и прыгнул в воздух, чтобы вернуться к зубчатым стенам.

Еще раз, — крикнул он через плечо.

Я устал, — отозвался Ато.

Ты становишься сильнее с каждым днем, — ободряюще сказала Рева. — Как и все менти здесь. Ты устаешь, а на следующий день становишься сильнее. В тебе еще осталось немного сил. Используй все это.

Он кивнул, но одарил ее волчьей драконьей ухмылкой.

Если я упаду с неба, надеюсь, вы все не позволите мне слишком сильно удариться о землю.

Рева издала шипящий звук, похожий на смех дракона, и усмехнулась в ответ, прежде чем присоединиться к Сэму на зубчатой стене.

Что ты хотел, чтобы Карлия сделала? — спросила она его с любопытством.

Она рискует, — сказал Сэм. — Она думает, что, поскольку Ато новичок, он не будет знать некоторых техник. Но она совершила ту же ошибку, что и он. Она открыла живот, что было рискованным шагом. Если бы он знал, как с этим справиться, это было бы плохо

для нее. Я напоминал ей не делать это привычкой. Я сделал это один раз и получил серьезную травму.

О? — заинтересованно спросила Рева. Двое других кружили, Ато немного отставал.

Однажды около наших пещер свили гнездо гигантские орлы. Отец послал меня и Карлию разобраться с ними. Орлы меньше драконов, но они злобные и сражаются вместе. Пока я дрался с ними, я использовал технику, которую использовал при обучении. Отец предупредил меня, что это слишком рискованно, но Карлия не могла с этим бороться, поэтому я сделал это привычкой. Вместе орлы легко справились с этим. Карлия освободила меня, но мы оба были ранены. Я усвоил урок.

Рева кивнула.

Они смотрели мгновение. Ато явно устал, но пытался использовать остатки своей силы. Несмотря на усилия, которые каждый день требовались, чтобы преодолеть точку истощения, он, как и все другие менти здесь, знал, что грядущая битва потребует всего, что у него есть, и даже больше. Он должен стать сильнее.

Как ты? — спросил Сэм у Ревы.

Она посмотрела на него с удивлением. Он отводил взгляд, чтобы не давить на нее.

Рева не хотела отвечать, но знала, что не должна бояться ответить на этот вопрос. Она почти бессознательно хлестнула хвостом, и в тот же момент с одной из ближайших сторожевых вышек раздался тревожный вопль.

Она повернула голову и сосредоточилась, чтобы использовать человеческий язык.

— Простите!

Слово вырвалось, как всегда из пасти дракона, низким рычанием. Солдаты улыбались и махали руками, но с немного испуганным выражением на лицах.

Сэм хихикнул, и это немного сняло напряжение. Рева тоже рассмеялась, ее бока тряслись в жарком летнем солнце.

При солнечном свете, со звуком собственного смеха в ушах, она смогла сказать правду:

Я чувствую, что скорблю по человеку, которого никогда не знала.

Слова были несовместимы со смехом, и Сэм сразу замолчал. Теперь он встретился с ней взглядом.

Я не ожидала, что Лука станет королем, — объяснила Рева. — Ты никогда не встречал Матиаса, но он был бы хорошим королем. Он хотел, чтобы все вокруг него поднимались и процветали. Он был добр. Он был хорошим воином, но боя не любил. Он был бы лучшим королем, чем Давэд.

Было трудно сдержать обиду в ее голосе. Давэд заставил менти скрыться, стал отцом Стефана и продал Реву на годы жестокого обращения со стороны ее мужа.

Сэм по-прежнему ничего не говорил. Во дворе раздался крик — Карлия и Ато закончили бой. Сэм проревел в ответ, чтобы сообщить им, что он и Рева скоро будут с ними, затем кивнул ей.

Когда я поняла, что Лука — король, я подумала о том добром мальчике, которого знала, и увидела, каким он может быть. Но я не видела его много лет, — Рева смотрела куда-то вдаль. — Его никогда не учили управлять советом или руководить в бою. Откуда он мог знать, как это сделать?

Сэм отвернулся.

И что он сделал вместо этого... — дракон всегда говорил разумом, и разум Ревы отшатывался от слов, которые она должна была сказать. Но она должна была их произнести,

теперь она это видела. Она должна говорить правду вслух. *Я никогда не смогу простить его, Сэм. Никогда. Я никогда не позволю себе забыть то, что он сделал.*

Сэм бросил на нее короткий испытующий взгляд. Затем он сказал:

Знаешь, он все еще там. Мальчик, которого ты любила.

Рева удивленно встретила его взгляд.

Он превратился в человека и оделся, отводя глаза, когда Рева сделала то же самое. Когда они оба оделись, он вскочил, сел на камни и подождал, пока она взберется. Она обвила руками колени и смотрела на деревья за замком Далур. Лес здесь был прекрасен. Вид тесно связанных деревьев и извилистых тропинок помогал ей отогнать горе.

— Я не хотел, чтобы он мне нравился, — сказал Сэм. Рядом раздались крики, и он оглянулся на дорогу. Он смотрел на мгновение, прежде чем обернуться. — Я думаю, ты знаешь почему, Рева.

Рева чувствовала, как горят ее щеки.

— Он умен, — сказал Сэм. — Он еще мальчик. И все. Когда он станет мужчиной, когда возьмет на себя ответственность за свои решения, когда решит, каким лидером он хочет быть, и пойдет по этому пути, а не скажет себе, что у него нет выбора, тогда он станет настоящим королем. Те, для кого это дается легко? Они борются, когда времена становятся трудными. Тем не менее, те, кому приходится бороться, чтобы сделать что-то из этого, — это те, кто тебе нужен в трудные времена.

Рева вздохнула и обдумывала слова Сэма, когда двор начал заполняться солдатами. Она прищурилась, пытаясь понять, не угрожает ли им еще одна атака. Похоже, никто из солдат не вооружался. Она даже увидела лейтенанта Герраса, наконец вышедшего из кабинета.

— Он должен принять решение в ближайшее время, — сказала Рева. Она отклонилась, чтобы солнечный свет осветил ее лицо. — Или мы все умрем. Сэм, что бы он ни делал в будущем, прошлое нельзя исправить.

— Я знаю, — тихо сказал Сэм.

— Я не знаю, смогу ли я простить его, — она пристально смотрела на него. Затем она горько рассмеялась. — Я не знаю, переживает ли он вообще.

— Переживает, — Сэм покачал головой и посмотрел на свои руки. Затем он наклонился и протянул руку, чтобы помочь ей слезть с камней. — И тебе придется принять решение в ближайшее время.

— Нам не нужно идти с армией, — сказала Рева. — Я думала об этом и считаю...

— Нет. Рева... — Сэм кивнул в сторону дороги. — Он здесь. Лука здесь.

Рева повернулась, и у нее сжалось горло.

По дороге шли две линии королевской гвардии. Вымпелы развевались на ветру, пока они ехали, и когда она осмотрела сцену более внимательно, то увидела, что лошади тяжело дышат и взмокли от пота.

А во главе колонны, такой же измученный и потрепанный, как и лошади, был Лука.

16

Лука

Она была на зубчатых стенах. Лука сразу увидел ее, прежде чем она поняла, что он здесь. Ее темные волосы сияли на солнце, и он смотрел, как она повернулась и замерла. Ее глаза были прикованы к нему, к солдатам вокруг него. У него перехватило дыхание при виде ее, такой же прекрасной, как всегда.

Он нащупал на поясе свиток, который дала ему Серена. Большая часть его души желала,

чтобы она сама послала известие. Когда он сказал ей, что выследит улези, это было серьезно. Он прекрасно понимал, что это может стоить ему жизни, но был полон решимости сделать это, даже если Рева больше никогда с ним не заговорит.

По правде говоря, он почти надеялся, что она никогда больше не заговорит с ним. Он не думал, что когда-нибудь сможет встретиться с ней лицом к лицу. Что он мог сказать? Они оба знали, что он сделал.

Лука знал, что замок Далур долгое время не использовался, и был удивлен, увидев, что он в хорошем состоянии. Кузница работала, он видел теплую золотисто-коричневую свежую солому в конюшнях, и ни одна из дверей не висела на петлях. Сквозь булыжники не росли сорняки.

Причина вскоре стала ясна. Мужчина с темными кудрявыми волосами стоял на коленях перед шеренгой солдат. Некоторые из освобожденных менти тоже встали на колени, и Лука подавил желание обыскать их ряды в поисках Ревы. Его сердце колотилось с тех пор, как он впервые увидел ее.

Лука спрыгнул с лошади. Он слегка споткнулся и почувствовал знакомый прилив обиды на то, что все его видели. Затем он издал усталый смешок. Он должен перестать верить, что все хотят, чтобы он потерпел неудачу. Он споткнулся, больше ничего.

— Боюсь, слишком долго в седле, — сказал он наблюдавшим за ним солдатам, и они усмехнулись, как люди, проделавшие то же самое. Они не думали о нем хуже из-за простого спотыкания, что бы ни думал Стефан, его отец или Йозеф. — Лейтенант Геррас, — позвал он человека во главе колонны.

— Ваше Величество, — лейтенант Геррас стоял, опустив глаза.

— Я благодарю вас и ваших солдат за работу здесь, — Лука протянул руку и обнял Герраса на глазах у собравшихся солдат. На ухо лейтенанту он сказал. — Я говорил с моей сестрой. Вам не нужно бояться возмездия, никому из вас.

Лейтенант Геррас колебался. Затем он осторожно сказал:

— Ваше Величество может не знать обо всех моих действиях. Даже когда я понял, что меня обманули...

— Принцесса Серена объяснила, — заверил его Лука.

Серена рассказала ему все о своем плане и о последовавших за этим неожиданных событиях. Рева и Карина сразу же отправились в Сады Аниоса и освободили пленных поддельными приказами, а затем привели менти в замок Далур для обучения. Там лейтенант Геррас делал все возможное, чтобы помочь им, пока они искали тактику, которую менти могли бы использовать в бою.

Затем лейтенант обнаружил обман и столкнулся с дилеммой. Он не верил, что заточение менти было справедливым или достойным решением короля. Руководя одним из рабочих лагерей, он переступил свои обязанности, заключив сестер в тюрьму и лишив их ответственности. Он не послал поисковую группу за Кариной, когда она ушла, надеясь, что она каким-то образом найдет способ освободить Сады. Он не хотел быть тюремщиком.

Однако он знал свой долг, и он знал, что когда начнется битва, менти необходимо будет участвовать в этом. После борьбы с совестью он написал все это и многое другое, но не Луке. Вместо этого он отправил письмо Серене, услышав ее имя, произнесенное Ревой. Он сказал, что если и когда она сочтет безопасным сообщить Луке об их местонахождении, она должна это сделать.

Теперь Лука кивнул лейтенанту Геррасу.

— Вы с честью служили моим подданным, лейтенант. Вы выполнили приказ, который я должен был отдать. Я надеюсь, что никогда больше не буду отдавать приказы, которым не может следовать человек с совестью.

Голос лейтенанта Герраса слегка повысился от удивления:

— Благодарю вас, ваше величество.

Лука решил не поправлять его титул. Он кивнул Геррасу и указал на деревянную платформу в углу.

— Будет ли это лучшим местом для обращения к менти и вашим солдатам?

— Я могу подготовить зал, — сказал Геррас.

— Нет нужды.

Лука пробирался сквозь толпу, останавливаясь, чтобы ответить на приветствия своих подданных. Это казалось странным, но в то же время правильным. Эти люди учились сражаться за него, и он обращался к ним как к своим подданным.

— Вы можете подняться, — сказал он им, когда достиг платформы. Его голос был недостаточно сильным, поэтому он кашлянул и повторил слова.

Солдаты и менти встали. Менти было так много, что у него закружилась голова от этого. Он никогда не видел так много в одном месте. По правде говоря, он никогда не думал, что их вообще так много.

Он наблюдал за толпой, понимая их силу и риск, на который он шел, будучи честным с ними. Но он был сыном Давэда, а не Давэдом.

— Я извиняюсь за ваше заключение, — сказал им Лука. — Мой отец несправедливо преследовал менти и столь же несправедливо заключал их в тюрьму. Я бы объяснил вам его действия, если бы мог, но сам их не понимаю. Я знаю только, что это было неправильно.

Он сглотнул и сделал глубокий вдох.

— Что я могу объяснить, к своему стыду, так это мои действия. Вы знаете, что произошло: я послал солдат, чтобы убедиться, что условия терпимы, и заставил вас работать над изготовлением лекарств для борьбы с чумой. Вас держали в цепях. Вы все еще были заключенными. Я, менти, отдал этот приказ.

Он сделал паузу. Теперь во дворе была гробовая тишина. Менти вспомнили о том, что сделал Лука, и о жестокой иронии.

— Вы думаешь, я приказал вас освободить, — сказал Лука. — Это неправда. Я хотел бы сказать, что понял свою ошибку и отдал приказ привести вас сюда, но я этого не сделал.

Лука наблюдал, как взгляды менти падали на его солдат.

— Сложите оружие, — обратился Лука к солдатам. Менти он сказал. — Вам ничего не угрожает. Вы больше никогда не попадете в тюрьму за свою магию. Магия — не преступление. Я, как и вы, был в ужасе, когда обнаружил свою магию. Когда она проснулась, она дорого обошлась. Я убежал из своего дома. Меня преследовал мой брат, и я сразился с ним и прогнал его. Но когда передо мной встал вопрос, что делать с Садами Аниоса, я не был настоящим королем. Вас должны были немедленно освободить.

Он чувствовал себя несчастным. Он вряд ли мог просить их следовать за ним после того, что он сделал, но он должен был это сделать. Эстала падет, если он этого не сделает.

— Через неделю, — сказал Лука, — моя армия переправится через море в Золотой Порт, где мой брат взял город и теперь снабжает свою армию провиантом. Мой брат, как вы можете знать или не знать, — оборотень-дракон. Моих собственных сил, — он поднял руку, на ладони которой играло пламя, — недостаточно, чтобы победить его. Я возьму с собой

небольшую группу менти, тех, кто сражался со Стефаном в лагере зантийцев. Я пришел сюда сегодня с призывом, который я не имею права делать для себя, но имею все основания для того, чтобы сделать это как эсталанец. Пойдемте с нами. Помогите нам победить моего брата. Помогите нам победить Орден Понимания. А когда мы вернемся домой, помогите нам восстановить Эсталу. Помогите основать школы, которые будут обучать менти использовать свои силы. Мы провели много долгих лет, думая о менти как о наших врагах — да, даже о тех из нас, кто обнаружил, что мы менти. Это будет борьба за изменение. Не всегда будет легко сосуществовать. Но мы сделаем это. Я получил обещание от моей сестры, принцессы Серены, что если я погибну в битве, она не будет преследовать менти, когда займет трон. Я верю ей, потому что она была одной из тех, кто сражался, чтобы помочь вам. Я обещаю, что, что бы ни случилось, вы не будете в плену, за вами больше не будут охотиться.

Лука поднял руку.

— У вас день, чтобы решить, — сказал он. — Мы выезжаем утром. Я бы дал вам больше времени, если бы мог, но времени больше нет. Близится битва.

Он кивнул и ушел с помоста, только тогда позволил себе повернуться в сторону стен, где в последний раз видел Реву. Она стояла, замерев, наблюдая за ним. Лука взял письмо Серены и передал его одному из солдат.

— Не могли бы вы отнести это леди Авалон, пожалуйста?

Он кивнул один раз Реве, один раз Сэму, который стоял рядом с ней, а затем пошел к лейтенанту Геррасу, чтобы получить отчет о присутствовавших менти. Предстоит многое сделать, если завтра они уедут.

Ему потребовались все силы, чтобы не задаваться вопросом, будет Рева с ними или нет.

17

Рева

— Леди Авалон, — солдат взбежал по лестнице, минуя по две ступеньки за шаг. Он казался раскрасневшимся и взволнованным, а не торопливым. — Его Величество велел принести это вам.

Казалось, Лука быстро покорила сердца после своего приезда.

— Спасибо, — сказала Рева. — Но мне не нужно это читать.

— Рева, — голос Сэма был тихим. Кивнув, он взял у солдата письмо и провел Реву по дорожке к одной из комнат стражи. — Можно нам немного уединения, пожалуйста?

Солдаты внутри бросили на них любопытный взгляд, но быстро покинули сторожку, и Сэм подвел Реву к одному из маленьких табуретов, поставленных вокруг жаровни.

— Ты должна прочитать это, — сказал он.

— Я не хочу, — она казалась непохожей на себя, угрюмой и упрямой, но не могла заставить себя протянуть руку и взять письмо. Она невольно усмехнулась. — И я хочу, чтобы ты знал, что мои родители были бы шокированы. Незамужняя женщина и мужчина просят побыть наедине.

— Сейчас не время придерживаться скучных старых правил, — Сэм с отвращением фыркнул и сам сломал печать.

— Что ты делаешь?

— Читаю письмо, — сказал он так, будто это должно быть очевидным. — Во-первых, это не от Луки. Это от его сестры.

— Что? Дай мне! — Рева выхватила письмо у него из рук.

— Теперь ты хочешь этого, — пошутил он, но не стал этого делать. Он сосредоточился на чем-то над головой Ревы и присвистнул. — Карина! Сюда.

Рива оглянулась и увидела приближающуюся Карину. Она улыбнулась, а затем перевела взгляд на письмо. Почерк Серены был плавным и изящным, именно то, что ожидалось от принцессы, воспитанной идеально.

Рева,

Ты, без сомнения, гадаешь, как Лука узнал, где ты находишься. Несколько дней назад мне написал лейтенант Геррас, сообщив о вашем местонахождении и попросив сообщить Луке, только если я буду уверена, что менти в безопасности.

Многое произошло с тех пор, как ты ушла. Стефан захватил Золотой порт и собирает армию для атаки. Это противостояние без четкого конца. И Стефан, и Лука владеют городами и крепостями. Когда дело дойдет до битвы, она будет упорной.

Лука готов идти в бой и не уверен, что вернется. Я бы успокоила его, но ему предстоит сразиться с драконом, и даже я знаю, что одержать победу над Стефаном будет непростой задачей. Если он добьется успеха, Лука попросил меня стать регентом, пока он сам выслеживает улези. Он полон решимости устранить угрозу тебе.

Рева положила письмо на колени. На мгновение ей показалось, что она не может дышать. Мысленным взором она могла видеть улези, лезущих по стенам, а за ними лежали безжизненные тела охранников. Когда она снова взяла письмо, бумага дрожала.

Я могла бы еще многое сказать, но лучше, чтобы ты услышала это от него. Он сказал, что тебе никогда больше не придется с ним разговаривать, если ты не хочешь, но я надеюсь, что ты будешь, и я надеюсь, что ты будешь сражаться за нас. Я сказала ему, где находятся менти, потому что Эстала нуждается в них сейчас, и я была уверена, что он больше не совершит той же ошибки. Он попросил меня послать за тобой.

Я не могу сделать твой выбор за тебя. Я знаю, что не имею права требовать от тебя чего-либо. Я только прошу. Стефан — чудовище, и я боюсь, что он сделает, если его не победить. Я надеюсь, мы еще увидимся. Эгоистично, я надеюсь, ты будешь сражаться вместе с моим братом. Наши союзники спасут нас в грядущей битве.

Серена

Рева трясущимися руками сложила письмо. Она увидела, что Сэм ушел, а Карина сидела на одном из других табуретов, сцепив пальцы на коленях. Когда Рева скомкала бумагу в руках, Карина слегка вздрогнула.

— Лейтенант написал Серене, где мы находимся, — сказала Рева. Об этом она могла говорить. Это было управляемо. — Не Луке. Он сохранил нашу тайну.

— А, — тихо сказала Карин. Она не выглядела удивленной, так что, возможно, Геррас сам сказал ей об этом.

В хижине молчали. Во дворе слышались крики и стук телег. Рева предположила, что они грузили провизию. Кто-нибудь из менти пойдет; она была в этом уверена. Даже после предательства Луки они знали, что Стефан хуже. Стефан убил бы их, если бы мог, и сделал бы это ужасно.

— Он сказал ей, что выследит улези после битвы, — сказала Рева. Она посмотрела на скомканное письмо и почувствовала, как слезы наворачиваются на ее глаза. — Он сказал, что оставит ее регентом и будет искать их. Он велел ей попросить меня вернуться и сразиться с ними и сказать, что я не обязана больше с ним разговаривать.

— А, — снова сказала Карина.

Рева бросила на нее жесткий взгляд.

Карина сжалась и беспомощно покачала головой.

— Что тут сказать?

— Ты могла бы сказать мне, что делать, — сказал Рева. Она едва могла думать из-за гнева и боли.

К ее удивлению, Карина расхохоталась. Рева видела, что она пыталась сдержаться и замаскировать это под кашель, но не вышло, и, в конце концов, Карина сдалась и откинула голову, плечи ее тряслись. Через мгновение она прижала руку к животу и вздохнула. Увидев раздражение Ревы, она покачала головой.

— О, Рева. Ты всегда знаешь, что должны делать все остальные. Но когда дело доходит до твоей жизни, ты бесполезна.

Реву это раздражало.

— Ты предлагаешь мне командовать людьми? Ладно, полагаю, я приказала солдатам. Но они солдаты. Они принимают приказы. Я не заставляла менти...

— Я не это имела в виду, Рева, — Карина протянула руку. — Помнишь, когда мы впервые встретились? Ты была так взбешена, когда сестры причинили боль одной из нас. Ты знала, что это неправильно. Ты была так убедительна, когда планировала нас выволить. Ты знала, что мы умрем, если останемся. Ты принимала решения за всех нас в пути, и когда ты добралась до Реялона, держу пари, у тебя был сильный голос и в совете. Ты не стесняешься, Рева. Ты знаешь, что правильно, а что нет, и быстро составляешь план, если он не приходит к тебе сам.

Рева не могла перестать думать об Эмми, своей служанке, единственном человеке, которого она не смогла спасти. Эмми всегда помогала ей, когда она выходила замуж за Франциса. В то время Рева чувствовала себя подавленной ограничениями своего брака. Она была пассивна и слаба. Была ли Карина права? Неужели она всегда не могла принять правильное решение для себя?

— Лука взял на себя ответственность за то, что он сделал, — сказала Карина. — Сейчас он кажется другим, но то, что он сделал, было ужасно. Я не знаю, что правильно, а что неправильно. Я только знаю, что если бы это был кто-то из нас, ты бы знала, что делать. Может, подумай об этом так.

Она сжала руку Ревы и ушла.

Рева долго сидела, глядя на бумагу в руках. Она перебирала все оправдания, которые не хотела слышать, все те глупости, которые Лука говорил на заседаниях совета.

Ей не хотелось говорить с ним, или, вернее, слишком хотелось. Увидеть его снова, говорящего честно, несмотря на позор, который это причинит ему. Это напоминало ей о надеждах, которые рухнули, когда она прибыла в Крепость Несры.

Она знала, что должна делать. У нее просто не хватало смелости сделать это. Ей потребовалось много времени, чтобы заставить себя встать и выйти во двор. Ее сердце, казалось, дрогнуло, когда она увидела, как Лука разговаривает с солдатами, и она надеялась, что идет уверенно, приближаясь к нему.

Когда он повернулся и увидел ее, ей показалось, что она увидела те же надежды и тревоги в его глазах.

— Мы поговорим в моем кабинете, — сказала ему Рева. Слова вырвались внезапно и были неуместны, учитывая его статус, но она задрала голову и прошла мимо него в замок, не дожидаясь, что он сделает.

Он последовал за ней, безмолвное присутствие за ее левым плечом. По ее руке побежали мурашки от осознания того, что он был так близко к ней. Она заставила себя не поворачиваться и не смотреть на него, не смотреть в его орехово-зеленые глаза и не видеть, осталась ли в этих глазах тень мальчика, которого она когда-то знала. Вместо этого она получила небольшое удовлетворение, наблюдая, как он вошел в украшенную железом комнату. Его плечи поднялись, а лицо исказилось от отвращения.

— Францис украсил его, — сказала Рева. Она стояла за своим столом и ждала, пока Лука сядет. — Он пытался контролировать то, чем он был, с помощью железа. Он покрывал себя им.

Глаза Луки блуждали по комнате, прежде чем, наконец, остановились на ней. Его рот открывался и закрывался, и она видела все оправдания, которые он хотел привести. Она видела его внутреннее смятение, его стремление к словам, которые не исцелили бы того, что между ними произошло. Вместо того чтобы попытаться, он замер и замолчал.

В этот момент она люто ненавидела его. Она дрожала от ярости, в ее глазах стояли слезы, и она ненавидела каждую часть этого, особенно то, что она скучала по нему, несмотря на все, что произошло. Последние несколько ночей, когда она была уверена, что все спят, она плакала горькими слезами боли и предательства. Она плакала из-за Луки и из-за собственного страха перед тем, что должно было случиться, со Стефаном, с улези.

Прошло много времени, прежде чем она смогла говорить, и когда она это сделала, ее голос был уродлив:

— Они уже приходили. Улези, — она вытерла слезы со своих щек, когда Лука двинулся вперед с открытым ртом. — Не надо, — это все, что она сказала, смогла сказать. Она не могла слушать его протесты. — Когда они атаковали, погибло шесть солдат. Два менти. Они погибли, сражаясь с теми монстрами, которые пришли сюда, потому что ты пообещал им, что они смогут убить каждого дракона, включая меня, Сэма, Карлию и еще одного молодого дракона, только что обретшего свои силы. Ты видел лейтенанта Герраса? Его люди погибли, защищая замок.

Лицо Луки было серым. Она видела, как сильно он хотел заговорить, но сдержался.

— Меньшее, что ты мог сделать, — это спросить меня, — сказала Рева. Она ненавидела то, как потерянно она сейчас звучала. — Ты знал, как я испугалась, когда вернулась из города. Ты мог бы спросить меня, думаю ли я, что их можно настроить против Стефана. Ты мог бы предупредить меня, что пригласил их во дворец. А ты этого не сделал, — рыдание нарастало в ее груди. — Твой отец тоже продал меня. Ты помнишь это? Потому что я — да. Но хотя бы... — она сделала долгий судорожный вдох. — По крайней мере, он бросил меня с целью.

Он ответил потрясенным молчанием. Рева сидела неподвижно, зная, что если она позволит себе сдвинуться хотя бы на дюйм, плотина рухнет, и она потеряется в слезах.

Она не знала, что собиралась сказать, пока это не сорвалось с ее губ, но теперь все вырвалось наружу. Ей снова было тринадцать, и она была в шоке, когда экипажи отъехали от Реялона, и она поняла, что ей не спастись. Она вспомнила ярость Франциса, когда у нее случился выкидыш в первый раз, и то, как она, наконец, поняла, что никто не мог спасти ее. Король сделал выбор, и все остальные решили притвориться, что он правильный.

И Лука снова и снова делал то же самое.

— Рева.

Голос Луки сорвался. Она разрывалась между удовлетворением и ненавистью, когда он

встал на колени перед ее креслом и опустил голову на свои руки.

— Рева, прости. Я сожалею, — его голос был приглушен. — Я принял решение, которое принял бы мой отец, и ничто никогда не изменит его. Я подумал: «Они не доберутся до нее. Я придумаю способ убить их после того, как они найдут Стефана». Я хотел, чтобы он испугался. Я... — его голос снова сорвался. — Я был в таком отчаянии и таком страхе, и мне очень жаль, Рева. Я не хотел посылать тебя в бой.

Сердце Ревы наполнилось бурей, билось о стенки ее груди, пока она не подумала, что оно разорвется, но теперь оно утихло, и она изучала его лицо, качая головой. По ее щекам текли слезы.

— Лука, если бы мне пришлось умереть за это, я бы хотела сделать это лицом к лицу со Стефаном. Это был бы мой выбор. Не как цена убийства.

Когда он поднял голову, его лицо показало ей глубину ужаса от того, что он сделал.

— Знаю, — он беспомощно покачал головой. — Я знаю, — повторил он. — То, что я сделал... — он шмыгнул носом. — Это непростительно, — сказал он. Затем он встал и вернулся к своему стулу, где сел, как марионетка с перерезанными нитями. — Я никогда не хотел, чтобы ты узнала. Я думал... Это было по-детски, но я думал, что смогу убить их, и ты никогда не узнаешь.

— Ты не думал, что они придут за мной?

Лука отвернулся. Казалось, он вспоминал.

— Я знал, что они придут, — сказал он. — Я знал, что это рискованно для тебя, потому что, возможно, я не смогу сразиться с ними, но я сказал себе, что это нужно сделать, и это был просто риск. Уверенности не было. Я знал о риске и говорил себе, что это нереально. Я был полон решимости убить Стефана, не рискуя ни кем, кроме себя, и я думал, что он может убить некоторых из них, а я смогу убить остальных. В этом не было никакого смысла. Я пытался торговаться с демонами. Даже ребенок знает лучше.

Воспоминания исчезли, оставив только эту комнату, заполненную железом, и их двоих, и Рева внезапно почувствовала жуткое спокойствие.

— Лука, я... - она замолчала. Она не должна была говорить ему, как сильно хотела доверять ему. — Ты произнес очень красивую речь, но как я могу быть уверена, что ты это имеешь в виду? Что ты не передумаешь?

— Ты не можешь, — решительно сказал Лука. — Я не имел права просить кого-либо из вас драться со мной.

— Даже это ложь! — Рева бросила ему эти слова в ответ. — Ты выбираешь легкий путь, рассказывая мне...

— Я больше никогда не хотел тебя видеть, понимаешь? — лицо Луки было пепельным. — Я умолял Серену прийти сюда вместо меня. Я больше никогда не хочу разочаровывать тебя, понимаешь? Я бы предпочел, чтобы ты ушла туда, где я больше никогда не смогу причинить тебе боль. Я не хочу... — он снова уронил лицо в ладони, горбясь. — Тогда ты не кричала на меня, — пробормотал он. — Ты только ушла. Для тебя было слишком опасно кричать на меня. Ты не знала, что ты в безопасности, поэтому тебе пришлось уйти. Когда я подумал о тебе и захотел вернуть тебя, я вспомнил об этом. Когда я понял, что ты боишься меня, я хотел, чтобы ты исчезла и была в безопасности, подальше от меня.

— Лука, — выдохнула Рева.

Он поднял голову.

— Больше никогда. Я никого не брошу. Те, кто сражается со Стефаном, сделают это по своему выбору. Их не будут приносить в жертву тайно. Больше никаких лагерей менти. Я не... — он запнулся. — Я не знаю, как править таким образом, Рева. Не так правил мой отец. Я боюсь.

И это, наконец, была правда. Ее гнев начал угасать, медленно, но неуклонно.

— Ты сделаешь это, — сказала она ему и слабо улыбнулась.

Это забрало все, что у нее было, но она потянулась через стол и ждала, пока он возьмет ее за руку. Она попыталась не обращать внимания на трепет в животе, когда его пальцы сомкнулись вокруг ее.

— Эмми умерла за меня, — сказала она. — И два стража, которых Францис послал со мной, когда Стефан напал. Я совершила измену, заставила солдат помочь мне, солгав им. Я не сказала Геррасу, кто за мной охотится. Если бы я сказала, он, возможно, был бы лучше подготовлен. Ты хотел убить врага Эсталы, человека, убившего тысячи людей. Я хотела того же. Мы оба пожертвовали другими, чтобы сделать это.

— Больше никогда, — сказал Лука.

— Я знаю, — сказала ему Рева. Теперь она начала плакать, но слезы были рождены не от безнадежности или страха. — Насчет любого из этого. Самое главное, я обещаю тебе: Стефан больше никогда не наденет корону. Я сделаю все, что в моих силах, чтобы это стало правдой. Мы будем сражаться с тобой, Лука.

18

Бог

Лампа мерцала, и Бог бросил на него раздраженный взгляд. Он смотрел на карту перед собой, казалось, несколько часов, и его глаза мутнели, человеческая слабость, которой у него не должно было быть.

Конечно, он решил поместить себя в человеческий сосуд. Он напомнил себе об этом, хотя это не успокоило его. Ни одно человеческое тело не могло быть по-настоящему человеческим, пока он жил в нем. Он был сильнее и быстрее любого человека, и любые потенциальные убийцы обнаружат, что их работа будет намного сложнее, чем они ожидали. Практически невозможной, на самом деле.

Но его глаза все еще горели после долгой ночи, пока он смотрел на планы нападения на Крепость Несры. Плечи болели, спина горбилась. У него даже запястья болели из-за того что он оперся руками о стол.

Он бросил последний взгляд с отвращением на стол и направился к выходу в сады совета. Стражи у дверей низко поклонились ему, но больше никого не было поблизости, чтобы увидеть, как он уходит. Все уснули, будучи слабыми и бесполезными как телом, так и разумом.

Он был уверен, что Крепость Несры не была неприступной, но его генералы клялись, что да, и до этого Бог никогда не интересовался механикой ведения войны. Он не понимал меры, на которые ссылался лорд Тиниан и которые были использованы для того, чтобы сделать как Реялон, так и Крепость Несры смертельными ловушками для сил вторжения.

— Ты вошел, — отметил Бог, казалось, в десятый раз.

Как всегда, Тиниан с сожалением улыбнулся ему.

— Мы верили, что с тех пор мы будем удерживать Крепость Несры, и мы хотели, чтобы она была крепкой. Боюсь, мы укрепили ее, и я уверен, что у принца Луки все еще есть эти поправки.

— Вы не подумали отменить это, когда уплывал? — Бог зарычал на него.

— Владыка, многое — камень и раствор. Их вряд ли можно было легко убрать, — Тиниан покачал головой, а затем его голос изменился, став шелковистым. — И в любом случае мы намеревались поставить принца Луку на колени не солдатами, а торговлей. У нас был его брат Альберто, и мы чувствовали, что нет необходимости в дорогостоящем вторжении, — потом Тиниан понял, что его слова были несколько неуважительны. — Но, конечно, мы не были такими храбрыми, как вы, владыка.

Бог отвернулся от Тиниана и, хмурясь, пошел по одной из садовых дорожек. Практически сразу после прибытия Тиниан выступал за такую войну: тарифы, квоты, сложное лицензирование рыбацких лодок и судов из Зантоса. Было много способов, сказал Тиниан, отомстить принцу Луке, способов, которые не включали в себя снабжение армии провизией и отправку ее через море.

Эти методы были, как он указал, проверены и верны. Они были не такими неопределенными, как битва.

Когда Бог заговорил с Тинианом, он почувствовал непреодолимый страх советника перед присутствием бога, смешанный с, казалось, искренним отвращением к войне.

Но в то время как Тиниан, очевидно, считал, что битва не является отличительной чертой человека, предпочитая вместо этого использовать более холодные и изощренные методы против своих врагов, Бог знал, что торговые споры не принесут ему сторонников. Ему нужна была армия, чтобы внушать преданность своим последователям и благоговение тем, кто все еще противостоял ему.

Тарифы почти не создавали поклонения.

Он соединил руки за спиной, пока шел. Тиниан мог лгать ему. На самом деле, это было вероятно.

Но что было правдой?

В тени двора кто-то зашевелился, захрустев ногами по гравию, и Бог поднял голову. Он мог разобрать лишь очертания. Слабые человеческие глаза...

Он наполнил свой голос силой:

— Кто это?

— Я, владыка, — страж вышел в лунный свет и опустился на колени, дрожа. — Я охраняю заднюю дверь. Я не хотел беспокоить ваши мысли, владыка. Прошу прощения.

Бог узнал его. Это был зантиец, недавно привлеченный. Хотя немногим из его товарищей-стражей из Зантоса было позволено остаться, этот впечатлил Миккела своей преданностью Богу.

— Милорд священник, он — бог, — серьезно сказал юноша, если верить рассказу Миккела. — Он должен править всем миром, а не только Зантосом.

Бог посмотрел на склоненную голову человека. Все люди, которых он видел, должны были четко определить свое место в мире, но многие — даже среди его последователей — оставались непокорными. Они считали, что должны выбирать, во что верить и за кем следовать.

Возможно, этот зантиец был ключом ко всему. Когда Золотой Порт будет поклоняться ему, Бог станет сильнее. Его будет почти не остановить, воин, способный возглавить любую армию, король, устойчивый к яду и клинкам.

— Пойдем со мной, — сказал он охраннику.

— Владыка? — казалось, юноша едва мог поверить своим ушам.

— Я хотел бы поговорить с тобой, — сказал Бог. — Вставай, проситель. Погуляй со мной, — слова были как мед на его языке. Он знал шаги этого танца.

Солдат пошел рядом с ним, лишь раз испуганно оглянувшись на оставленную им дверь. Бог ничего не боялся, поклонение этого человека укрепило его, но он огрызнулся на другого стражника и указал на дверь. Послали за подкреплением, и оно спешило вниз по тропе, оружие приглушенно лязгало.

— Ты родился здесь, — сказал Бог. — Никогда не говорил об Аниосе.

— Мы знали о нем, владыка. О вас, — юноша запнулся в словах. — Но мы не знали, что однажды вы будете ходить среди нас.

Даже Бог до недавнего времени не рассматривал такую возможность, но он не сказал об этом стражнику.

— Когда ты узнал о моем присутствии, что сказали твои семья и друзья? — он заметил, что юноша покраснел. Почему его кожа покраснела? Он вдохнул и почувствовал запах стыда.

Страж сердито покачал головой.

— Они говорили кощунственные вещи, владыка. Не просите меня повторять их, умоляю.

— Не буду. Я просто удивляюсь, как вы видели правду, когда они не видели?

Юноша сутулился.

— Это была правда. Что еще можно было увидеть? Вы — бог. Люди служат богам. Они связали свой союз с другим богом, а вы ходите среди нас. В этом должна быть цель.

«Да, — подумал Бог. — И есть. Я скоро буду править этим миром. Полностью».

Стражу он сказал:

— Есть цель. Я здесь, чтобы спасти всех своих детей. Мир в упадке. Вера укрепит его.

— Я говорю им это, владыка, — страж с готовностью кивнул. — Но что еще я могу сказать? Как я могу им это объяснить? Зантос... — он перевел дыхание. — Золотой порт, особенно. Горожане поклоняются золоту и роскоши. Они виноваты во всем, что вы говорите. Они считают, что хороший лидер тот, кто держит всех в шелках, золотых украшениях и комфортной жизни. Что я им скажу? Как мне это объяснить?

— Скажи им... — Бог запнулся.

«Скажи им, чтобы они поклонялись мне. Скажи им, чтобы не беспокоились о еде в животе или о шелке. Скажи им, чтобы забивали голову только мыслями обо мне».

Но этого было недостаточно. Люди хотели большего. Его брат много раз объяснял ему это, его терпение истощалось с течением времени: *Аниос, люди должны выбирать добро, иначе их поклонение ничего не значит.*

Он был неправ, и Аниос поклялся, что его брат скажет то же самое перед смертью, погруженный в безвестность, ослабленный отсутствием молитв, созревший для удара Аниоса. Когда придет время, его брат увидит, каким дураком он был.

Но сначала Аниосу нужно было поклонение этих людей, и он, похоже, не мог этого добиться. Каждый день в человеческом обличье истощал его, и ему было не так легко, как он надеялся, приобретать новых последователей.

Страж с любопытством смотрел на него, ожидая, что Бог заговорит, и Бог ощутил, как в его груди нарастает паника. Он ненавидел это в этой форме, то, как он мог чувствовать каждую эмоцию.

«Покажи мне, чего желают люди», — приказал он душе Стефана.

Ответ пронзил его, как пламя. Жадность ко всему, пасть, которая никогда не сможет насытиться. Это было холодным, как смерть, и в то же время ярким, как пламя. Бог видел

тысячи воинов, преклонивших колени. Он увидел верующих, распростертых на полу тронного зала. Он увидел медного дракона и улыбки женщин, лежащих на кроватях, покрытых шелковыми драпировками.

Теперь он не мог остановить образы. Он увидел, как Давэд одобрительно кивал, а Матиас стоял рядом с ним на коленях, униженный очевидным превосходством Стефана. Он видел, как лорды эсталанского двора низко кланялись.

«Скажи мне, что сказать последователям, черт тебя побери!» — рявкнул Бог на душу Стефана, а в ответ получил лишь вой. Стефан хотел свободы. Он изо всех сил боролся за слабое, покрытое шрамами тело, в котором жил.

— Владыка? — обеспокоенно спросил страж.

— Это... Это ничего, — выдохнул Бог. — Предательство и...

— Вы умираете? — в вопросе был отчаянный страх.

— Нет, — по крайней мере, это слово он мог произнести. — Убить меня — нет. Это... Я побуду один. Оставьте меня.

— Владыка, — страж опустил на колени, опустил голову почти до земли и поспешил прочь.

Освободи меня, — прошипел Бог на Стефана.

Выпусти меня! — это был раздражительный крик, как у ребенка. — *Освободи меня!*

Спина Бога выгнулась, и он издал сдавленный крик. Страж разрывался между подчинением приказу Бога и страхом перед тем, что произойдет, если Бог умрет, но мгновение спустя продолжил идти.

Его верность пошатнулась. Бог это чувствовал. Ему нужны были быстрые, убедительные слова, а вместо этого его отослали.

Бог боролся с душой Стефана с мрачной решимостью. Человек, бросающий ему вызов — этот человек! Человек, которого Миккел считал возрожденным Аниосом. Теперь Аниос понял, что Стефан хотел, чтобы ему поклонялись только как богу. Он не хотел сдаваться.

Слишком поздно для него, подумал Бог, горько скривив губы. Даже будучи ослабленным, он мог победить одного человека. Он загнал душу Стефана в клетку, пораженный ее свирепостью, а затем доковылял до фонтана в центре сада и сел, дрожа.

В зале совета раздались крики, и через мгновение двери распахнулись. Бог услышал голос Миккела и устало закрыл глаза. Он не хотел сейчас слушать Миккела.

Но от него не убежать, и когда он открыл глаза, то увидел, что стражи тащат между собой избитую фигуру. Бог встал, слегка покачиваясь, и посмотрел на женщину в лапах стражи. На ней были бриджи и туника, волосы были коротко подстрижены, но больше он ничего о ней не мог сказать.

— Что это?

— Мы поймали ее, когда она пробиралась в канализацию, владыка, — ответил один из стражей.

— Видели, как она бросала сообщение в воду, — сказал Миккел. Его губы скривились. — Она отказывается говорить, куда она пыталась доставить его или что там было сказано.

Женщина пошевелилась и с большим усилием подняла голову. Ее дыхание свистело в легких. Боль, исходившая от нее, была свежей и яркой. Когда Бог склонил голову, чтобы посмотреть на нее, ее глаза остановились на нем. Она улыбнулась...

И плюнула в него.

Стражи повалили ее на землю и били ногами и кулаками. Треск — ребро, как догадался Бог. Она хранила молчание при каждом ударе, хотя он чувствовал расцвет боли каждый раз, когда удар попадал в цель.

— Достаточно, — он резко провел рукой по воздуху и встал на колени рядом с ней. — Скажи мне. Кому ты доносила информацию?

— Ты... — она хватала ртом воздух. — Ты не бог. Ты притворщик.

Сомнение зародилось в умах стражей вокруг него. Бог выбросил руку, схватил ее за горло и поднял в воздух. Сил на это у него едва хватило, но он должен был показать им, кто он такой. Он держал ее там, пока она начала бороться, и только когда сомнения начали исчезать, он отпустил ее, позволив ей беспомощно упасть на камень тропы.

— Дай ей смерть трех узлов, — сказал он Миккелу. Эта женщина хотела поговорить о божественном? Ее можно убить, чтобы дать ему силу. — Потом пусть ее повесят, чтобы ее союзники, где бы они ни были, могли увидеть, что с ней случилось.

Он бросил последний взгляд на женщину и зашагал прочь, ярость пылала в его груди. Восстание? Они сейчас организовали восстание?

Это должно быть прекращено, и как можно скорее. Если бы он умер в этой форме, он был бы потерян. Навсегда. И у него не было сил подняться.

У двери в зал совета он обернулся.

— Миккел.

— Владыка? — Миккел поспешил к нему. Стражи ждали, между ними была полумертвая пленница.

— Мы уплывем, — сказал ему Бог. — Отдавай приказы. Подготовь.

— Владыка, — Миккел колебался. — У нас не хватает собственных подготовленных моряков. Нам придется положиться на людей Тиниана, а они доказали...

— Сделай это.

— Я видел планы, владыка, — Миккел заламывал руки. — Я не уверен...

Лорд схватил его и притянул ближе, его руки сжали мантию Миккела.

— У нас будет победа. Я снова сяду на трон в Эстале. У нас есть паршивец, Альберто. У нас есть моя сила. Мы плывем.

Страх пронзил Миккела, но он поклонился.

— Да, владыка. Я займусь этим немедленно.

— Еще кое-что.

— Да, владыка? — страх в душе. Он вонял этим.

Бог посмотрел на пленницу.

— Принеси мне ее кровь, чтобы я напился.

Она была сильной. Она накормит его если не своим поклонением, то самой своей сущностью.

— Да, владыка, — прошептал Миккел.

19

Серена

Во дворе раздавались крики сапожников, кузнецов и солдат. В помещении было так много людей, тревожно кричащих и толкающихся, что оно казалось совершенно непроходимым. Серена остановилась на ступеньках большого зала, от удивления открыв рот. За все свои годы она никогда не видела ничего подобного.

— Ну же, — Каролина дернула Серену за руку.

— Я не уверена, что нам следует.

— О, не будь такой застенчивой. Ты все время выходишь в город.

Прежде чем Серена успела ее остановить, Каролина ринулась вниз по лестнице в толпу людей. С волосами, заплетенными в косы вокруг головы, и одетой в те же бриджи и тунику, что и любой паж, она быстро затерялась в толпе.

Ругаясь, Серена последовала за ним. Она проскользнула сквозь толпу так осторожно, как только могла. К ее большому смущению, даже несмотря на толпу людей, многие расступались, чтобы пропустить ее.

— Ваше Высочество, — бормотали они, кланяясь.

— Прошу вас, — зеки Серены пылали. — Я не хочу прерывать вашу работу.

— Серена! — крик Каролины эхом разнесся по двору. — Шевелись!

Со вздохом и смехом Серена поспешила через пустое пространство, благодаря других.

Во дворе посольского корпуса было не меньше активности. Теперь менти тренировались в строю, бросая огненные шары и сильные порывы ветра, в то время как волки и даже лев ждали в углу. Серена сглотнула, спеша мимо них. Она знала, что они — люди, но они все еще пугали ее.

Она позвала Каролину вместе с собой наверх, затем взяла сестру за руку и потащила ее за собой, когда младшая хотела остаться и посмотреть на волшебство.

— Я хотела увидеть!

— У тебя опалятся волосы, — весело сказала Серена. — Когда все это закончится, ты сможешь посмотреть много тренировок, если захочешь.

— Могут ли я тоже быть менти? Как Лука?

— Может быть, — Серена почти не обращала внимания.

— Я думаю, что хотела бы превратиться в волка, — сказала Каролина. — Рвать все своими когтями. И зубами. У меня были бы длинные острые зубы.

— Да, милая, — Серена выглянула в дверной проем и улыбнулась. — Привет, Нико.

Нико со вздохом облегчения оторвался от работы.

— О, слава богам, вы здесь.

Он был окружен грудями бинтов, которые нужно было намотать, трав, которые нужно было упаковать, мазей и бальзамов, которые нужно было распределить. У каждой группы солдат был медик, и им потребуются бальзамы и бинты, которые готовил Нико. Хотя в замке было много хирургов и целителей, Серена подумала о том, чтобы сравнить мази и бинты Нико с их, и она обнаружила, что часть его целебной силы, похоже, перешла на материалы, которые он делал, потому что они работали намного лучше.

Он едва мог обеспечить целую армию, поэтому она шла ему на помощь вместе с несколькими дворцовыми слугами. Но и Серена, и Нико хотели, чтобы он сделал все возможное. Кто знал, сколько жизней они могут спасти?

Серена села на один из стульев и жестом пригласила Каролину сесть. Девушка поморщилась, глядя на груды бинтов, но приступила к работе достаточно быстро, как только Серена показала ей, что делать, и с большим удовольствием рвала ткань на полоски.

Серена работала так быстро, как только могла, направляя других на ходу. Во время своих обходов в больницах она поняла, какие припасы потребуются на случай ранения, какие травы наиболее полезны для остановки кровотечения, какие мази лучше всего подходят для заживления ожогов. Поскольку до отплытия войск оставалось мало времени, им нужно было сосредоточиться только на том, что принесет наибольшую пользу.

— Я получила известие от Луки два дня назад, — сказала Серена Нико. — Он возвращается с двумя сотнями менти.

— Двести? — Нико посмотрел на нее, пораженный.

— Да, — Серена криво улыбнулась. — Он тоже был весьма впечатлен. Он сказал, что их могло быть и больше, но он решил не пускать в бой никого моложе пятнадцати.

Нико покачал головой и издал глухой смешок.

— Мой отец сказал бы, что если они достаточно взрослые, чтобы умереть, они достаточно взрослые, чтобы сражаться.

Серена не стала с ним спорить. Она знала, что Нико не верит в то же, что Джеральдо, и одобрял действия Луки.

Каролина, однако, сердито выпятила грудь.

— Кто такой Лука, чтобы решать, кому идти? Я хочу пойти.

— Каролина, сестра, — Серена отложила свою работу и полностью сосредоточилась на девушке. — Нет, ты не хочешь идти.

— Хочу, — настаивала Каролина.

— Что сказал бы Матиас?

— Кому какое дело до того, что сказал бы Матиас? Матиас мертв, и никто из вас не сможет вернуть его, как бы часто вы ни вспоминали о нем.

— Каролина, — на этот раз заговорил Нико. Он покраснел, когда она посмотрела на него. — Ваше высочество. Прошу прощения, — он встал на колени рядом со стулом Каролины. — Великолепно представлять, что сражаешься за тех, кого любишь, не так ли?

Каролина кивнула, нахмурившись.

Нико нахмурился вместе с ней, но не так. В то время как раздраженное выражение лица Каролины было детским, утомленные глаза Нико выражали зрелость.

— Солдаты на другой стороне думают так же. Они такие же, как ты и я. У них есть братья и сестры, двоюродные братья, родители. Это люди, любимые своими семьями. Когда вы представляете себе борьбу за то, во что вы верите, чтобы спасти это, борьба означает, что вы должны разрушить это для кого-то другого.

С лица Каролины исчезла сердитая хмурость, и печаль пробежала по ее лицу, как тучи по солнцу. Увидев влагу в глазах сестры, Серена была потрясена. Она никогда раньше не видела Каролину такой. Она никогда не видела, чтобы слова так действовали на ее сестру.

— Иногда у нас нет выбора, — сказал Нико. — Сейчас один из таких моментов. Но, ваше высочество, как тот, кто ухаживает за ранеными, кто видит цену битвы, я лучше многих знаю, что битва — ужасное дело. Взрослые редко должны драться. Дети никогда не должны этого делать.

Каролина сморгнула слезы с глаз.

— Я не знала, — умоляюще сказала она. — Я просто подумала, что вы все хотели, чтобы я была женственной.

— О, любовь, — Серена подошла, чтобы обнять ее. — Мы думаем, что ты идеальна. Может, когда-нибудь ты тоже станешь солдатом, и из тебя выйдет отличный солдат. Но ты слишком молода, чтобы сражаться в этой войне.

Каролина медленно кивнула.

— Трудно не уметь биться, — сказал Нико. Каролина прищурилась, почуввав банальности, но вместо этого Нико улыбнулся ей. — Я иду в бой, но лечу. Я не дерусь. Иногда я чувствую себя беспомощным, но уход за больными дал мне цель.

— Да, — Каролина ухватилась за это. — Я не люблю ждать позади. Могло случиться все, что угодно.

Серена смотрела на Нико с полуулыбкой. Когда он так говорил, с него спадала вся юношеская неловкость. Она могла представить, каким он будет через десять лет: целителем с магазином в городе, разговаривающим с маленьким ребенком, порезавшим ногу битым стеклом, или старухой с непрекращающимся кашлем. Такие вещи могли быть в мире, который допускал менти.

В мире, который был в покое.

— Но вы не просто останетесь, — сказал Нико. — Вы будете здесь готовиться возглавить Эсталу, да? Ваша сестра будет здесь, чтобы служить регентом, и она будет учить вас делам двора.

Серена надеялась, что на ее лице не отразилось смятение. Каролина и в лучшие времена была несговорчивой, и у нее не хватало терпения на что-то вроде изучения придворного дела. Судя по складке между бровей Каролины, она думала о том же.

Нико рассмеялся. Он снова начал распределять лекарства по порциям, складывая их в ящики, чтобы слуги несли их на рыбацкие суда.

— Когда я был младше, — сказал он, — я хотел быть бардом. Я воображал, что буду ходить из города в город, распевая эпические сказания о рыцарях и прекрасных дамах. Представьте мое удивление, когда я узнал, что не могу нести мелодию, чтобы спасти свою жизнь.

Каролина хихикнула.

— Но я могу лечить, — сказал Нико. — Вместо этого я обязательно слушаю всякий раз, когда поблизости появляется бард, а иногда я ворую лютню старого Хью и пытаюсь на ней сыграть. Я был уверен, что никогда не стану целителем. Это казалось слишком скучным. Теперь у меня не было бы другого выхода, чего бы это ни стоило.

Серена колебалась. Лука только однажды упомянул об ученичестве Нико, и он был уклончив, но это прозвучало так, как будто Джеральдо не был добр к юноше.

— Твой отец тренировал тебя, — сказала она, стараясь говорить без каких-либо интонаций в голосе.

Нико замер. Его карие глаза задумчиво посмотрели на нее, а затем он отвел взгляд.

— Мы не всегда выбираем то, как обстоят дела, — сказал он. — То, как меня обучали, не всегда было мягким, — его грубый голос говорил о том, что дело было не только в том, что учеба не была мягкой, и его руки дрожали. Но он глубоко вдохнул и продолжил паковать свертки. — Но я понимаю, почему он это сделал. В мирное время не нужно делать такой выбор.

Серена думала о Луке и о себе. Она чуть не приказала совершить переворот, от которого ее руки были бы в крови, и она даже не могла с уверенностью сказать, правильно ли поступила, отказавшись отдавать приказы.

«В мирное время не нужно делать этот выбор», — она могла только надеяться, все более горячо, на мир.

Снаружи поднялась суматоха, и Серена вдалеке услышала вопль:

— Король! Король!

— О, мы должны организовать чертову коронацию, — пробормотала Серена. — Это становится смешным, — она кивнула Каролине. — Пойдем к твоему брату? — обращаясь к Нико, она добавила. — Тебе нужно отдохнуть?

— Нет, — он слабо улыбнулся. — Если бы вы видели мое обучение, вы бы не спрашивали об этом сейчас. Еще руки, может, чтобы смотать бинты, но не отдых. Все равно времени на это нет.

Серена улыбнулась и проводила Каролину, пообещав, что они скоро вернуться.

В главном дворе толпа людей расступилась, менти устремились к покоям послов. Лука, разговаривавший с мужчиной в лейтенантской форме, сразу заметил их, и его лицо озарила улыбка.

— Лучшая новость, — сказал он Серене, подойдя, чтобы пожать ей руки. — Здесь не только Рева — там, видишь? — а еще Сэм и Карлия. И он у нас есть, — он кивнул мужчине з Зантоса с такой же темной кожей, как у брата Аксила. — Ато. Помнишь, когда произошло извержение горы Зин?

Серена ахнула.

— Четвертый дракон?

— Да, — сказал Лука. — Нам безмерно повезло, что мы его нашли. Четверс тренировались, пока мы ехали. Боюсь, мы напугали жителей деревень, но им нужно было тренироваться. Даже менти тренировались, пока мы шли.

— Они готовы? — Серена перешла прямо к делу.

Лука колебался.

— Настолько они могут быть, — его взгляд скользнул в сторону человека, идущего к ним. — Ах, лорд Роккан. Какие новости?

— Никаких новостей, — ответил Роккан. — Наш гость-зантиец ничего не слышал ни от одного из своих источников. Он беспокоится, что пути в город заблокированы, что, возможно, Тиниана или других шпионов пытали, чтобы выдать их, — он увидел Каролину и сглотнул. — Он любитель драматизма, наш шпион, — хрипло сказал он. — Куча чепухи, много ерунды. Сообщать, наверное, не о чем, вот и все. Мы держим Крепость Несры, и Стефан может командовать армией зантийцев, но на особую преданность рассчитывать не приходится. И...

Он прервался. Каролина, совершенно не подозревая, что этот монолог был для нее, отошла посмотреть, как подковывают лошадь.

— Спасибо, лорд Роккан, — Серена улыбнулась ему. — Если вы оба извините меня, я хочу поговорить с леди Авалон.

Рева, по-видимому, уже прошла в покои послов с другими менти и привела с собой дворцового управляющего, который смотрел на нее широко открытыми глазами, пока она подробно рассказывала, скольким людям понадобятся кровати. Через мгновение она повернулась и увидела Серену. К облегчению Серены, Рева улыбнулась.

— Ваше высочество. Помните Сэма и Карлию? И, пожалуйста, познакомьтесь с Ато из Зантоса.

— Последний дракон, — Серена сжала руку Ато. — Мы благодарны за вашу помощь.

Губы Ато изогнулись в удовольствии.

— Две недели назад я пас коз. Я никогда не встречал этого «Стефана», — он пожал плечами. — Но они говорят, что он никуда не годится. Я слышал, он убивает менти.

— Это и многое другое, — Серена заставила себя улыбнуться. — Вы окажете миру большую услугу, Ато, — Реве она сказала. — Поужинаете с нами сегодня вечером? Я знаю, что лодки скоро отплывают, и у вас может быть много дел.

— Буду, — пообещала Рева. — Но сначала нужно срочно найти много коек. Я думала,

они знают, сколько менти придет.

— Я думаю, что указания, вероятно, потерялись где-то посреди всей этой подготовки, — Серена покачала головой. — Я посмотрю, чем могу помочь.

20

Лука

Лука улыбнулся, делая глоток вина. Угощение перед ними не было таким роскошным, как многие блюда, которые он видел, но никто, казалось, не возражал. Мясо съели, остались одни объедки, сыр лежал рядом с тарелками с фруктами, слегка тая на теплом вечернем воздухе, а корзины с хлебом завершали картину.

И смех. Сколько изысканных блюд он ел в этих комнатах в тишине или в сопровождении корыстной лесты Йозефа?

Он с горькой улыбкой заглянул в свое вино и поставил кубок на стол.

— Как только он понял, что мы торчим из окон, конечно, он покраснел как свекла, — лорд Роккан развлекал их рассказами из казарм, которые, как возражал брат Аксил, совершенно не подходили для дам, но которые, похоже, очень нравились Серене и Реве.

— Что он делал? — спросила Рева лорда Роккана. Она бросила взгляд на остальных за столом, и эмоции смешались, когда ее глаза встретились с глазами Луки, но мгновение спустя она улыбнулась ему, той самой улыбкой, которую он помнил с дней, проведенных вместе в детстве.

Он ответил на улыбку. Он не мог иначе.

— Он выпрямился, — лорд Роккан не заметил рассеянного внимания Ревы. Он откусил кусок мяса и изобразил, как выпячивает грудь и упирает руки в бока, изображая раздираемого гордостью генерала. — И он сказал нам: «Все сюда немедленно на утреннюю разминку! Что вам мешает, ленивые задницы?» И он ушел! Голый, как в день своего рождения. Он больше никогда об этом не упоминал, и ни у кого не хватило смелости поднять эту тему.

Серена покраснела, но она также смеялась. Она нуждалась в этом, подозревал Лука. После ее печали из-за потери друга, брата Рафаэля, работы в больницах и в качестве регента, не говоря уже о подготовке к их проникновению в Золотой Порт, он задумался, когда она в последний раз так смеялась.

Несмотря на его ранние протесты, брат Аксил смеялся от души, как и все остальные, и даже губы Джеральдо подрагивали.

Лидер менти согласился прийти на ужин, когда Лука предложил, хотя и предупредил, что они должны тратить время на приготовления, а не на «бесполезную роскошь». Лука улыбнулся, а Джеральдо прибыл наряднее, чем обычно, лаконично кивая всем. Теперь он и лорд Роккан отошли к одному из боковых столиков с кубками вина в руках, чтобы еще раз изучить планы, в то время как Рева начала рассказывать историю о замке Авалон.

Лука на мгновение откинулся на спинку стула, но пение птиц в саду было достаточно сладким, чтобы привлечь его к окну. Он облокотился на подоконник и попытался отпустить все.

В течение нескольких дней он мало что делал, кроме планирования построений солдат, обсуждая, сколько менти каждого таланта куда послать и какие маршруты через Золотой порт важнее всего охранять. Голова кружилась от цифр: тридцать владеющих огнем, двенадцать владеющих водой, семеро умеющих управлять ветром. Одна пантера, один лев, восемь волков...

Это было решено. Они составили план после исчерпывающего обсуждения, и больше не было смысла об этом думать. Как сказал лорд Роккан, перебор размышлений — враг действия, и, как сказал брат Аксил, король должен принять решение и следовать по пути, не колеблясь.

В любом случае, Лука перестал сомневаться в себе. Он сделал лучший выбор, какой только мог, и теперь он не позволит сомнениям терзать его. Теперь ему нужна была его сила и его товарищи-бойцы, как владеющие магией, так и вооруженные.

Он заметил фигуру в саду и нахмурился. В сумерках проскользнула высокая стройная тень. Неужели...

Так и было. Таня гуляла одна по саду в том же красном платье, что и в Золотом Порту. Лука какое-то время смотрел, опасаясь, что она его увидит, но Таня продолжала смотреть на цветы вокруг нее. Нахмурившись, Лука оттолкнулся от окна и подошел к двери, ведущей в сад.

— Лука? — голос Серены был бодрым.

— Я скоро вернусь, — сказал ей Лука. Голос у него был легкий, но смотреть Реве в глаза он не посмел.

В саду Лука медленно шел по дорожкам, пока не поравнялся с Таней. Когда она, наконец, признала его присутствие, он увидел, как она горько смотрит на него. Мгновение спустя из его покоев донесся женский смех, и она плотно скрестила руки на груди, скривив рот в гримасе.

— Таня... — его голос оборвался. Он не знал, что сказать.

— Она была твоей невестой, — голос Тани был ровным. — Леди, которая может носить платья и возглавить восстание, — она рассмеялась. — Она мне нравится, Лука. И очевидно, что тебе тоже.

— Ты мне тоже нравишься, — слова вылетели раньше, чем Лука успел их остановить.

Таня крепче сжала руки.

— Не так, как она.

— Это неправда, — возразил Лука. — Когда я приехал в лагерь, наша дружба — или даже больше, чем дружба — была настоящей.

Он замолчал и отвернулся, чтобы посмотреть, как лунный свет падает на один из маленьких декоративных прудов. Когда он был в лагере менти, он оплакивал Матиаса и решил никогда не использовать свою магию. Затем, постепенно, он начал верить, что жизнь может продолжаться.

Он не собирался возвращаться в Эсталу. Что было для него в крепости Несры? Никто не ожидал, что он доживет до совершеннолетия, и меньше всего сам Лука, поэтому никто не планировал для него будущего. Со своей магией он был уверен, что навсегда останется врагом отца. Рева была замужем за другим лордом, а Лука был далеко, без титула.

Было естественно задаться вопросом, как он мог бы построить новую жизнь.

Через некоторое время он посмотрел на милую Таню, которая грустно улыбалась ему.

— То же самое было и со мной, — тихо сказала она ему. Ее голос дрогнул. — Если бы все было по-другому, если бы твой брат никогда не пришел за тобой, думаю...

Лука обошел пруд и сел на одну из скамеек, приглашая ее сесть рядом с ним.

— Да. Я тоже так думаю. Ты бы помешала мне задрать нос.

Она издала звук с притворным отвращением, толкнув его локтем в бок и рассмеявшись.

— Ты — маг огня. Это самый распространенный вид менти. Как можно задрать нос?

— Понимаешь? — Лука тоже смеялся. Тем не менее, в ее глазах была боль, и он хотел сделать все возможное, чтобы прогнать ее. — Таня, я не хочу, чтобы ты грустила.

— Мне не грустно, — сказала она сразу, и тон ее был колючим. Она скрестила руки и подняла ноги, чтобы скрестить их. Это смотрелось нелепо с прекрасным платьем, но это больше походило на нее. Через мгновение она выдохнула. — Ты можешь идти домой, вот и все. Ты здесь со всеми людьми, которых ты знаешь, а что будет со мной, когда все это закончится? Я не могу вернуться домой.

— Можешь, — сказал Лука.

Она грустно покачала головой.

— Никто не примет меня обратно после того, как я причинила боль людям, где я выросла.

— Могут принять, — настаивал Лука. — Эстала изменится. Вернется к тому, что было. Менти не всегда были нашими врагами. Именно ненависть моего отца позволила возвыситься Ордену Понимания. Я никогда не пойму... — он покачал головой. Он никогда не поймет, что довело его отца до таких крайностей, и это его огорчало. Они никогда не смогут рассказать о том, что произошло, когда умер Матиас.

Он смотрел на звезды и боролся за самообладание.

— В Зантосе все может измениться, — наконец, сказал он ей. — Они никогда не ненавидели менти так сильно, как мы. И им понадобятся учителя для академий.

— Джеральдо рассказал мне о твоём плане. Но у нас никогда не будет таких академий.

— Может, будут, — Лука задрал плечи. — Я тут подумал, что, может, именно об этом я и попрошу Тиниана.

— Что? — сказала она, нахмурившись.

— Мы освобождаем Зантос, — объяснил Лука. — Мой отец получил бы все, что мог, в сделках. Тиниан будет ожидать этого, — он подумал о совете Тиниана и ощутил обычный прилив гнева, но он не дал себе поддаться ему. — Но я не хочу этого. Серена объединила нас с Зантосом, когда обручила Альберто с Орианой. Это будущее, которого я хочу, чтобы обе страны процветали. Они будут кормить друг друга, как всегда. Я подумал, что, возможно, попрошу Тиниана объявить менти гражданами и создать для них тренировочные центры в Золотом Порту или, может, немного за его пределами, — он подумал о взрывах и наводнениях, вызванных тренировками менти, и немного рассмеялся.

Таня издала смешок. Должно быть, она думала о том же.

— Он всегда оглядывался, ожидая, когда ты попросишь его о чем-то еще, — сказала она Луке.

— Это его дело, — Лука вздохнул. — Так что ты можешь вернуться домой. А если не можешь — если не хочешь — знай, тебе здесь всегда рады.

— Не думаю, что мне бы это понравилось, — откровенно сказала она.

Мысль о полной ее потере заставила его на мгновение задуматься, не совершил ли он ошибку. В конце концов, он и Рева вместе успешно спланировали нападение, но это вряд ли означало, что она его простила. Его желудок сжимался, когда они были вместе, но это не означало, что она когда-нибудь снова полюбит его.

— Таня, — сказал он немного отчаянно.

Она снова толкнула его локтем.

— Не глупи, Людо.

— Но что, если Рева...

— Тебе предстоит битва, — она опустила подбородок и приподняла брови, говоря ему выражением лица, что он должен быть серьезен. — Сначала сразись, а потом беспокойся о своей королеве.

— Верно, — он уставился на свои руки. Он чувствовал, что что-то не закончено, но знал, что это не его дело. Таня должна была найти свою жизнь. — Хотя я еще не знаю, моя ли она королева. Я... — он остановил себя.

— Ты на это надеешься, — закончила она за него.

Он не мог встретиться с ней взглядом. Потом кое-что пришло ему в голову, и он повернулся к ней.

— Мы говорим так, будто собираемся выиграть эту войну.

— Мы собираемся победить, — Таня улыбнулась. Затем она покачала головой. — Лука, я не имею в виду, что это не будет ничего стоить. Война всегда такая. Но за последние несколько недель я повидала достаточно, чтобы знать, как ведет себя Стефан. Он просит свои страны построить ему храмы. Он ни о ком не заботится. Кто-то вроде Стефана не может править вечно. Весь мир отвергнет его.

— Я не понимаю, чего хочет Стефан. Он сумасшедший? Он жаждет обожания? Он хочет быть богатым? Ни одно из его действий не имеет для меня смысла. С таким правлением ему будет нечем и некем править, — Лука вздохнул. Ему хотелось понять, с кем он должен был сражаться.

Таня пожала плечами.

— Иногда невозможно понять, потому что мы не можем думать, как человек, которого хотим знать. Ты — разумный человек, — сказала она с ухмылкой. — По большей части, Людо. Стефан не работает с разумом или логикой. Его решения мотивированы чем-то еще.

Лука поймал себя на том, что кивал. Она была права: Стефана не понять. Он не был тем братом, которого когда-то знал Лука. Но в нем все же была некоторая предсказуемость: в конце концов, он всегда отдалялся. Услышав, как Йозеф сказал ему, что только он мог победить Стефана, было очень странно слышать, как Таня говорила, что весь мир сделает это за него.

Ему это понравилось, решил он. У него не было особого желания быть королем. Это никогда не было его судьбой. Он просто оказался в нужном месте в нужное время. Это ему просто дали, не больше и не меньше.

И все же...

— Что произойдет, когда он поймет? — спросил Лука.

— Хм?

— Когда он поймет, что не может победить, как думаешь, что он будет делать? — Лука раскрыл ладони, словно взвешивал два невидимых предмета.

Судя по выражению ее лица, она боялась ответа так же сильно, как и он. Затем она тяжело сглотнула и сказала:

— Мы должны убедиться, что он никому не причинит вреда, — слова были немного неустойчивыми.

Лука кивнул. Он понимал. Стефана нужно было убить как можно скорее, прежде чем он сможет принять какое-либо опрометчивое и глупое решение.

— Принц Лука? — голос позвал из окна наверху. Брат Аксил высунулся в отверстие. — Посланник.

Лука испугался тона Брата. С Таней он поспешил к лестнице. Они ворвались в его

покои и обнаружили голого мужчину, закутанного в плащ.

Лука недоверчиво посмотрел на мужчину.

— Я — оборотень-ястреб, — сказал мужчина.

Лука тяжело сглотнул. По крайней мере, это объясняло его наготу. Странно, но он чувствовал некое родство с этим человеком. Он хотел сказать ему, что ястреб спас ему жизнь во время битвы со Стефаном в Зантосе, но передумал. Это был всего лишь ястреб, а не менти.

— Какие новости? — спросил Лука.

— Они могут знать, что я приходил, — в голосе мужчины звучала дрожь поражения. —

И они могли обнаружить, где находится наше укрытие. Эту информацию нужно использовать с умом. После этого мы не сможем вам помочь.

— Да, — нетерпеливо сказал лорд Роккан. — Но какие новости?

— Флот Зантоса отплыл, — ответил мужчина, глядя на их перепуганные лица. — Стефан, Бог, остался, но их флот растянулся широко. Мы сделали все возможное, чтобы пометить некоторые корабли, но...

— Они отплыли, — прервал его лорд Роккан.

— Да. Прошлой ночью.

Наступила минута молчания. Затем Джеральдо сказал:

— Нам нужен новый план.

— Да, — Лука надел обруч на голову. — Кто-нибудь, найдите этому человеку одежду и еду. Лорд Роккан, пошлите за нашим шпионом-зантийцем. Рева, нам нужны другие драконы. Серена, прикажи немедленно загрузить корабли, а солдат поднять и приготовить. Таня, ты тоже знаешь Золотой Порт. Ты остаешься. Брат Аксил, помогите мне принести карты на стол.

Он увидел одобрительную улыбку гувернера, когда все в комнате начали действовать.

— Это тебе подходит, — сказал он, когда они подняли подносы с едой со стола и переместили их на пол.

— Это ненадолго, — сказал Лука, — если мы не придумаем новый план.

21

Рева

Ветер хлестал под крыльями Ревы, она заставляла себя лететь быстрее и сильнее. Она не привыкла к весу на спине, но она должна была летать. Все зависело от этой битвы. Рохеса сжимала ее чешую, пока они летели, а Рева держалась так уверенно, как только могла, чтобы ее подруга не упала с ее спины.

Настоящая битва четырех королей, — с удивлением сказал Сэм прошлой ночью. Теперь Рева повернула большую чешуйчатую голову в его сторону. В тумане она едва могла разглядеть его очертания. Он был лишь тенью в облаках, даже на рассвете.

Рева никак не могла разглядеть Лотти. Она и Джосс были надежно привязаны к спине Сэма, чтобы окутать двух драконов туманом. Любой достойный моряк заметит облако, движущееся к ним против ветра, но, если повезет, они решат, что это магия, а не крылатый зверь, в которого нужно целить стрелы.

Карлия и Ато были высоко, так высоко, что ни стрелы, ни даже баллисты не могли добраться до них. Так высоко, что все надеялись, что солдаты на кораблях Стефана примут их за птиц.

Если Рева и Сэм выполнят свою работу правильно, солдаты будут слишком рассеяны,

чтобы вообще что-либо заметить.

Ястреб взлетел в облако и изо всех сил старался не отставать от драконов. Это был шпион, прибывший в Реялон прошлой ночью, и полет взял свое. Ястреб мог использовать течения над морем, но это все еще был подвиг, и по необходимости ястреб должен быть с ними сейчас, чтобы сказать им, когда сбрасывать туман.

Мы близко, — крикнул он. — Печать Аниоса была нарисована на палубах кораблей с людьми Стефана, которых он сам выбрал.

Рева приготовилась к тому, что должно было произойти. Они знали, что у Стефана не было достаточно верных солдат, чтобы заполнить корабли, и что он собрал армию из простых людей Эсталы — разношерстных, обезумевших последователей Аниоса — на столько кораблей, сколько смог. Они не были обученными солдатами, но были отчаянными и фанатичными и могли нанести значительный урон в бою.

Это были корабли, которые Рева и Сэм должны были сжечь, а с ними, скорее всего, сжечь и шпионов, и всех матросов-зантйцев, которым не повезло попасть в команду, не говоря уже о рабах на веслах.

Пусть шпионы делают свою работу, — посоветовал оборотень-ястреб. — Если они могут кого-то спасти, они это сделают. Уничтожение армии Бога важнее всего.

Рева знала, что разрешение этим кораблям вступить в бой будет стоить большего количества жизней, возможно, безоружных мирных жителей Реялона, если корабли будут допущены. Это все еще огорчало ее.

Сейчас! Пикируй сейчас! — крикнул ястреб.

Держись крепче! — сказала Рева Рохесе, зная, что ее подруга будет цепляться за нее изо всех сил.

Облако исчезло в одно мгновение, Рева и Сэм расправили крылья, чтобы рвануть вниз. Под ними раскинулся флот, сорок кораблей, вооруженных и оцетинившихся солдатами. Баллисты заполнили палубы, готовые обрушить ярость на стены Реялона.

У них не будет шансов. Рева поклялась в этом. Теперь, когда она могла видеть ненависть в глазах солдат Стефана, ее выбор стал более ясным. Эту ненависть нельзя было обрушить на ее город.

Она открыла рот, когда они подлетели ближе к кораблям, приготовила силу и выпустила залп огня. Мачты загорелись, и она резко накренилась, чтобы пролететь по узкому кругу, повернув шею, чтобы дальше извергать огонь. Это была демонстрация. Корабль мог бы загореться с меньшим количеством пламени, но другие корабли, те, что везли солдат Тиниана, должны были увидеть, на что способны она и Сэм.

Она взмыла в воздух, чтобы осмотреть местность впереди них. Крики, доносившиеся с корабля, были ужасны, и она хотела заглушить их, но не могла.

Если сгорят два корабля, по догадке оборотня-ястреба, нужно будет уничтожить еще восемь. Рева отыскала следующий знак, разделяющий поле боя на две неровные половины, и снова стрелой направилась к самому дальнему кораблю.

Они подготовили свою баллисту, и ей пришлось уклониться от снаряда. На ее спине, она почувствовала, Рохеса тряслась от страха. Для человека было ужасно летать так высоко, как Рева и Сэм, а тем более быть на спине дракона при всех маневрах, которые сейчас проделывала Рева.

Она пролетела раз над этим кораблем и сделала петлю, добавляя скорость, чтобы в секунду извергнуть пламя. Ни один из кораблей не ожидал нападения, поэтому они не

подготовили вооружение. Оставив их тушить меньшие пожары, Рева таким же образом поступила с двумя другими кораблями на своей стороне.

Потом вернулась к первой паре. Пламя распространялось, несмотря на усилия экипажа, и она понимала, что для его уничтожения не потребуются ничего другого. Сделав последний пролет, она замерла, чтобы дать себе минутку покоя.

— Еще два корабля! — крикнула Рохеса.

Рева расправила ноющие крылья, спикировала к кораблям и закричала в агонии, когда стрела пронзила тонкую перепонку крыла.

— Продолжай летать! — отчаянно кричала Рохеса. — Убери их быстро! Это единственный способ избежать повторного ранения!

Ее слова успокоили Реву, когда она хотела остановиться. Она позволила своей ярости вырваться из нее в огне и с удовольствием направила залп пламени на баллисту, пока ее заряжали. Сооружение рухнуло, и пламя поглотило корабль.

Теперь ко второй части их плана. Рева сделала круг, чтобы пролететь над одним из кораблей без знака, а Рохеса перерезала веревку, на которой держался небольшой утяжеленный пакет. Он шлепнулся на палубу корабля, на нем развевалась белая ткань, и Рева полетела к следующему кораблю.

Она зависала над каждым кораблем, покачивая тяжелой головой, чтобы убедиться, что снаряды не готовятся, а затем приказывала Рохесе сбросить один из пакетов. Быстрый взгляд сказал ей, что Сэм делал то же самое.

Рева сделала последний пролет. На другой стороне палубы она увидела, как солдаты бросают оружие и опускают паруса. Ее охватила волна облегчения.

Когда они отправились в Реялон, матросы не знали, что на других кораблях есть шпионы. Они ожидали, что, с чем бы они ни столкнулись, это будет направлено на них в равной степени, как и на другие корабли. У них не было причин полагать, что драконы пощадят их, уничтожая корабли с фанатиками Стефана. Но ни один из генералов Луки не хотел кровопролития сверх того, что было необходимо, поэтому Лука составил письма, которые были скопированы, каждое из которых было завершено его печатью и подписью:

Солдаты Зантоса, бросьте паруса и оружие, и вы будете помилованы, ведь не подняли оружие против моего народа. Когда ложный король восседает на троне, используя ужас как оружие, нет ничего постыдного в следовании приказам.

Фальшивый король будет побежден сегодня. Покажите нам, что ваши корабли нам не враги, и пропустите наш флот, и не будет возмездия, когда Стефан, сын Давэда, будет побежден. Мы нанесем удар прямо по дворцу и оставим город невредимым.

Лука, принц Эсталы

Вдалеке мерцали первые белые проблески флота Эсталы — не только маленьких рыбацких лодок, но и больших кораблей, хотя и немногочисленных, на которых находились солдаты, верные эсталанскому трону.

Рева видела, что корабли выполняли приказ, и собиралась улететь, когда услышала позади себя крик. Небольшая группа солдат Стефана, должно быть, находилась на борту одного из других кораблей, потому что они сражались с другими, заряжая баллисту, чтобы запустить снаряд в Реву.

— Лети вниз! — крикнула Рохеса.

— Я не могу использовать свое пламя! — крикнула Рева.

— Да, но я могу использовать свои когти, — Рохеса улыбнулась. — Мы должны

показать, что хотим защитить их от солдат Стефана.

Рева кивнула и устремилась вниз, подальше от баллисты. Фанатики сражались насмерть на главной палубе корабля, и она понимала их фанатизм. Дракон был мощным оружием, и вывод его из строя стоил бы Стефану многих жизней.

Она зависла над кораблем, и Рохеса прыгнула, сорвав с себя платье и мгновенно изменив облик. Она бросилась в бой без паузы, хватая фанатиков Стефана зубами и царапая их когтями. Они кричали, когда умирали, и солдаты Зантоса сжимались.

Закончив, Рохеса прыгнула к Реве, и Рева поняла, что должна приземлиться. Они сделали жест, но не продумали, как посадить Рохесу на спину.

Она приземлилась так осторожно, как только могла, и выгнула неповрежденное крыло, чтобы защитить подругу, пока та снова надевала платье. Рохеса взобралась на спину Ревы и обратилась к матросам:

— Это леди Рева Авалон, дракон принца Луки. Сегодня она борется за вас, а также за себя и Эсталу. Она освободит вас от ложного короля.

Солдаты Зантоса захлопали, когда Рева прыгнула в воздух. Она взревела в небе, и аплодисменты распространились на другие корабли. Они не знали, что было сказано, но знали, что их товарищи-солдаты были рады драконам.

Предложение Рохесы помочь было хорошим. Аплодисменты подняли настроение Реве и придали ей сил. Она пролетела над флотом, боль в ее крыле присутствовала, но она терпела. Рева встретила с Сэмом.

Они приняли сделку, — проревел он ей.

Они приветствуют всех, кто освободит их семьи от Стефана, — отозвалась Рева.

Они поднялись против ветра и нашли участок прогретого солнцем воздуха, где ветер был слабее.

Ты ранена, — крикнул Сэм.

Ничего, — отозвалась Рева. Но когда она повернулась к морю, у нее сжалось сердце при виде горящих кораблей. Они распадались, и некоторые уже почти не дымились.

Мы сделали все, что должны, чтобы спасти больше жизней, — голос Сэма звенел от боли, и Рева знала, что он слышал те же крики, когда уничтожал другую половину кораблей фанатиков. — *Смотри только вперед, Рева, а не назад.*

Вперед, — согласилась Рева. Она повернула голову туда, где Карлия и Ато едва виднелись вдалеке. Они несли подобранную Лукой группу, которая должна была штурмовать замок, и она почувствовала внезапный прилив беспокойства. — *Туда. Давай поможем нашим друзьям.*

Вместе с Сэмом она прибавила скорости и смотрела, как вода проносится под ней. Стефан сделал первый ход, но она поклялась всем, что он не выиграет. Она отказывалась видеть, как мир переделывается по его образу.

22

Бог

Бог сидел на корточках на парапетах дворца в форме дракона, его когти вонзались в окрашенный золотом камень. Позади него гудели неистовые песнопения его самых верных последователей, всех их довел Миккел до иступления. Находясь в относительной темноте того, что сейчас было тронным залом, они выкрикивали имя Бога в любви и молитве.

Аниос! Аниос!

Бог в удовлетворении закрыл глаза и позволил их поклонению литься на него. На

мгновение он поверил, что все было так, как должно быть, как он и представлял, когда решил вернуться в это измерение. Он представлял себе улицы, полные просителей на коленях, умоляющих о его благосклонности. Он представил благовония и пение в храмах.

Мир порядка. Мир, управляемый его светом, а не отвратительным хаосом, который всегда создавали люди. И они создали его, лишив Бога того, что должно было стать его тронном в Эстале, и отказавшись поклоняться ему здесь, в Зантосе. Их упрямое послушание букве его законов, преклонение колен и презрение к нему в сердце едва не стоило ему всего.

Теперь, однако, с морским бризом, кружащимся вокруг него, с солнечным светом на его чешуе, с пенопениями и поклонением его последователей, струящимися над ним волной чистой силы, Бог мог вообразить, что у него есть мир, которым он всегда хотел править.

Мир, который у него будет. Он поклялся в этом себе. Будь он проклят, если позволит снующим насекомым уничтожить его.

Он открыл глаза и сторбился. Когда он двинулся, посыпались каменные осколки, и солдаты на стенах встревоженно закричали. Бог игнорировал их. Он сосредоточился на море, где увидел странное облако, движущееся к его кораблям. Человеческие глаза еще не могли видеть флот, но его глаза могли.

Через мгновение облако исчезло, и он увидел вспышку драконьего огня.

Так вот что скрывало облако. Два дракона, если он правильно посчитал вспышки пламени. Золотое пламя и зеленое. Видел ли он солнечный свет, отражающийся на медной чешуе?

Вождение и страх пронзили его одновременно. Он отправил эти корабли под покровом темноты, выводя войска слишком быстро, чтобы кто-либо мог этого ожидать. В совете было общеизвестно, что он хотел напасть, но его советники предотвратили это.

Итак, кто знал? Кто и как сообщил об этом Эстале? За городскими туннелями тайно следили — так шпиона нашли прошлой ночью. Но теперь два дракона подожгли его флот.

Лука тоже отправился в плавание? Его сердце на мгновение забило в панике, и он развернулся, сбросив большой кусок окрашенного золотом камня. Он взревел от ярости, сбега по широкой лестнице в зал совета. Ему нужна была сила его последователей, чтобы утолить страх.

Он получал особое злобное удовольствие, разрушая все, что мог, продираясь через роскошную комнату. Его хвост хлестал фрески и статуи, а когти рвали ковры.

В бывшем зале совета, ныне его тронном зале, он нашел Миккела, ведущего молитву последователей. Альберто и Ориана сжались в глубине комнаты, бледные и молчаливые, пока Миккел призывал фанатиков к еще большим высотам поклонения. Собственная мантия Миккела была снята до пояса, чтобы обнажить спину, истекающую кровью от самобичевания. Многие сделали то же самое, и пол был скользким от их крови.

Поклоняющиеся заплакали от радости, увидев Бога. Их оставили позади, когда Бог отправился наблюдать за своим флотом. Он собирался следовать за кораблями сегодня ночью, прибыть с ними в темноте и сеять разрушения на Реялоне с Альберто в своих когтях. Тогда они никогда не посмеют стрелять в него.

Вместо этого ему нужно лететь сейчас, чтобы встретить флот посреди моря и уничтожить противников. А для этого ему нужна была сила.

Он шагнул вперед, мотая головой в стороны, открывая и закрывая пасть. Запах крови его последователей опьянял его, был полон их пыла и силы. Он увидел свою первую жертву, мужчину лет сорока, с густой сединой в волосах, но телом сильным и непоколебимым. Его

голова была запрокинута, он изо всех сил выкрикивал свою молитву.

Бог сокрушил тело мужчины в своих челюстях, и даже в его мучительном крике было благословение. Он умер с восторженной улыбкой на лице, приветствуя приходящую боль. Его кровь стекала по челюстям Бога и заливала пол. Бог щелкнул челюстями, чтобы проглотить тело, и почувствовал, как его сила нарастает. Ему показалось, что издалека он услышал крик страха Орианы.

Теперь его последователи шагали вперед, протягивая к нему руки.

Я, владыка! Выбери меня!

Владыка, я бы дал вам силы!

Аниос!

Он не торопился, выбирая других. У них был нож, которым они охотно размахивали, проливая кровь, чтобы запах дошел до него. Их глаза были такими же глубокими и безумными, как пустота между мирами, и Бог наслаждался этим.

Да, именно такими должны быть люди, так они должны жить. В их головах не должно быть никаких мыслей, кроме любви к богам. В конце концов, людям нельзя доверять мысли. Их мысли были лживы и хаотичны. Благоговение превратило их в то, чем они были на самом деле, и от этого они стали счастливее.

При виде людей, тянущихся к нему, душа Стефана зашевелилась. Бог почувствовал сильное желание быть человеком, бездельничать на троне, пока его последователи соревнуются, чтобы произвести на него впечатление. Он хотел, чтобы лорды бросали ему свое золото и драгоценности, и трон и корону больше, чем было у Давэда.

Бог зарычал на душу Стефана. Это было уже не его тело. Как он посмел бросить ему вызов, когда ему был дан большой дар, чем любой человек мог когда-либо мечтать? Быть сосудом для бога означало стать больше, чем любой другой человек мог надеяться стать. Почему Стефан был не рад?

В ярости Бог сжал челюсти вокруг первого человека, на котором остановился его взгляд: женщины с коричневой кожей и коротко стриженными волосами. Рубцы на ее спине, казалось, почти светились. Она не возражала, пока он разрывал ее на куски, просто сдалась, будто это была величайшая радость, которую она когда-либо испытывала, и при всем ее спокойствии ее счастье было таким же острым, как и у мужчины.

Окрепший, Бог оглянулся и увидел более молодого мужчину, худощавого и с осанкой аскета. Как долго он жил в Золотом Порту, ожидая такого лидера, как Бог?

«Ты никогда не узнаешь жизни без меня», — думал Бог, пожирая человека. Хотя тело мужчины было слабым и не содержало столько энергии, как другие, его душа была сильна. Бога пропитал жидкий огонь, он приветствовал его так, как мог только дракон. Да, этот последователь хранил в своей душе поклонение, но и кипящую ненависть к Тиниану и ему подобным. Бог упивался ненавистью и ревел от удовольствия.

Фигура на краю толпы привлекла его внимание и мысли: мужчина, подумал он, в капюшоне и покачивающийся. Мужчина хлестал себя, и, хотя он все еще был в мантии, он разорвал ее плетью. В нем была цель и решимость, ощущение очищенной от страха души.

Он. Он был нужен Богу.

На мгновение он превратился в человека, его тело было наполнено ощущениями. Его последователи прижались, чтобы прикоснуться к нему. Он ответил на их крики, упиваясь их откровенным безумием, и направился к мужчине на краю комнаты. Он должен поговорить с этим человеком, узнать секрет его решимости.

Фигура продолжала раскачиваться, когда Бог подошел ближе. Он осознавал присутствие Бога, но его разум был свободен от всех других мыслей, пока он качался. Бог смотрел только на него, когда вышел из толпы последователей, жестом призывая их остаться. Они неохотно отступили, все еще шепча его имя.

Аниос. Аниос...

— Посмотри на меня, — велел Бог. Он подошел ближе и потянулся к мужчине.

Быстрая, как змея, рука мужчины вырвалась наружу. Железная застежка сомкнулась на запястье Бога, и голова мужчины поднялась, его капюшон сполз.

Тиниан.

В нем больше не было ни страха, ни надежды на спасение. Тиниан принял свою цель, как любой настоящий, хаотичный, неблагодарный человек. Его глаза остановились на Стефане, когда он ударил спрятанным кинжалом, вонзая его глубоко в грудь Бога.

23

Тиниан

Острие кинжала вонзилось в плоть Бога с удивительной легкостью, и Тиниан мог только удивляться, почему он не попытался сделать это раньше. Было множество моментов, когда он был достаточно близок к Богу. Долгие собрания совета, прогулки по саду под крики, доносившиеся из города внизу, ужасающие зрелища, на которые он был вынужден смотреть, пока Бог судил и казнил сотни людей.

Слово «убийство» всегда оставляло у него во рту неприятный привкус. Где вежливость в убийстве? Золотой Совет гордился тем, что мстил за обиды золотом, а не сталью. Убийство было аморальным и незаконным. Теоретически, конечно. В данный момент Тиниан не мог вспомнить, почему это должно было быть так.

Сколько можно было бы спасти, если бы он просто вонзил кинжал в сердце Стефана в ту ночь, когда вернулся?

Бог. Не Стефан. Тиниан повидал достаточно, чтобы понять, что то, что обитало в этом теле, уже давно не было человеком. Он не совсем верил, что это был перевоплощенный бог, но у него определенно не было моральных угрызений совести или человеческих чувств.

Несколько мгновений экстатическое пение продолжалось, неуместное, фанатики не подозревали о том, что произошло. Момент, казалось, застыл во времени. Последователи качались и бормотали молитвы, звуки ударов плетей и вскрики эхом разносились по залу, а кровь заливала обнаженную грудь Бога. Хотя вокруг него было какое-то движение, Тиниан был совершенно неподвижен, с вытянутым кинжалом и рукой Бога, стиснувшей запястье Тиниана, с широко раскрытыми от удивления глазами над изуродованным, искаженным лицом.

Огонь Луки оставил шрамы, вспомнил Тиниан. Тело Стефана, сосуд Бога, никогда не было непроницаемым. Он должен был сделать это раньше.

Бог резко отшатнулся, и нож выпал с ужасным звуком. Из раны хлынула кровь, и Бог посмотрел на Тиниана с крайней ненавистью — и, как ни странно, с чувством триумфа.

Последователи не увидели ничего странного в окровавленном ноже Тиниана. Многие из них сжимали ножи, надеясь соблазнить Бога, чтобы он насытился их кровью. От ненужности этого Тиниана мутило. Они видели кровь, но ничего не сделали.

Но Миккел знал. Миккел сразу понял, что это должно означать.

— Хватайте этого человека! — его крик был высоким и паническим. — Заприте комнату!

Тиниан выпрямился с насмешливым смехом.

И увидел, что глаза Бога не тускнеют и не темнеют. Кровь все еще текла из раны, почти заливая его обнаженное тело, но он все еще стоял. Он не рухнул на пол. У него не было замедления дыхания.

Он не умер.

Тиниан побежал.

— Альберто! — он развернулся и побежал к одному из дверных проемов, искусно вырезанных в стене, протягивая руку, чтобы побудить Альберто и Ориану бежать к нему. Стражи, незнакомые с залами совета, подошли к большим дверям в конце комнаты, чтобы преградить им путь, и не успели они добраться до группы, как Тиниан рванул потайную дверь и побежал по извилистым коридорам.

Коридоры были узкими, предназначенными для скрытного побега. Дети спотыкались, когда Тиниан подталкивал их вперед, отдавая краткие команды на каждой развилке.

Он не мог удержаться от того, чтобы оглядываться на бегу, из-за чего он замедлялся и спотыкался. Он проклинал себя за это, но не мог выкинуть из головы образ этих глаз: холодных и безжалостных, живых, какими не должны быть. Будто стекающая кровь показала правду о том, что жило в этом теле.

Он был богом.

И Тиниан попытался убить его.

Его разум кричал, что он мертв, что нельзя сражаться с богом и остаться в живых. Поэтому бежать не имело смысла. Какой он был дурак, если думал, что мог обогнать бога, который не умер, когда пролилась его кровь?

Но почему-то он продолжал двигаться. Даже когда ему казалось, что он слышал шарканье шагов позади себя и представлял себе, какой ужас мог быть там, одержимый мстью, он продолжал бежать. Даже когда он услышал далекий лязг стражей, ищущих другие двери, ведущие в скрытые туннели, он продолжал бежать.

Но помощь была уже в пути. Он слышал гром шагов в коридорах и благодарил за это всех богов, которые были. Дети отшатнулись, испугавшись, и он толкнул их вперед сильнее, чем хотел. Он устал от бега, от того, что собирался сделать то, что должно быть сделано, от осознания того, что он будет мертвецом, когда все это закончится.

— Продолжайте, — прошипел он.

— Но, сэр... — даже сейчас Альберто был вежлив.

У него не было времени на большее, прежде чем отобранные Тинианом солдаты вышли из соединения туннелей. Они отсалютовали Тиниану и позволили ему пройти в центр группы, прежде чем все снова отправились в путь. Туннели здесь были шире и вели к нижним этажам замка.

Но кто-то мог это знать. Кто знал, сколько из них либо обратились на сторону Бога, либо с ужасом признались в том, что знали? На каждой развилке солдаты отделялись от группы, заполняя звуком все туннели, так что никто из преследователей не мог с легкостью определить, куда ушла группа.

Тиниан продолжал бежать, делая повороты, которые выучил наизусть, и начал подниматься. Он поднимался по узким лестницам и петлял, изгибаясь, следуя какой-то логике, известной только строителям. Его дыхание сбивалось, и он сожалел, что не мог оценить красоту вокруг себя. Даже эти коридоры были изысканно отделаны красивой каменной кладкой.

Все его мышцы горели, когда он карабкался на крышу, поднеся палец к губам, призывая остальных молчать. Сработал ли их обман?

Он открыл дверь на крышу и вышел.

Бог отвернулся от того места, где стоял, и посмотрел на город. Он не оделся. Рана каким-то образом все еще кровоточила. Тиниан вспомнил последователей, которых дракон поглотил непосредственно перед тем, как Тиниан ударил его ножом, и с трудом подавил тошноту.

— Привет, Тиниан.

Все на крыше шарахнулись от этого голоса. Казалось, он пришел из далеких эпох. Это был голос не человека, а бога. Как они когда-либо принимали его за кого-то другого?

Прежде чем Тиниан смог позволить себе как-то иначе отреагировать, он вскинул руку и выпустил в воздух крошечный шарик. Он взмыл вверх, сверкнул, когда начал падать.

С тихим чириканьем, едва слышным с того места, где они все стояли, он взорвался магической силой, посылая дождь голубых искр на улицы внизу.

— Владыка, — Тиниан знал, что его голос был полон презрения.

— Где малявки? — Бог подошел к нему, его лицо озаряла улыбка.

Тиниан отступил в сторону, чтобы показать солдат позади себя. Их было десять человек, каждый в черном и вооруженный до зубов.

Альберто и Орианы там не было.

— Ты никогда не найдешь их вовремя, — сказал Тиниан Богу. Хотя его грудь все еще тяжело вздымалась от подъема по лестнице, он позволил себе легкую улыбку.

Они с самого начала знали, что если у Луки и был шанс спасти их, то Альберто не мог попасть в руки Бога. Даже опытный полководец мог споткнуться, когда его плоть и кровь оказывались на линии огня, а Лука был шестнадцатилетним принцем, даже не коронованным, с небольшим количеством сражений за плечами.

Как только флот отплыл, и Бог прояснил свои намерения, Тиниан привел план в действие. Все шпионы знали сигнал. Они ждали несколько дней, чтобы вывезти Альберто и Ориану из города.

Это была маленькая победа, хотя он знал, что сейчас произойдет. Он смотрел на море и чувствовал, как сердце наполняет тоска. Человек всегда думал, что он мог еще жить. Он не предполагал, что все закончится таким образом.

Ему показалось, что он увидел движение, мерцающее в морском воздухе, похожее на птицу, но крупнее.

Драконы. Прибыли другие драконы.

Его сердце забило быстрее. Вот что нужно чувствовать в присутствии дракона: благоговение и надежду. Не страх. Не тошнотворная ненависть.

Рычание Бога было настолько низким, что Тиниан скорее чувствовал его костями, чем слышал.

Он не отвернулся от моря. Ему всегда нравился вид с солнечным светом, похожим на монеты на воде, и, глядя на него сейчас, он знал, что спасение приближается. Он раскинул руки и почувствовал прикосновение пламени, и его жизнь милостиво погасла в мгновение ока.

Огонь дракона, в конце концов, был горячим.

Голубые искры взорвались над дворцом, и Рева вскинула голову, чтобы убедиться, что Сэм их заметил.

Сигнал! Альберто свободен! — она взмахнула ноющими крыльями, заставляя себя лететь быстрее, и поняла, что достигла своей цели, когда Рохеса испуганно взвизгнула и впилась ей в шею.

Рева оскалила зубы в безмолвном драконьем смешке от реакции подруги. Конечно, она не стала бы смеяться Рохесе в лицо, но для серьезной женщины, способной превращаться в пантеру, Рохеса на удивление боялась высоты.

Полет скоро закончится, — молча пообещала Рева Рохесе. Как обычно с другими оборотнями, она была почти уверена, что ее сообщение не было переведено полностью, но Рохеса, должно быть, услышала ее утешительный тон, если не слова. Она почувствовала, как Рохеса еще крепче обхватила руками ремни на спине, и больше не слышала беспокойного визга.

Альберто был свободен. Рева надеялась, что Лука заметил сигнал. Серена надеялась, что Альберто увидит новые земли и будет жить счастливой жизнью среди зантйцев, а вместо этого он стал пешкой Стефана. Ни один ребенок не заслуживал этого — или той участи, которая, как все знали, постигнет Альберто, как только он перестанет быть пешкой, чтобы держать Луку в узде.

Ненависть Ревы к Стефану вспыхнула, и она зарычала. Жестокость Давэда была ужасна — безразличная и окутанная ложным прагматизмом, — но, по крайней мере, под его правлением Эстала в основном жила спокойно. Он и не думал требовать постоянного обожания. Он носил корону как бремя и устал от поклонов и заискивания двора.

Стефан требовал, чтобы поклоны ему причитались, и этого ему никогда не будет достаточно. Все его благочестие было лишь корыстным орудием для собственной славы. Рева ни на мгновение не поверила, что Стефан потребовал построить новые храмы во славу Аниоса. Вместо этого они были во славу Стефана.

Теперь он утверждал, что является возрожденным Аниосом, и ее презрение выросло, соответствовало ее ненависти. Стефана нельзя было достаточно любить как человека, поэтому он решил притвориться богом?

Он был дураком, и когда его тело будет выставлено на обозрение, его последователи увидят, что они творят жестокость и насилие без всякой цели.

Дикое удовлетворение, которое она испытала при этом, было смягчено печалью. Жестокости не могли быть отменены. Убитые граждане Эсталы и Зантоса не могли возродиться. Семьи видели, как их близкие умирали от чумы без лекарства, которое сжигали на кораблях. Вместо того чтобы получить утешение от священников, им сказали, что в этих мучительных смертях виновата их нечестивость.

Никогда больше, пообещала она себе. Это были слова Луки, и, вопреки своей воле, она начала ему верить. Вдалеке ее острые глаза едва различали фигуры Карлии и Ато. Они начали спускаться к городу, неся свой груз менти, и у Луки, наконец, появится шанс сразиться со Стефаном и отомстить за те смерти, которые принес Стефан.

Волна страха охватила ее при мысли о Луке, таком человечном и маленьком, сражающемся с драконом. Еще до того, как она поняла, что делает, она начала заставлять себя лететь быстрее, чтобы быть рядом с ним. Каждая мысль о нем еще вызывала чувство предательства и горя, и все же...

Какими бы ужасными ни были его действия, она обнаружила, что понимает их. Кем бы

она пожертвовала, чтобы увидеть уничтожение Садов Аниоса? Если бы она могла пощадить целую армию и послала бы не своих солдат — хороших людей, людей с семьями и честью, — а безмозглых, ненавистных чудовищ, чтобы убивать ее врагов, разве она не сделала бы этого? Не была ли она, по крайней мере, искушена?

В то же время Рева подумала о Карине, Рохесе и Лотти. Она не пожертвовала бы ни одной из них, несмотря ни на что. Она скорее пожертвует собой, как это сделала для нее Эмми. Опять же, на ней не было ответственности короля.

Воспоминание об улези, перелезающих через стены замка Далур, привело ее в ужас, но оно дало драконам ценную практику совместной работы перед этой битвой и уничтожило большую часть улези, которые думали, что столкнутся с одним из драконов, а не четырьмя.

Водоворот ее мыслей, отчаянная попытка не думать о предстоящей битве, был прерван, когда она увидела полосу зеленоватого драконьего огня на парапетах замка. Болезненная зелень отражалась на золотой поверхности замка, почти неестественно в свете рассвета, и Рева почувствовала старое отвращение. Менти. Враг. Извращение природы.

Она мотала головой, чтобы узнать, что ждет впереди. Стефан был на крыше дворца, и если бы они могли удержать его там и сразиться с ним, они могли бы покончить с этим сейчас.

Где мы оставляем людей? — спросила она Сэма.

Нет времени! — крикнул он.

Мы не можем позволить им замедлить нас, и его огонь убьет их.

Рева и Сэм обменялись встревоженными взглядами, отчаянно хлопая крыльями, и она увидела разочарование в глазах Сэма. Они оба знали, что с их уставшими крыльями и форой Стефана он мог уклониться от них. Сэм хотел ударить немедленно, прежде чем у Стефана появится шанс сбежать.

Но как бы они ни устали, любое препятствие могло склонить битву в пользу Стефана.

Нам нужно только удержать его, — наконец, крикнул Сэм. — *У меня за спиной два менти, которые могут помочь. Мы должны поймать его и отвлечь от двух других.*

Рева издала драконий зов, чтобы сказать ему, что она его услышала, и привлечь внимание Стефана. Ей показалось, что на крыше дворца зеленоватый дракон повернул к ней голову. Был момент связи между ними, нежелательное вторжение в ее разум.

Моя пара, — его мысли проявились в ее голове странной тенью. Она увидела образ себя, который он видел во сне.

Рева летела сквозь тьму и рассвет, убивая и фанатиков, и невиновных. Теперь она устала, и у нее была тоска на сердце. Но тот вопль расплавил ее страх за Луку и Альберто и ее гнев за граждан, которым Стефан причинил боль, превратив во что-то раскаленное: раскаленную добела ярость.

Стефан занял троны и командовал армиями. Для него даже десяти тысяч человек, выкрикивающих его имя, никогда не будет достаточно. Она ненавидела его за это.

Но она знала лишь малую часть того, чем на самом деле была ненависть. Рева никогда больше не будет рабыней. Она разорвет Стефана на части, прежде чем позволит ему объявить себя своей парой.

Она чувствовала себя возрожденной в своем гневе, усиленной им до такой степени, что ее физическая форма едва могла его сдерживать. Рев вырвался из ее пасти, настолько громкий, что два дракона, спускающиеся по спирали из облаков, остановились. Затем ответили все трое ее союзников, и ее сердце воспрянуло.

Стефан! — крикнула Рева. — *Твое время закончилось!*

25

Карина

Альберто и Орианна рыдали от страха на бегу. Карина сжимала их руки, пытаясь хоть как-то успокоить их, пока они неслись по извилистым проходам под городом.

— Еще немного, — уговаривала она. — Не долго. Не хотите прокатиться на лодке? — она нервно взглянула на Гerrasа, который сопровождал ее. Последнее, что им было нужно, это истерика детей.

Альберто издал сдавленный всхлип.

Конечно, с болью подумала Карина. Последний раз, когда он плывал на лодке, его похитили. Бедный ребенок был вырван из дома, не попрощавшись со своей семьей, только для того, чтобы добраться сюда и оказаться в заложниках. Она прикусила губу, чтобы сдержать слезы. У нее была важная задача, и ей нужно было сосредоточиться.

— Вы оба очень храбрые, — сказал лейтенант Геррас. Его голос был глубоким и уверенным. Он взял Орианну за руку и кивнул Карине, чтобы она продолжала держать Альберто. — Когда я был мальчишкой, я всегда прятался, когда происходило что-то страшное. Я не понимал, что иногда нужно делать страшные вещи, вещи, которые требовали смелости, чтобы быть в безопасности. Но вы оба уже это понимаете.

Дети смотрели на него с благоговением. Карина спрятала улыбку. Им по-прежнему нужно было двигаться быстро, чтобы не быть застигнутыми врасплох насилием, которое обрушится на город, но теперь они были почти в безопасности, почти у дамбы и их маленькой лодки.

Они наткнулись на солдат Тиниана в одном из проходов. Шпион Тиниана выкрикнул приветствие, и солдаты ответили осторожно. Все они были настороже, но все решил Альберто, который расплакался, увидев знакомую одежду эсталанского солдата.

Обсуждений было немного. С лодкой наготове Карина и лейтенант Геррас предложили увести Альберто и Орианну с поля боя, и солдаты Тиниана с радостью согласились. В конце концов, они хотели вернуться и сразиться с армией Бога, захватившей Золотой Порт. Вместе с двумя эсталанскими солдатами Карина, Геррас и дети ушли от опасности.

Это была не та битва, которую планировала Карина, но втайне она была довольна. У нее не было особых боевых навыков, и ни Альберто, ни Орианна не заслуживали того, чтобы ввязываться в это. Кроме того, ее смена облика — неотъемлемая часть ее боевой тактики — имела тенденцию истощать ее в течение длительных периодов времени.

Теперь лейтенант Геррас делал вид, что помогал Орианне преодолевать даже малейшие неровности на пути. Его пристальное внимание заставило ее улыбаться и смеяться, а его пример вдохновил Альберто сделать то же самое для Карины. Обоим детям удалось отвлечься от страха, и лейтенант Геррас повернулся, чтобы подмигнуть Карине. Она улыбнулась в ответ, невольно краснея.

Теперь они были на последнем отрезке коридора, и солнечный свет указывал им путь к лодке. Свистел морской ветер, и земля была мокрой. И Альберто, и Орианна делали вид, что жалуются на то, что их туфли испортились, но Карина заметила, что они оба изо всех сил топтали водоросли и лужи.

Дети, казалось, везде были одинаковые, даже королевские дети.

— Из меня ужасный моряк, — сказала она Альберто, как бы доверительно. Когда он посмотрел на нее, его карие глаза были счастливы и безмятежны, она спросила. — Ты не

поможешь мне с веслом?

Альберто энергично закивал.

— Мы не можем позволить им превзойти нас, — сказал лейтенант Геррас Орианне. — Держу пари, что мы можем грести сильнее, чем они.

Дети начали визжать, выкрикивая вызовы друг другу, выбежали на солнечный свет и бросились к лодке. Солдаты лейтенанта Герраса беспокойно побежали за ними.

— Медленно! — крикнула Карина. — Осторожно, камни скользкие! О, дети — это просто кошмар.

Лейтенант Геррас рассмеялся.

— Моя бабушка всегда говорила, что они полезны, чтобы взрослые не увлекались собой. Я начинаю думать, что она была права.

Карина тоже рассмеялась, и на мгновение им показалось, что они были семьей, отдыхающей у моря. Но тут над головой раздался рев. Она завопила, указывая вверх. Были видны очертания четырех драконов, их крылья сильно хлопали, они парили высоко над головой. Она смотрела, как они летели к Золотому порту.

— Они здесь, — прошептала она. — Они это сделали.

Она бы стояла и смотрела, но лейтенант Геррас взял ее за руку и потащил к лодке.

— Если они здесь, битва вот-вот начнется всерьез, — практично сказал он. — Идем. Давай устроим соревнование по гребле.

— Ты же понимаешь, что если вы вдвоем будете грести сильнее, чем мы, мы просто будем плавать кругами.

Он улыбнулся ей и помог ей и детям сесть в лодку. Он и другие солдаты столкнули лодку в воду и запрыгнули на борт, а Орианна и Альберто захлопали. Когда лодка отчалила, Карина обняла Орианну за плечи.

— Знаю, это было страшно, — сказала она, — но ты была очень смелой.

Девочка улыбнулась, ее глаза были широко раскрыты, а лицо выражало вновь обретенную уверенность.

— Когда я вырасту, — заявила она, — я буду убивать драконов.

— О, нет, — Карина покачала головой. — Когда ты вырастешь, единственные драконы, которые останутся, будут хорошими.

«Пожалуйста, — подумала она, — пусть так и будет».

26

Лука

Рев дракона был настолько громким, что даже высоко наверху, одурманенный от нехватки воздуха, Лука почувствовал, как к нему возвращаются силы. Он схватился за драконью упряжь, которая удерживала его на спине Ато, холодными, ноющими пальцами, пока искал в небе источник зова.

Ато, несущий его по спирали к земле, резко взмахнул крыльями, замерев, удивленный звуком, и Карлия сделала то же самое. Они посмотрели друг на друга, а затем вниз, где вдалеке виднелись Рева и Сэм, летящие к дворцу. Лука не знал, что драконы могут летать так быстро. У него возникла почти пьяная от нехватки воздуха мысль, что Рохеса, Лотти и Джосс сошли с ума от ужаса.

Затем Карлия и Ато завопили, и все мысли растворились в оглушительном звуке. В ушах Луки зазвенело, и он увидел, как остальные на спине Ато сжались.

Не нужно быть драконом, чтобы понять, что это значит.

Ато и Карлия помчались к земле, и Лука боролся с желанием оторвать руки от ремней безопасности и зажать ими уши. Ему казалось, что его голова разрывается на части, пока он опускался. Он знал, что кричит от боли, и остальные тоже.

Должно быть, это произвело какое-то впечатление на драконов, потому что они стали спускаться медленнее, но он чувствовал, как в них вибрирует напряжение. Они хотели присоединиться к битве между драконами.

Когда они, наконец, добрались до земли, там был длинный сад рядом с Залом Совета. Лука боролся с болью и помог остальным слезть со спин драконов так быстро, как только мог. Они спотыкались на отвыкших от движений ногах после путешествия по морю, и одного или двух стошнило на землю. Лука помог им всем уйти, чтобы драконы могли взлететь, а Ато и Карлия бросили на него взгляд, прежде чем прыгнуть в воздух и полететь со всей скоростью, на которую были способны, на рев драконов.

Рева. Сердце Луки сжалось, но у него не было времени думать. Солдаты текли из дверных проемов вокруг них и окружали их с трех сторон. С криком они двинулись вперед, намереваясь загнать менти в конец садов, где их ждал долгий спуск в город.

— В атаку! — закричал Лука.

Менти образовали защитный круг с ним в центре, когда он и двое других, женщина средних лет по имени Джерасса и молодой человек по имени Феодор создали огненные листы, чтобы висеть между менти и их нападавшими.

С криками тревоги, доносившимися из-за пылающей стены, Лука закричал:

— Вперед!

Менти побежали группой, а не-маги огня вели их по ступеням, чтобы они могли сохранять концентрацию.

Лука сосредоточился на своих силах, а Джеральдо занял свою позицию, как они и планировали, выкрикивая приказы бойцам. Огонь был впечатляющим и опасным для их врагов, но Лука не мог поддерживать его и контролировать ход битвы.

— Водные маги, приготовьтесь! — Джеральдо кричал своим сильным, уверенным голосом. — Оборотни, приготовьтесь. Маги воды, сейчас!

Вода из декоративных ручьев была хорошим оружием. Рядом с Лукой Таня дико улыбнулась, выпустив из рук шар с водой. В воздухе он разлился на сотни капель, которые помчались, чтобы столкнуться с пламенем.

Вода и пламя объединились в облако пара, заставив солдат Стефана, спотыкаясь, отпрянуть, закрыв лица руками и визжа от боли. Желудок Луки скрутило в ответ на эти крики, но он не позволил себе нарушить концентрацию.

— Оборотни! — крикнул Джеральдо.

Оборотни разбились на две группы, окружив солдат Стефана. Челюсти щелкали, а когти рвали плоть и кожаную броню. Солдаты кричали и пытались занять позицию, чтобы сражаться с этими зверями. Едва ли можно сражаться с пантерой так же, как с другим солдатом.

— Лука! — Джеральдо снова привлек внимание Луки. — Передняя группа наступает! Останови их!

Лука, тяжело дыша, только кивнул и повернулся, чтобы направить руки на солдат, которые теперь бежали к ним. На этот раз это была не огненная пелена, через которую они должны были идти без перерыва, а отдельные огненные шары, устремлявшиеся в грудь солдатам.

Атака превратилась в замешательство, и солдаты столкнулись друг с другом, пытаясь уйти с дороги. Лука вытянул руки вперед и толкнул изо всех сил. На большой скорости огненные шары сталкивались с солдатами и остались, липли к коже и ткани, до тех пор, пока материал не начинал загораться.

Раздались крики, но Лука больше не слышал приказов от Джеральдо. Это означало, согласно кратким инструкциям Джеральдо всем перед путешествием: «Продолжайте делать то, что делаете. Я скажу, когда остановиться».

Позади он слышал чередующиеся приказы: вода, ветер и металл по очереди обрушивались на солдат, тактика менялась беспорядочно, пока солдаты разрабатывали стратегии для отражения каждой атаки. Маги воды делали землю скользкой, а маги ветра сбивали солдат с ног, или маги огня зажигали искры в волосах и бородах солдат, а оборотни атаковали, пока солдаты были отвлечены, пытаясь потушить пламя.

Тем временем усилия Луки сдерживали наступающих солдат, но не более того. Его внимание было настолько распределено между двадцатью солдатами, что он не мог сосредоточиться ни на одном из них в отдельности.

— Мне нужна помощь! — крикнул он Джеральдо.

— Подожди еще минутку, — отозвался Джеральдо. Он отдал приказ Джерассе и Федору, прежде чем закричать. — Лука, отойди!

Лука наклонился, тяжело дыша, когда по обе стороны от солдат появились стены огня. Они смыкались так медленно, что солдаты, вероятно, сначала не поняли, что происходит, но вскоре они сбились в кучу. Осознав свою ошибку, они бросились в атаку, но не обратили внимания на оборотней, которые теперь разделились с двумя флангами стражей. Несколько оборотней зашли сзади, и они потащили некоторых солдат, чтобы порвать им глотки и раздробить черепа, в то время как другая группа оборотней устремилась в атаку спереди.

Солдаты кружили, пытаясь определить, как сражаться и на чем сосредоточить свое внимание, но они не могли победить, не имея места для маневра. Один за другим они падали.

— Вперед! — крикнул Лука. Его голос был хриплым, он откашлялся и снова произнес слово. Он бросил свое уставшее тело бежать, держа руку на рукояти меча и надеясь вопреки всему, что в зале совета не будет солдат.

Вместе со своими бойцами он толкнул двери и прошел внутрь, вспомнив, как он прибыл в Крепость Несры после первой победы над армией Стефана. На этот раз солдат уже не было, но были фанатики. Кровь залила пол, и многие из них сбились в кучу с выражением ужаса на лицах. По всем телам были следы от ударов плетью, уродливые красные рубцы, от которых Лука скривился.

— Теперь вы в безопасности, — сказал им Лука. — Стефан больше не причинит вам вреда.

В комнате было странно тихо. Не было ни ликования, ни слез. Ничего, пока в центре группы не раздался смех. Внезапно комната словно содрогнулась. Раненые, спотыкаясь, побрели прочь, глаза их потускнели, а среди них появился Миккел. Лука напрягся; он знал, что Брат опасен.

Миккел проложил себе путь из толпы фанатиков. На его торсе, как и у других, были признаки самобичевания. Были синяки и длинные рубцы, и у него был вид человека, который резко похудел.

Но в его глазах не было слабости. Была только ненависть. Он поднял меч и посмотрел

на Луку с презрением.

— Ты. Менти. Ты пришел убить бога, но его нельзя убить. Несколько минут назад он получил ножевое ранение и не умер. Но ты... ты лишь червяк.

Лука был измотан, но знал, что должен сражаться. Он сжал рукоять меча.

— Нет, — чья-то рука легла ему на плечо, и мгновение спустя мимо него прошел брат Аксил, держа в руках длинный посох.

— Гувернер, — сказал Лука, паника охватила его тело.

Чья-то рука потянула его назад, и Джеральдо сказал слова только для ушей Луки:

— Сейчас ты не можешь драться, мальчик. Если попробуешь, падешь. Оставь это старику. Он был на этой земле еще до того, как твой отец получил свою корону.

Лука поддался, но каждая часть его тела была напряжена. Его руки сжались в кулаки, он пытался не вмешиваться. У него перехватило дыхание, когда Миккел бросился на гувернера. Брат Аксил взмахнул посохом в последний момент и отбросил его, проскользнув между Миккелом и Лукой. Два волка подошли к Луке, стояли на страже, их губы скривились в безмолвном рычании. Он положил дрожащую руку на мех, и волк прислонился к нему, чтобы утешить.

Неизвестно, где Миккел научился владеть мечом, но он был более умелым, чем мог предположить Лука. Он высвободил меч из-под удара брата Аксила и отшатнулся, а затем сразу вернулся в стойку с привычкой, выработанной в результате долгой практики.

В ответ брат Аксил скользнул вперед. Обе его руки сомкнулись на посохе, и казалось, что он будет владеть им почти как мечом, пронзая Миккела. Но в последний момент его передняя рука ослабила хватку, и посох рванулся вперед, чтобы врезаться Миккелу в грудь, Аксил ловко уклонился от меча до того, как Миккел успел заблокировать его. Миккел попятился, ругаясь, а фанатики вскрикнули от страха и отступили.

Джеральдо насмешливо фыркнул.

— Они бесполезны без лидера. Любой из нас сражался бы на их месте.

Лука скользил взглядом по комнате, вглядываясь в лица людей, которые поклонялись его брату как богу. Он не знал, что чувствовать. Он полагал, что это были самые набожные люди, и любой из них был бы рад увидеть его мертвым вместе с большинством тех, кого он любил.

Но, как ни странно, он поймал себя на том, что гадал, как они были настолько растеряны, что ухватились за Стефана как за спасителя. Его брат не внушал доверия. Как этих людей привлекла ненависть к самим себе?

Тем временем бой разворачивался с удивительной скоростью. Миккел парировал удары Аксила и часто продвигался вперед, размахивая клинком с опасной смесью мастерства и фанатизма. Если его навыки не были сопоставимы с навыками Луки или Стефана, то это потому, что мальчиков с ранних лет обучали владеть мечом.

Казалось, никто не знал, как вмешаться. Фанатики отшатнулись, словно были потрясены тем, что кто-то мог быть здесь, если не обожал Стефана. Измученные менти были довольны тем, что Аксил сражался именно в этой битве.

— Ты ничто, — плюнул Миккел брату Аксилу. — Потерянный старый священник, преследующий огненного мага! Еретик, причем самый обычный!

Брат Аксил улыбнулся, нырнув под дикий выпад.

— Я служу человеку, чье мастерство заключается в том, чтобы вызывать мужество у тех, кого он ведет. Его коалиция поднимется из этой веры. Стефан падет, потому что не может

добиться верности.

— Ты не знаешь, что такое верность! — Миккел обвел взглядом фанатиков. — Он распоряжается большим, чем ты мог себе представить, старик.

— Преданностью нельзя командовать, — сказал брат Аксил. — Ее можно только заработать.

Миккел усмехнулся.

— Это то, чему ты научил своего хнычущего маленького мальчика? Ты сказал эти слова до того, как он сжег своего брата, или после?

Лука закрыл глаза, думая о смерти своего брата. Именно эта смерть начала войну. Но нет, он не будет чувствовать себя виноватым. Он всегда будет оплакивать Матиаса, но никогда не пожалеет, что отправился в лагерь менти и узнал о своих способностях. Он никогда не пожалеет, что выступил перед Стефаном и боролся за то, что считал правильным.

Столкнувшись с этим нелепым обвинением Миккела, он понял то, что брат Аксил пытался внушить ему с самого начала: смерть Матиаса не была его виной. Он никак не мог предвидеть свои силы или научиться контролировать их. Он открыл глаза и понял, что по щекам текут слезы, но все же чувствовал себя свободнее, чем за последние месяцы.

Он не убивал своего брата.

Брат Аксил взглянул на Луку, оценивая то, что он увидел в глазах своего ученика. В тот же момент Миккел безмолвно атаковал, его глаза наполнились абсолютной ненавистью, а Лука вскрикнул от страха за своего гувернера.

Но Аксил знал, что делал. Он выжидал, а теперь спокойно повернулся и взмахнул посохом по крутой дуге, чтобы выбить меч из руки Миккела. Миккел с криком выронил его и схватился за руку, меч с грохотом упал на пол.

У него не было времени прийти в себя. Брат Аксил быстро шагнул вперед. Посох снова ударил, но на этот раз попал Миккелу в горло, висок, грудь. Снова и снова сыпались удары, пока Миккел не рухнул на пол. Грудь его не вздымалась и не опускалась, а глаза безжизненно смотрели в потолок.

Повисла напряжённая тишина, все в комнате смотрели на тело. Казалось, никто не знал, что делать дальше. Затем раздался грохот, а мгновение спустя со стен посыпался раствор.

Позади него Лука услышал, как несколько человек шепчут молитвы, а затем Джеральдо ахнул. Джеральдо был не из тех, кто так делал, но сейчас он ахнул, потому что смотрел в сад.

— Пойдем, — сказал Джеральдо Луке.

— Что? — Лука, казалось, не мог оторвать глаз от тела Миккела.

— Пойдем, — повторил Джеральдо. — Если я не ошибаюсь, ты скоро увидишь зрелище, которое, возможно, больше никогда не повторится в мире.

27

Рева

Она видела, как битва начала выплескиваться на улицы Золотого Порты. Солдаты Стефана были отправлены из дворца, чтобы бежать к пристани, без сомнения ожидая вражеского флота. Люди давно научились держаться подальше от них, поэтому быстро исчезали с улиц.

Чего солдаты не видели, так это того, что сзади них шли другие солдаты, одетые во все черное, с оружием наготове. Из отчета ястреба-оборотня Рева узнала, что это были солдаты, верные Тиниану, которых призвали проявить себя перед Стефаном и сделать вид, что они

стали последователями.

Теперь эти опасные и тайные бойцы нанесли удар, и солдаты Стефана начали падать, немногие из них осознавали, что их число медленно уменьшается из-за бесшумных атак с тыла их отряда.

Внимание Стефана было сосредоточено на его солдатах, но теперь он поднялся в воздух со сверхъестественной грацией. Кровь покрывала его челюсти. Он повис, лениво покачивая крыльями, и Рева почувствовала, как воздух вокруг него кривился. Что это было, она не могла сказать.

У нее не было времени беспокоиться об этом. Она и Сэм отвернулись друг от друга и повернулись к Стефану в его облике дракона. Рева снова зарычала. Звук поразил даже ее.

Покинь это место, — сказала она Стефану. — *Ты проиграл.* Твой брат займет трон.

Мой брат? — зелено-золотой дракон запрокинул голову и рассмеялся. — *Итак, никто из вас не знал. Вы не знали. Я не Стефан. Я — Бог. Я Аниос.*

Рева презрительно фыркнула, двигаясь вокруг него. Она и Сэм прошли мимо друг друга и продолжили кружить в противоположных направлениях. Как бы этот дракон ни пытался уклониться от них, они смогут быстро преследовать его.

Не веришь? — дракон жадно смотрел на нее. Он обнажил грудь, показывая рану, которая была почти как мираж среди мерцающей чешуи. Над его сердцем была запекшаяся кровь и участок бледной кожи. В своей человеческой форме он получил рану, которая должна была убить его. Возможно, именно это она и почувствовала в его облике.

Рева обменялась обеспокоенным взглядом с Сэмом. Что, если они не смогут убить его? Что, если его не победить?

Ах, теперь вы видите правду, — дракон казался самодовольным, его голос был сильным и высокомерным. — *Но почему мы должны сражаться? Мы — драконы. Пусть насекомые дерутся между собой.*

Ты натравил на нас улези, — сказал Сэм. В его голосе звучала неприязнь. — *Ты, дракон, послал монстров убить нас в наших постелях.*

Ошибка, — голос Стефана был как мед. — *Вы были в союзе с моим врагом. Я должен был прийти к вам прямо. Обратиться к вам как к родным.*

Глаза Ревы сузились. Позади Стефана, на землю возле ступеней, ведущих во дворец, Ато и Карлия приземлялись, чтобы позволить Луке и его менти высадиться. Скоро они вступят в бой, и она не знала, что произойдет.

Мы не должны быть врагами, — сказал им Стефан. — *Мы — драконы.*

Мы люди, — ответила Рева. — *Мы меняем облик, но мы — люди, и все мы жили человеческими жизнями и совершали человеческие поступки. Твои отвратительны.*

Я не человек. Я не Стефан. Я мог бы быть твоим королем. Я мог бы привести тебя к славе на всей земле. Представь это, — его голос был шипящим, тающим и скользящим по ней, как жидкий огонь. — *Твою пару, короля-бога, и твои владения, всех. Ты видела, какие ненавистные действия они совершают друг с другом. Ты могла бы остановить их. Ты можешь навязать свою справедливость, не заставляя их слушать или любить тебя.*

Рева неуверенно отпрянула.

Не слушай его! — крик Рохесы едва проник в ее разум.

Этот дракон увидел в Реве что-то такое, что она всегда стыдливо скрывала. Она всегда хотела большего.

Давным-давно маленькая девочка беспомощно наблюдала, как убивали ее родителей. В

тот момент она хотела только быть могущественной, потому что тогда она смогла бы защитить их. Затем девочку отдали мужчине вдвое больше ее, который причинял ей боль, чтобы унять свой гнев, и она снова почувствовала себя бессильной. Затем, в день, когда умерла ее любимая подруга Эмми, она обнаружила, что в ней есть какая-то сила, сила, которую она может высвободить, чтобы добиться справедливости за то, что случилось с ней и с людьми, которых она любила. Но она снова познала, каково быть беспомощной, когда Сестры заковали ее в железные цепи и когда ее самый старый друг, принц Лука, предал ее.

В те моменты она хотела только власти. Силы творить добро. Исправить ошибки мира.

Было тяжело дышать.

Рева, — теперь голос был наполнен похотью. Дракон покачнулся, его глаза остекленели, будто он вел борьбу внутри. — Рева, — повторил он. — Разве ты не видишь? Это не должен был стать Лука. Он — маг огня, не более того. Я — дракон. Я тебе ровня. Вместе мы будем править миром. Вместе мы будем грозными, и ты больше никогда не будешь беспомощна.

Стефан, ты не можешь...

Нет! — рычание было немедленным. — *Я Аниос. Стефан ушел. Он ничто. Это тело принадлежит мне, и я могу делать с ним все, что захочу.*

Рева успокоилась. В этих словах была доля правды и нечто большее, что Бог, скорее всего, не собирался показывать ей: свою правду. Она увидела тогда, что он был королем лжи, что он использовал любого и отбрасывал, когда от него пропадала польза. Она знала, что он мог чувствовать ее запах, ее страхи, и что он воспользуется этим знанием, чтобы заставить ее думать, что он даст ей все, чего она пожелает. Ни у одного смертного не было его уважения или его любви, и никогда не будет. Если она и будет править вместе с этим богом, этим драконом, или принцем, или кем бы он ни был, то над жалким, выжженным миром.

Она продолжала медленно кружить в воздухе и улыбалась.

Ты не настоящий бог, Аниос. Человечество и боги служат друг другу и должны любить друг друга, а ты презираешь людей.

Он зарычал на нее и повернулся к Сэму.

Ты, — его голос был низким и сладким. — Столько лет взаперти, а потом... — его взгляд неумолимо метнулся к Реве. — Желание, — промурлыкал Аниос. — Наконец-то женщина, достойная тебя, твоего рода. Еще один дракон.

Сэм колебался, и Реве хотелось крикнуть ему, чтобы он сопротивлялся зову, но она знала, что он должен справиться с этим в одиночку. Ато и Карлия подошли ближе, и она встретила с ними глазами, надеясь, что они останутся в стороне.

Однако Бог видел ее сосредоточенность. Он развернулся и зарычал на двух новых драконов.

Бойцы. Вы пришли, чтобы напасть на меня, ничего не зная о том, что я могу вам дать, — он качнул головой между Карлией и Ато, и его глаза остановились на серебре чешуи Ато. — Ты хочешь быть в безопасности, чтобы построить дом со своей женой-настухом. Я могу дать это. Никто не посмеет противостоять тебе, пока я правлю. И ты, старшая сестра, та, что испугалась за свою семью и скорбит. Ты хочешь отомстить, — он кивнул в сторону Ревы. — Она забрала у тебя все, не так ли? Присоединяйся ко мне, и ты получишь месть.

Рева посмотрела в глаза Карлии и увидела глубину ненависти. Никогда Карлия ни словом, ни взглядом не выдавала, что обижалась на Реву за то, что случилось с ее семьей. Но

теперь Рева могла видеть, что в самые темные минуты, в тишине долгих ночей Карлия ненавидела ее за смерть матери и отца.

В этот момент Рева познала истинное отчаяние. Аниос продолжал извращать их самые глубокие, самые темные мысли в свою пользу. Как они могли бороться с ним?

Она искала остальных, отчаянно нуждаясь в их поддержке. Было жутко, ведь, когда она сидела с Сэмом на залитых солнцем камнях замка Далур, когда они думали, что они союзники, но теперь она знала кипящую обиду, которая разделяла их: его несбывшееся желание, ее жажду власти, жажду мести Карлии тем, кто обидел ее, и потребность Ато в нормальности.

Она не хотела этого. Она хотела верности и доверия больше всего на свете, но как они могли получить это, когда это касалось их всех? Ато ненавидел их за то, что они забрали его от будущей жены, и Карлия засыпала по ночам, тихо плача от ярости.

А потом внутри нее вспыхнула правда, великая правда.

Рева взмахнула крыльями вокруг себя и повернула голову, чтобы рассмотреть каждого из них по очереди.

Это не единственные истины, которые у нас есть, — обратилась она к остальным. *— Мы все злились на потери и цеплялись за мелочную ненависть, но мы создали узы, основанные на настоящей дружбе и любви.*

Прошло мгновение, и затем Карлия ответила ей:

Наши семьи чуть не уничтожили друг друга, но мы втроем проложили новый путь.

Я влюбился в мечту, — добавил Сэм уже тише. Он повернулся к Реве. *— Кого еще я мог любить, кроме другого дракона? Я так думал. Но это не так.*

Это преследование менти забрало меня из дома, — вмешался Ато. *— Вам нужна была моя помощь. Вы — не причина моей потери.*

Рева снова повернулась к Аниосу.

Ты говоришь нам правду о нас самих, но мы не измеряемся нашими самыми мрачными мыслями. Нас измеряют наши действия.

Это не будет очередной битвой четырех королей, — согласился Сэм. *— Мы не будем настроены друг против друга.*

Ненависть Аниоса выросла в силу, которую они могли чувствовать, она вызывала отвращение у всех.

Если бросите мне вызов, как и остальные, то умрете вместе с ними, — прорычал он.

Карлия! Ато! Первая атака! — Рева отпрянула с Сэмом, когда Аниос бросился на них.

Ато и Карлия взмахнули крыльями, рубя когтями и выдыхая огонь по кровоточащим ранам. Они оттащили Аниоса, когда он мог наброситься на Реву и Сэма.

Оба быстро спустились по спирали, отпуская своих всадников, а Рохеса и Джосс унесли Лотти в здание быстрее, чем ожидала Рева. Затекли ноги или нет, они знали опасность, когда видели ее.

Два дракона прыгнули в воздух, чтобы охранять людей, Рева махала крыльями так быстро, как только могла, взмыла, чтобы схватить Аниоса зубами за горло и потащить его к воде.

Во всяком случае, она попыталась это сделать. Хотя он истекал кровью и не должен был бить крыльями, он казался нетронутым, и то, что должно было стать трудной, слабой позицией для борьбы, имело больше силы, чем следовало. Он остановил ее, его глаза горели, пока он боролся. Если ее зубы у него на горле и доставляли ему неприятности, он этого не

показывал.

Сэм поднялся над ними, а теперь рухнул, чтобы оттащить Аниоса от Ревы. Два дракона сплелись при падении, царапая друг друга, и Сэм вскрикнул от боли. Когти Аниоса впились в его относительно незащищенную грудь, и он тяжело дышал.

Следующим нанес удар Ато. Его зубы разорвали крыло Аниоса. Сильный или нет, летать с такой дырой в крыле было бы трудно, и Ато увел Сэма, рыча на Аниоса, пока Карлия бросилась на него, чтобы отомстить за рану брата.

Пламя поглотит тебя! — воскликнул Аниос. Он повернул голову, из его челюстей вырвался огонь, и атаке Карлии помешала ее попытка уклониться. Огонь горел жарче, чем когда-либо прежде Рева видела у дракона.

Она приблизилась к Ато и Сэму.

Мы должны работать вместе. Если огонь — его сильная сторона, то вода — его погибель, — она вспомнила костры, которые зажгли последователи Стефана, и почувствовала себя плохо.

Все трое устремились к Аниосу, отбросив его через сады с террасами, а затем над городом. Аниос рычал на них, но вся его сила не могла соперничать с тремя драконами, окружавшими его, и еще одним, изнуряющим его огненными залпами и взмахами когтей.

Крики доносились снизу, и Рева могла только надеяться, что люди наблюдают за битвой, а не будут убиты последователями Аниоса. Она обменялась взглядами с остальными четырьмя, а затем крикнула:

Сейчас!

Ато и Сэм бросились вперед и схватили врага за суставы крыльев. Они понесли его вниз, ревя сквозь стиснутые зубы, пока все трое не погрузились под волны в гавани. Пар шипел и поднимался между ними тремя, а Рева и Карлия кружили все ниже и ниже.

Аниос вырвался на свободу, над поверхностью, и они вдвоем нырнули, чтобы снова утащить его вниз. Рева смутно осознавала, что Сэм и Ато всплыли на поверхность, чтобы сделать огромные вдохи воздуха, но затем вода сомкнулась над ее головой. Под поверхностью пар клубился облаками пузырей, пока Аниос рвался на свободу.

Он уставал, но не так быстро, как они. Он снова вырвался на свободу, и Рева и Карлия отчаянно поплыли вверх, хватая воздух, а Сэм и Ато нырнули. Секунды превратились в минуты, в плотки воздуха и мгновения битвы. Линии боли открылись вдоль тела Ревы, вода наполнилась кровью.

А потом ее челюсти, сжимавшие крылья Аниоса, ничего не укусили. В воде она почти ничего не видела.

Драконы выбрались и кружили, с любопытством переключаясь друг с другом. Теперь Сэм едва мог летать, и Карлия поддерживала часть его веса, летела под ним, помогая ему вернуться на берег.

Затем Рева увидела это: человеческое тело под поверхностью. Она нырнула и схватила его когтями, затем бросила на брусчатку возле пристани.

Под хор криков солдаты, одетые во все черное, оттеснили толпу, чтобы Лука и его менти могли пройти. Они взяли лошадей из дворца и были покрыты потом и кровью. Лука спрыгнул с лошади, подбежал к Реве и прижался руками к ранам на ее боках.

Она опустила морду, чтобы подтолкнуть его, и он рассмеялся. Он ни разу не взглянул на тело своего брата; его внимание было сосредоточено на его союзниках. Позади него Нико ухаживал за Сэмом, сосредоточенно закрыв глаза и соединяя воедино мышцы, кожу и

чешую.

Когда раздались крики, все обернулись.

Тело не было мертвым. Он подтянулся, неестественно бледный, схватился за голову.

— Мое! — прорычал он не им, а себе. — Тело мое! И меня нельзя убить!

Лука жестом отослал их всех, выхватил оружие и в ужасе уставился на труп своего брата.

— Стефан, — прошептал он. Это был детский голос, тихий и умоляющий. Рева увидела, как он покраснел от стыда. После всего случившегося было очевидно, что Лука все еще испытывал к этому существу какую-то братскую любовь.

Тело замерло. Оно покачнулось на ногах, а затем застонало, схватившись мертвыми пальцами за голову. Когда он посмотрел на Луку, его глаза больше не были ямами безумия.

Лука сглотнул. Было что-то пугающее в возвращении Стефана в это тело, но Стефан принес в мир столько жестокости, столько насилия, что он заслужил безжалостный конец.

Лука взял себя в руки и глубоко вдохнул.

— Стефан? — снова спросил он.

Рот тела бесшумно открылся и закрылся, а затем оно произнесло:

— Лука, — голос Стефана, его голос. Звучал он хрипло. Пальцы сжались, и он задохнулся. — Он хочет... он хочет забрать тело.

— Стефан? — резко сказал Лука. — Аниос...

— Он сильнее меня! — Стефан едва дышал. — Ах, боги, если бы я знал... — его голос оборвался, и он зажмурился. — Я хотел это себе, — теперь он звучал раздраженно. — Не так. Все эти годы я отказывался от себя ради нескольких иссохших старых монахов.

Рева увидела, как разочарование окутало Луку, как плащ. В конце концов, Стефан ничем не отличался от того, каким он был до того, как Аниос забрал его тело.

— Хотел бы я, брат, чтобы все было по-другому, — Лука был теперь спокоен. В его словах было горе, но и смирение. — Я бы хотел, чтобы мы были лучшими братьями друг для друга. Жаль, что ты пошел меня убивать.

Голова Стефана дернулась вверх, и он посмотрел на Луку с крайней ненавистью.

— Ты ненавидел меня. Вы все ненавидели меня.

— Ты заслужил свою справедливую долю ненависти, — непоколебимо сказал Лука. — Но я бы хотел, чтобы было не так. Были времена, когда ты мог повернуть назад.

Глаза Стефана встретились с глазами Луки, и Реве почти показалось, что старший брат понял. Она могла видеть в нем печаль из-за пути, который был не принят и не выбран. А затем его тело снова напряглось, и смех вырвался из его горла.

Этот смех не был человеческим.

Все бойцы на пристани потянулись за мечами, но брат Аксил побежал к одной из лодок и начал перепиливать веревку.

— Никакой поножовщины! — крикнул он. Он вытащил веревку и начал завязывать ее на глазах у остальных, озадаченных. Тело сердито смотрело на них всех, с чистой ненавистью в глазах, и яростно вопило, а люди кричали от ужаса. — Держите его! — закричал брат Аксил. Стражи ринулись вперед, чтобы схватить тело, и им потребовалось все, чтобы удержать его, пока брат Аксил обвязывал веревку вокруг его шеи.

Священник покачал головой. Рева видела чистую усталость в том, как Аксил держал себя, наряду с полным принятием того, что должно было произойти. Это не доставляло ему удовольствия.

— Смерть трех узлов, — сказал он. — Тебя можно убить, и ты заслужил эту смерть. Аниос, пусть вместо тебя восстанет новый бог. Настоящий Принц Истины и Света, а не то, чем ты стал.

Солдаты дернули за веревку, и Рева расправила крылья, чтобы защитить Луку от зрелища. Он дрожал, уткнувшись лицом в ее чешуйки.

Они смотрели, как меркнет свет в глазах тела, а когда опустили его на землю, стало ясно, что в нем больше нет ничего живого. Брат Аксил осторожно закрыл глаза, затем повернулся к толпе.

— Все кончено, — сказал он. — Давайте построим новый мир.

28

Лука

Зазвучали трубы, и сердце Луки затрепетало в груди. Ощущение распространилось к его животу, и он сделал глубокий вдох, чтобы успокоиться.

— Лука, — голос брата Аксила был тихим в частной часовне. — Время пришло.

Но Лука медлил. Он посмотрел на витражи и закрыл глаза, сдерживая слезы. В последний раз он задал себе вопрос, который задавал снова и снова, пока тянулись часы: готов ли я стать королем?

Эта часовня казалась наполненной призраками. Эти призраки его братьев и отца были больше жизни. Лука провел время со своими воспоминаниями о Матиасе и отце, размышляя о выборе, который он видел, как они делали. Наконец, он начал избавляться от мысли, что Матиас имел божественное право править и что Лука всегда будет плохим.

Поскольку битва со Стефаном была выиграна, Лука, наконец, понял, что ему есть, что предложить своему королевству. У него было собственное представление о том, что правильно, а что неправильно, и теперь он чувствовал, что наконец-то достаточно созрел, чтобы понять его. Он будет править Эсталою по-своему. Он больше не чувствовал себя в тени призрака своего старшего брата.

Об отце его мысли были более противоречивыми. Было легко ненавидеть Давэда за то, что он сделал, за то, как он сокрушал людей в стремлении к более широкому миру, но Давэд проявил некоторую мудрость во время своего пребывания на посту короля. Он не был из тех, кто искал поклонения у своих подданных или предавался роскоши ради нее самой.

Он не боялся принимать трудные решения, и хотя Лука знал, что его выбор будет отличаться от выбора отца, он также знал, насколько трудным был этот выбор.

Он тратил время, думая не только об отце и Матиасе, но и о Стефане и лорде Тиниане. Стефан был монстром в конце, настолько решившим забрать то, что он считал своим по праву, что он убивал, порабощал и использовал своих подданных — и стал уязвимым для любого, кто обещал ему то, что он искал. В конце концов, он умер вместе с богом, которого так безжалостно эксплуатировал с ложным благочестием.

Чему Лука мог научиться у Стефана? Этот вопрос крутился в его голове уже много часов. Простая ненависть и полное неприятие были слишком легкими. Когда Лука заглянул глубоко внутрь себя, он увидел что-то, что пронзило его до костей. Стефан много лет знал, что он не был фаворитом, что его никто не любил. Это была та любовь, которую он искал с такой решимостью.

Лука еще не знал, как претворить в жизнь мудрость этой истории, но знал, что должен помнить ее. В конце концов, он тоже стал жертвой того, кто пообещал ему все, что он хотел.

Тиниан показал Луке другой способ правления. Победы не всегда одерживались в бою,

но иногда и богатством. Страна могла процветать за счет прагматизма и торговли, а не боевых песен и героических поступков.

Лука улыбнулся. Тиниан был героем больше, чем показывал при жизни. Теперь в королевских садах стояла его статуя, напоминание о том, что мужество не всегда можно определить по внешности человека. Оно находилось у самых неожиданных людей.

Мантия зашуршала за его спиной, и брат Аксил положил руку Луке на плечо.

— Я знаю, — сказал Лука. Он позволил брату Аксилу помочь ему встать. — Нужно о многом подумать.

— А ты думал об этом? — Брат Аксил скрестил руки и посмотрел на Луку, его старые глаза были такими же терпеливыми, как всегда, но в его челюстях чувствовалось напряжение. *Ты возьмешь корону? Я достаточно хорошо тебя обучил?*

Лука схватил старика за плечо.

— Я не мог бы и мечтать о лучшем гувернере. Когда я был ребенком, ты не говорил со мной так, будто я уже умер. В то время как другие не обращали на меня внимания, ты думал обучить меня как можно лучше. Ты много раз рисковал своей жизнью ради моей и отдавал мне все свои знания и доброту. Я могу только поблагодарить тебя.

Брат Аксил долго улыбался Луке, прежде чем обнять его, а затем указал на маленькую дверь, ведущую на помост. Он молча кивнул; Лука подумал, что священник мог не доверять своему голосу.

Лука вышел из двери и увидел большой зал, заполненный рядами дворян и простых людей. То, что на первый взгляд было лишь морем лиц, быстро превратилось в знакомых: Серена, обнявшая Каролину и Альберто; Таня с Сэмом, Ато и Карлией; Джеральдо с его знакомым взглядом и Нико с новой уверенностью в себе; лорд Роккан чувствовал себя неловко в парадной одежде; и многие лорды и генералы, которых Лука знал с детства.

Он сел на трон и смотрел, как молодой священник несет корону и скипетр по проходу. Он слегка нахмурился. Лицо мужчины было знакомо.

Увидев повернутую к священнику голову Серены и выражение ее лица, он вспомнил, кто это был: Рафаэль. В глазах Серены в равной мере отражались радость и печаль, и Лука почувствовал за нее боль. Для члена королевской семьи не было чем-то новым любить кого-то, на ком они не могли жениться, но он не желал ей этой душевной боли. Последние несколько недель она была занята, посвящая все больше времени своим затеям в городе, и теперь он думал, что знал, почему.

Он сидел неподвижно, пока масло капало ему на лоб и читались молитвы. Скипетр в его руках казался странным, а корона была тяжелой, когда ее, наконец, возложили ему на голову. Лука прислушивался к гулу людей, зовущих его по имени, и чувствовал радость, столь же острую, как горе, и печаль, нежную, как счастье.

Когда, наконец, люди утихли, он затаил дыхание, чтобы заговорить:

— Я думаю, с нас достаточно коронаций.

Наступила потрясенная тишина, а затем взрыв смеха. Люди быстро замолчали, поглядывая друг на друга, проверяя, позволено ли им хотя бы посмеяться над такой шуткой.

— Три месяца назад, — сказал им Лука, — я сидел в маленькой комнате в Золотом Порту и слушал, как Первый Советник говорит мне, что я буду на троне, хочу я того или нет, чтобы соперничать со Стефаном. Армия не принадлежала мне; выбор был не мой. Долгое время я боролся с фанатизмом, который распространял мой брат, а также с выбором, который он сделал. Будущее Эсталы казалось безрадостным. Я не был королем, которым

хотел быть.

Он сделал паузу, на мгновение, чтобы рассмотреть лица, глядящие на него. Дадут ли они ему совет, в котором он нуждался в ближайшие годы? Предложат ли ему поддержку? Невозможно было предсказать будущее, но он надеялся.

— Я уже не хочу быть королем лучше, чем Стефан, или создавать другую Эсталу, чем правил мой отец. Я стремлюсь создать полностью новый мир, не обязанный повторять или переворачивать прошлое, а вместо этого он будет опираться на силу, которая всегда была у Эсталы, и поднимать нас всех на новые высоты.

Несколько человек пробормотали небольшие молитвы. Серена улыбалась. Когда Лука встретился с ней взглядом, она кивнула ему, и Лука почувствовал, как его тело наполняется братской любовью. Рядом с Сереной Каролина ерзала на своем месте, но она тихонько захлопала в ладоши и улыбнулась. Он почувствовал, что улыбается в ответ.

— В речах мало силы, — сказал он. — Но в действиях заключена великая сила. В ближайшие годы мы будем действовать вместе, вы и я. Мы будем создавать союзы и строить наше процветание. Это мечты о мирном времени, поэтому я обещаю вам мир. Наши дни войны позади.

Он кивнул, показывая, что закончил говорить, и трубы заиграли величавую мелодию. Брат Аксил жестом пригласил Луку идти по проходу, и Лука сделал это под оглушительные возгласы. Он был всего лишь человеком с сияющей короной на голове, держащим скипетр, ничем иным, как мальчиком, которым он всегда был.

И все же он был намного больше. Шагая, он чувствовал себя проводником между народом и нацией, которой еще не было, но которая могла быть.

В коридоре рядом с ним появились его стражи и повели его к банкетному залу.

Он вертел скипетр в руках.

— Что мне с этим делать?

Кто-то засмеялся, и он резко поднял голову. Там стояла Рева, лицо ее озаряла широкая улыбка.

— Я не хочу смеяться, — сказала она. — Но это смешно. Вся эта помпезность и обстоятельства, а еще большой кусок золота, с которым не ясно, что делать, — она пошла вперед, подол ее богатого красного платья скользил по камням. — Я слышала твою речь. Я ждала снаружи часовни, дежуря с тобой. Я хотела увидеть тебя сейчас, чтобы спросить, как ты.

Стражи незаметно растворились, и Лука подавил желание обнять ее. Он протянул руку, и она подошла, чтобы сжать его ладонь.

— Я не знаю, как я, — честно сказал он ей. — Столько всего позади: мой отец, мои братья. Так много, что я знаю, что хочу быть лучше.

— Будешь, — сказала она с полной уверенностью. — Будешь, Лука.

Он улыбнулся, но сердце его вдруг забило так, будто не знало, что с собой делать. Он практически чувствовал, как мечется в его груди.

Последние две недели он избегал Ревы. Во-первых, он сказал себе, что она лечила других раненых драконов и выздоравливала от собственных ран. Кроме того, нужно было много сделать, чтобы подготовиться к коронации, выбрать кабинет и сотни других вещей, которым он должен был посвятить свое внимание.

На самом деле он избегал ее, потому что знал, что, увидев ее, он не сможет удержать в себе определенный вопрос. Теперь у него было ощущение, что он вот-вот упадет в обморок,

и это будет ужасно неловко.

— Рева, — начал он.

Затем он остановился. Казалось, он забыл каждое слово, которое когда-либо знал. Он моргал в панике. Его рот открывался и закрывался, а вопрос был в его сердце, не мог выйти из его тела.

Пальцы Ревы сжали его пальцы.

— Да, — просто сказала она. — Давай будем вместе. Будем счастливы, Лука.

Эпилог

Дикий визг эхом разносился по склону холма. Темные кудри блестели на солнце, Матиас несся по склону, а его младшая сестра с возмущенным криком шагала за ним.

— Матиас! — крикнула Рева. — Помедленнее.

Матиас, насколько она могла судить, почти не обращал на нее внимания. Она покачала головой и рассмеялась, потому что это было все, что она могла сделать. Затем она подошла к одному из валунов, усеивающих пейзаж, и прислонилась к твердой поверхности, чтобы убрать часть веса с ног. Она потеряла объёмный живот и улыбнулась, когда ребенок внутри толкнул ее.

Склон холма утопал в зелени, жизнь пустила корни в остатках оползня, который Францис вызвал много лет назад. Рева подняла лицо к солнцу и надолго закрыла глаза. Только когда ее дети позвали ее, она поняла, что ее лицо было мокрым от слез.

— Мама! Мама! — Матиас испугался. — Что случилось?

— Ничего страшного, милый, — Рева похлопала по камню рядом с собой, и Матиас вскарабкался. Она протянула руку, чтобы поднять Эмми и устроить девочку между ней и ее братом.

— Мама, — сказал Матиас. — Что это за место?

Рива не торопилась отвечать. У подножия склона ждали солдаты с каретами, и она видела, как Лука разговаривает с братом Аксиллом, просматривает бумаги и подписывает документы. Она попросила подняться на холм одна, но дети, конечно, пошли с ней.

Она не возражала.

— Здесь жил менти, — ответила Рева. Ее голос дрожал. — Человек, который мог двигать землю и камень. Он сделал весь этот холм.

Глаза Матиаса были очень круглыми.

— Зачем?

— Чтобы спасти свою жену, — Рева почувствовала комок в горле. Вдали она видела слабые очертания башни, вершина которой возвышалась над травой. Это все, что осталось от замка. Теперь там гнездились птицы и животные, создавая жизнь там, где раньше ее не было.

Она вытерла слезы со щек.

— Там была армия, — сказала она. — Они пришли, потому что не любили менти. Владыка земли знал, что битва унесет много жизней, и решил закончить ее еще до того, как она могла начаться, обрушив гору, чтобы его жена могла сбежать со своей служанкой и стражниками.

— Он умер? — спросил Матиас.

— Да, милый, — Рева кивнула. — Он умер здесь.

— Это грустно, — встряла Эмми.

— Да, — Рева прижала девочку так близко, как только позволял ее большой живот, а

потом улыбнулась ей. — Но той женщине суждено было умереть в тот день. Не было никакого способа избежать армии, пока он не сделал невозможное, — она сделала паузу. — Хотя он не был добрым человеком.

— Так зачем он это сделал? — спросил Матиас.

— Не знаю, — ответила Рева. Слезы снова потекли по ее щекам. — Не знаю, — повторила она. — Я знаю только, что это произошло. Это относится ко многим вещам в жизни, любовь моя.

Матиас с внимательностью четырехлетнего ребенка решил, что история окончена. Он спрыгнул со скалы и убежал, крича, что он тоже землевладелец, хороший и милый.

Рева рыдала и смеялась одновременно, поражаясь воображению сына.

— Мама, я из-за тебя буду мокрой! — Эмми отпрянула.

— Да, любовь, — Рева опустила ее на землю. — Иди и играй.

Эмми приняла совет еще до того, как он был дан. Она тоже убежала. Она тоже хотела быть землевладельцем, и собиралась стать еще более хорошей, чем Матиас.

Рева смотрела на них, положив руку на живот, и думала, что ее сердце разорвется. Здесь, на солнце, последние ее печали и страх начали отступать. Прошрое теперь было только воспоминанием. Ужас тех лет и безнадежность казались теперь почти сном.

Ей нужно было увидеть это место, и прихоть уговорила ее приехать именно сейчас, когда она ждала третьего ребенка. Озадаченный, Лука согласился поехать, и они взяли с собой детей. Они были неделю в дороге, чтобы увидеть это место. Теперь, когда он стал королем, проводить время вдали от Крепости Несры было сложно, но она настояла, и он согласился. Принцесса Серена была способна позаботиться обо всем в его отсутствие.

Здесь, перед местом, которое когда-то принесло ей столько боли, она увидела, как важно было тут побывать. Она медленно шла по склону холма, чувствуя, как ребенок пинается и успокаивается. Наконец освободившись от страха, который она испытывала, когда жила в этом месте, она позволила себе оплакивать детей, которых потеряла. Она чувствовала, что все они были здесь, как часть летнего дня: ветерок в траве, крики птиц, тепло солнца. Она помнила каждого из них и свои надежды на их будущее, свой страх, что мальчики вырастут такими же, как Францис, а девочки будут бояться его, как она.

Что-то в ней расслабилось. Воспоминания все еще были там, неизменные, но теперь их вес растворился.

Смех детей донесся до Ревы в дневном воздухе, и она вытерла щеки, улыбаясь сквозь слезы.

— До свидания, Францис, — тихо сказала она. — Спокойной ночи, дети мои. Сладких снов.

Она спустилась с холма, чтобы присоединиться к Луке, зовя Матиаса и Эмми следовать за ней, пока призраки прошлого тихо исчезали в залитом солнцем воздухе.

КОНЕЦ